Р. 798.864

УЧЕБНИКЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

СОСТАВИЛЪ

П. ВИНОГРАДОВЪ

Профессоръ Московскаго Университета

Часть I.

ДРЕВНІЙ М

КОЛОМЕА

Издательство Я. Оренштейна

798.864

Librairie Russe & Française
L. RODSTEIN
17, - Rue Cujas, - 17
PARIS

950

УЧЕБНИКЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

СОСТАВИЛЪ

П. ВИНОГРАДОВЪ

Профессоръ Московскаго Университета

Часть I

ДРЕВНІЙ МІРЪ

Проверено 1937—36 г.

ИСПОЛКОМ ВОЛОСТНОГО СОВЕТА ЛАТВІЯ ЦЕЛЛЕ

192

№

EXEKUTIV-KOMITEE DER SOWJETS IM

Ав.-Чер. Краевая ГОС. БИБЛИОТЕКА им. К. Маркса Ростов-Дон

КОЛОМЕА

Издательство Я. Оренштейна

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
им. К. Маркса
Ростов-Дон

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Введеніе.

Дикіе и культурные народы.

Бóльшая часть земной поверхности занята водными пространствами, недоступными для поселенія, да и на сушѣ не вездѣ живутъ люди: холодъ полярныхъ странъ, безводность Сахары препятствуютъ селиться человѣку. Хотя на громадныхъ пространствахъ сибирскихъ и сѣверо-американскихъ тундръ и существуетъ населеніе, но рѣдкое и занятое исключительно заботами о самомъ необходимомъ въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ. *Естественно, что люди тѣснятся и умножаются въ плодородныхъ мѣстностяхъ съ умѣреннымъ климатомъ.*

Но нельзя сказать, чтобы благосостояніе людей непремѣнно возрастало тамъ, гдѣ блага природы достаются въ изобиліи. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ и преріяхъ Америки, напр., живетъ множество дикихъ племенъ, которыя легко добываютъ пропитаніе охотой и потому не напрягаютъ и не развиваютъ своихъ умственныхъ силъ. Мы называемъ ихъ *дикими*, потому что они довольствуются тѣмъ, что даетъ природа, и не стараются улучшить свой бытъ съ помощью искусства. Въ противоположность имъ — европейцы, индусы, китайцы называются народами *культурными*. Слово *культура* значитъ «обработка», а когда оно прилагается къ быту людей, то обозначаетъ ихъ работу надъ окружающей природой и надъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, люди стараются подчинить себѣ природу, воспользоваться ею для своихъ нуждъ, но не менѣе не-

обходимо имъ заботиться о собственномъ совершенствованіи — о пріобрѣтеніи знаній, о выработкѣ характера, о хорошихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Усилія людей направлены къ тому, чтобы изучить жизнь, сдѣлать ее безопасной, полезной и пріятной. Безъ нѣкоторой работы такого рода не обходятся даже дикіе: всѣ люди, напр., пользуются огнемъ, между тѣмъ какъ съ нимъ не умѣютъ обращаться даже самыя смышленыя животныя. Но одни племена производятъ эту работу въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, живутъ изо дня въ день и, достигнувъ коечего, остаются въ одномъ положеніи сотни и тысячи лѣтъ; другія же, добившись извѣстнаго успѣха, стараются идти дальше и шагъ за шагомъ усваиваютъ множество знаній, привычекъ, порядковъ, которые способствуютъ улучшенію жизни.

Всякій шагъ впередъ въ этомъ отношеніи является великимъ дѣломъ, которое производитъ сильное впечатлѣніе на современниковъ и оставляетъ память въ потомствѣ. *Историческая наука ставитъ себѣ главной задачей слѣдить за работой человѣчества надъ природой и надъ самимъ собою.* Къ несчастію, ей приходится отмѣчать не одни успѣхи, а также бѣдствія и времена упадка. Но въ общемъ она свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣчество подвигается впередъ, становится умнѣе и лучше.

Расы и племена.

Народовъ, достигшихъ высокой культуры, сравнительно немного на земномъ шарѣ. Появленіе ихъ, какъ уже было сказано, зависѣло часто отъ благопріятныхъ географическихъ условій. Но, чтобы воспользоваться такими условіями, нужны способности, а не всѣ люди одинаково одарены отъ природы. Историкъ прежде всего долженъ обратить вниманіе на *различія между племенами.* Мы постоянно наблюдаемъ родственное сходство по виду и характеру въ извѣстныхъ семьяхъ; подобнымъ же образомъ и члены одного племени похожи другъ на друга и отлича-

ются отъ иностранцевъ. Книга Бытія сообщаетъ намъ, что весь родъ человѣческій пошелъ отъ первой семьи прародителей, потомство которой все разросталось, разселялось и пріобрѣтало племенныя отличія, хотя мы не знаемъ въ точности, какъ шло разселеніе. Въ настоящее время люди по самому цвѣту кожи раздѣляются на три основныя *расы:* бѣлую, желтую и черную. Къ первой принадлежатъ арійскія и семитическія племена Европы, Азіи и Африки. Кромѣ бѣлизны кожи, эта раса отличается равномѣрнымъ развитіемъ черепа и лица. Желтая раса охватываетъ монгольскія, финнскія, тюркскія и малайскія племена Стараго Свѣта. Къ ней примыкаютъ туземцы Америки, кожа которыхъ уже переходитъ въ кирпично-красный цвѣтъ. Характерными свойствами лица у бо́льшей части представителей этой расы являются выдающіяся скулы и узко-прорѣзанные глаза. Наконецъ, къ черной расѣ принадлежатъ африканскіе негры и австралійскіе папуасы; въ строеніи головы ее болѣе всего отличаетъ выдвинутая впередъ челюсть.

Большинство культурныхъ народовъ пошло отъ бѣлой расы. Желтая выставила самостоятельную китайскую культуру. Черная обнимаетъ только дикія племена. Но такъ какъ люди пошли отъ одной семьи, то нѣтъ непреодолимыхъ препятствій къ распространенію культуры даже среди теперешнихъ дикихъ. Исторія показываетъ часто, какъ народы, мало одаренные или находившіеся въ неблагопріятномъ положеніи, выходятъ изъ дикаго состоянія и пріобрѣтаютъ высшую культуру, когда измѣняются условія ихъ жизни.

До сихъ поръ *играли дѣятельную роль въ исторіи человѣчества сравнительно немногіе народы*, которые пріобрѣтали мало-по-малу вліяніе на сосѣдей. Ранѣе всего сложилась культура на востокѣ отъ насъ и притомъ въ двухъ почти разобщенныхъ другъ отъ друга полосахъ. Монголы въ Китаѣ и арійцы въ Индіи составили значительныя государства и достигли большихъ успѣховъ

въ образованности. Съ другой стороны, около Средиземнаго моря возникли культуры Египта и Ассиро-Вавилоніи. Уже подъ вліяніемъ послѣднихъ зародилась образованность Греціи и Италіи, мало-по-малу охватившая весь материкъ Европы. Въ настоящее время эта европейская культура перешла и на другія части свѣта и стала средоточіемъ жизни человѣчества. Относительно китайской и индійской культуръ достаточно свѣдѣній сообщено въ географіи. Намъ придется заняться исторіей народовъ, жившихъ около Средиземнаго моря.

Отдѣлъ первый.

Востокъ.

Глава I.

Египетъ.

Страна.

Древніе называли Египетскую страну «даромъ Нила». Это оазисъ, который тянется среди безплодной пустыни вдоль Нила, послѣ выхода рѣки изъ нубійскихъ скалъ. Верхнія части рѣки важны потому, что въ нихъ подготовляется наводненіе, которому Египетъ обязанъ своимъ плодородіемъ и культурой. Баръ-эль-Абіадъ — «Бѣлый» Нилъ — приноситъ изъ экваторіальныхъ странъ массу растительныхъ остатковъ, драгоцѣнныхъ для удобренія почвы; но его теченіе, растянувшееся на тысячи верстъ при незначительной покатости къ морю, слишкомъ лѣниво и медленно, чтобы произвести наводненіе. Послѣднее обусловливается «Синимъ» Нилomъ, Баръ-эль-Азрекомъ, который низвергается съ Абиссинскаго плоскогорія и, набравшись воды отъ тропическихъ дождей, какъ бы выталкиваетъ Нилъ изъ береговъ. Люди, животныя, растенія ждутъ наводненія какъ избавленія отъ іюньской засухи, когда по недѣлямъ дуетъ вѣтеръ съ пустыни. Въ концѣ іюня Нилъ начинаетъ подниматься, мѣняетъ цвѣтъ и, наконецъ, выходитъ изъ береговъ. Періодъ разлитія продолжается около четырехъ мѣсяцевъ.

Илъ и влага, оставленные рѣкой, дѣлаютъ почву Египта одною изъ самыхъ плодородныхъ на земномъ шарѣ, но необходимо руководить наводненіемъ, чтобы воспользо-

ваться его благами. Если предоставить рѣку самой себѣ, то она въ иныхъ мѣстахъ прорвется съ разрушительною силою, въ другихъ образуетъ лужи и болота вредной стоячей воды, а во многія мѣстности совсѣмъ не проникнетъ. *Природа, такъ сказать, вызываетъ жителей на неустанную и совокупную работу по управленію наводненіемъ.*

Населеніе Египта составилось изъ смѣшенія черной расы съ бѣлымъ, семитическимъ племенемъ. Оно сумѣло воспользоваться естественными условіями и, чтобы овладѣть рѣкой, устроило цѣлую сѣть оросительныхъ каналовъ, плотинъ, резервуаровъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ сооруженій было большое искусственное озеро въ Файумѣ, нѣсколько южнѣе Мемфиса (Мѣрисъ). Туда собирали во время наводненія излишнюю воду, а затѣмъ пользовались ею, какъ запасомъ, когда надо было поднять уровень рѣки.

Правительство.

Для того, чтобы такія работы были успѣшны, необходимо было производить ихъ общими усиліями и по общему плану, а не врознь. Поэтому египтяне очень рано соединились въ одно большое государство, охватившее теченіе рѣки отъ пороговъ до моря.

Все общество было подчинено дисциплинѣ въ родѣ той, которая господствуетъ въ настоящее время въ войскахъ. Во главѣ стоялъ *фараонъ*, котораго почитали, какъ земного бога, сына солнца. Привѣтствовали его, падая ницъ на землю, изображали, какъ и боговъ, въ видѣ исполина въ нѣсколько разъ бо́льшаго, чѣмъ обыкновенные люди. Фараоны старались возвеличить себя не только хорошимъ управленіемъ, заботой объ орошеніи страны и защитой ея отъ непріятелей, но и внѣшними памятниками своего какъ бы сверхъестественнаго могущества. Надъ могильной пирамидой[1]) Хеопса въ теченіе тридцати лѣтъ постоянно

[1]) Пирамида получится, если взять за основаніе четырехугольникъ и на немъ возвести сооруженіе, которое постепенно суживалось бы кверху, сходясь въ одной точкѣ.

работало по 100 000 человѣкъ, которыхъ смѣняли черезъ каждые три мѣсяца. И до сихъ поръ эта пирамида, достигающая 70 саженъ вышины, является самымъ колоссальнымъ памятникомъ человѣческой архитектуры. *Въ сословіяхъ воиновъ и жрецовъ* должности, права и преимущества передавались по наслѣдству; остальная масса народа была занята тяжелымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ трудомъ; впрочемъ, служба фараону могла возвысить даже простого человѣка до высшихъ степеней. Требовались многочисленные управляющіе, надзиратели работъ, сборщики податей, счетчики, письмоводители. Для всѣхъ этихъ занятій нужна была грамотность, и *служба грамотнаго человѣка*, «писаря», считалась въ Египтѣ самою выгодною и почетною изъ всѣхъ.

Письмо.

Письмо было придумано египтянами самостоятельно и чрезвычайно рано: болѣе, чѣмъ за 3000 лѣтъ до Р. Х. Ихъ древнѣйшіе письменные знаки называются іероглифами. Первоначально это были просто *изображенія предметовъ*, о которыхъ шла рѣчь. Напр., чтобы написать *слово «rot»* (человѣкъ), рисовали фигуру сидящаго человѣка Затѣмъ стали употреблять ту же фигуру для обозначенія *слога «rot»*, въ какихъ бы словахъ онъ ни встрѣчался. Кромѣ того, условились обозначать опредѣленными знаками мысли и понятія, которыхъ нельзя видѣть, а потому нельзя и нарисовать. Нога въ западнѣ, напр., означала *обманъ*.

Религія.

Въ жизни народа великое значеніе имѣла религія. Вначалѣ она представляла *грубое многобожіе, поклоненіе силамъ и явленіямъ природы*. Даже на нѣкоторыхъ животныхъ распространялся суевѣрный страхъ и богопочитаніе: во многихъ мѣстностяхъ поклонялись крокодилу; въ Мемфисѣ держали священнаго быка (Апись), въ которомъ видѣли воплощеніе одного изъ боговъ. Египтяне нерѣдко

представляли себѣ боговъ въ видѣ животныхъ или съ тѣломъ частью человѣческимъ, частью звѣринымъ. Пастырь душъ умершихъ Анубисъ, напримѣръ, изображался съ головою шакала. На Гизехскомъ полѣ, близъ пирамидъ, до сихъ поръ можно видѣть *сфинкса*, статую чудовища съ человѣческой головой и львинымъ тѣломъ, — это изображеніе бога солнца. *Среди многочисленныхъ культовъ*[1]) *мало-по-малу выдѣлился главный — почитаніе солнца.* Бога солнца называли — Ра или Амонъ. Осирисъ, сынъ Ра, борется съ злымъ Сетомъ, богомъ ночной тьмы. Какъ день уступаетъ мѣсто ночи, такъ Осирисъ терпитъ пораженіе отъ Сета и сходитъ въ преисподнюю, въ царство смерти, но затѣмъ возрождается и въ свою очередь побѣждаетъ своего врага.

Египтяне полагали, что *судьба души послѣ смерти находится въ зависимости отъ судьбы тѣла.* Чтобы душа не погибла, необходимо было сохранить тѣло отъ разложенія — отсюда обычай приготовленія мумій: изъ тѣла умиравшаго вынимали внутренности, обертывали его въ ткани, пропитанныя благовонными веществами, укладывали въ деревянный футляръ; тѣло высыхало, становилось «муміей», которая не подвергалась тлѣнію. Затѣмъ надо было позаботиться о приличномъ обиталищѣ для покойника, о снабженіи его пищей, утварью, прислугой. И вотъ ему строили обширную усыпальницу, изображали на ея стѣнахъ всѣ нужные человѣку предметы или, по крайней мѣрѣ, называли ихъ въ молитвенной надписи, которую повторяли посѣщавшіе могилу: это считалось достаточнымъ, чтобы обезпечить мертвому пользованіе всѣми названными вещами. При такомъ взглядѣ богатые сохраняли свои преимущества надъ бѣдными даже послѣ смерти, потому что тѣла ихъ лучше бальзамировались и могилы можно было лучше обставить. Но египтяне не остановились на этомъ грубомъ, матеріальномъ пониманіи

[1]) Культъ — почитаніе божества и поклоненіе ему.

загробной жизни. Въ противоположность ему *появляется ученіе о судѣ Осириса въ преисподней:* каждый подвергается испытанію по своимъ грѣхамъ и заслугамъ, и будущность души зависитъ уже не отъ богатства и не отъ попеченія родственниковъ, а отъ безпристрастнаго и всевѣдующаго судіи.

Искусство.

По характеру египтяне были народомъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ: этому содѣйствовали однообразіе и величіе окружавшей ихъ природы, строгій порядокъ въ обществѣ, великое трудолюбіе и религіозность. Характеръ ихъ сказывается и въ памятникахъ искусства, которые до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о значеніи этой древней культуры. Больше всего они сдѣлали для украшенія могилъ; около каждаго изъ ихъ большихъ городовъ находился «городъ мертвыхъ». Изъ великолѣпныхъ храмовъ боговъ можно назвать храмъ Амона въ Ѳивахъ, гдѣ теперь находится деревня Карнакъ. Изъ дворцовъ особенное удивленіе древнихъ возбуждалъ Лабиринтъ, на берегу Файумскаго озера, со своими 3000 комнатъ, расположенныхъ на половину подъ землею. Главнымъ украшеніемъ всѣхъ этихъ построекъ служили высѣченные на стѣнахъ рельефы[1]) и картины. Они изображали какъ подвиги боговъ и царей, такъ и сцены изъ обыденной жизни. Насъ поражаетъ наблюдательность художниковъ и въ то же время ихъ неловкость: фигуры всѣ поставлены въ профиль (бокомъ), а предметы, помѣщенные въ дѣйствительности одинъ позади другого, изображаются другъ надъ другомъ. Уже за 3000 лѣтъ до Р. Х. египтяне далеко двинулись въ искусствѣ, но затѣмъ они остановились на одномъ уровнѣ и начали работать по образцамъ, избѣгая уклоненій и новизны. То же самое замѣчается повсюду въ жизни египтянъ: *подчиненіе ея строгимъ и опредѣленнымъ правиламъ сначала имѣло благопріятныя послѣдствія, но за-*

[1]) Рельефъ — выпуклое изображеніе.

тѣмъ неизмѣнныя правила стали задерживать предпріимчивость и развитіе.

Главныя событія.

Уже задолго до 3000 года *царямъ города Мемфиса* удалось соединить всю страну отъ моря и до пороговъ въ одно государство. Памятниками могущественной 4-ой династіи[1]) были три пирамиды и сфинксъ на Гизехскомъ полѣ. Затѣмъ *главенство въ странѣ перешло къ городу Оивамъ*, лежащему выше по рѣкѣ. Въ это время особенно много было сдѣлано для орошенія и благосостоянія страны. При 12-ой династіи, напр., устроено озеро Мёрисъ. Сильный ударъ процвѣтанію народа былъ нанесенъ *вторженіемъ изъ Азіи кочевниковъ семитическаго племени гиксовъ* (около 2000 г.). Они господствовали нѣсколько сотъ лѣтъ, но, наконецъ, были изгнаны египтянами. Фараоны, ободренные успѣхомъ въ борьбѣ съ гиксами, перешли въ наступленіе: цари 18-ой и 19-ой династій совершили *рядъ побѣдоносныхъ походовъ противъ жителей передней Азіи*. Въ особенности старались они овладѣть сирійскимъ побережьемъ. Сначала они легко одерживали побѣды надъ разрозненными азіатскими народами, при чемъ особенно прославились фараоны Тутмесъ III и Рамзесъ II (1300 г.); но эти успѣхи приводили не къ прочнымъ завоеваніямъ, а только къ опустошенію непріятельскихъ мѣстностей и наложенію дани. Когда въ Азіи возникло могущественное ассирійское царство, дѣло измѣнилось: войска египтянъ стали терпѣть пораженія, и *ассиріяне даже завоевали Египетъ*. Чтобы свергнуть иго, фараоны послѣднихъ династій вступили въ *тѣсныя сношенія съ греками*, среди которыхъ они набирали наемниковъ. Благодаря этому, фараонамъ Псамметиху и Нехо удается на время возстановить могущество своей державы[2]).

[1]) Династія — рядъ государей, происходящихъ изъ одной семьи.

[2]) Царствованіе послѣдняго замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что высланный имъ изъ Краснаго моря флотъ объѣхалъ всю Африку кругомъ и вернулся по прошествіи трехъ лѣтъ черезъ устье Нила.

Но это возрожденіе Египта было кратковременно: большинство туземцевъ враждебно смотрѣло на греческихъ пришельцевъ и греческіе порядки при дворѣ. Внутренніе раздоры содѣйствовали непріятелямъ, и уже самъ Нехо былъ разбитъ вавилонянами. А въ 525 году фараонъ Псамменитъ потерпѣлъ окончательное пораженіе отъ персовъ, которые присоединили Египетъ къ своему царству.

Глава II.

Вавилонія и Ассирія.

Страна.

Въ передней Азіи культура образовалась ранѣе всего въ такъ называемой Месопотаміи. Подобно Нилу, Тигръ и Евфратъ оплодотворяютъ мѣстность своими разливами, но не иначе, какъ *при энергическихъ заботахъ населенія о правильномъ орошеніи*. Тѣ же поля, которыя въ древности были житницами Азіи, въ настоящее время, при бездѣятельномъ господствѣ турокъ, обратились въ пустыню. Месопотамія распадается на двѣ половины — вдоль средняго теченія рѣкъ лежитъ мѣстность, въ которой падаетъ довольно много дождя; нижнее теченіе проходитъ черезъ совершенно плоскую низменность, въ которой орошеніе всецѣло зависитъ отъ рѣчной воды. Сѣверная половина съ главнымъ городомъ Ниневіей составила ассирійское царство, южная съ Вавилономъ — Халдею. Главное отличіе отъ Египта состоитъ въ томъ, что *страна не обособлена самой природой подобно долинѣ Нила, а, напротивъ, сообщается съ цѣлымъ рядомъ разнородныхъ мѣстностей*. Истоки Тигра и Евфрата ставятъ ее въ общеніе съ Арменіей. Къ востоку отъ Тигра сидѣли воинственные народы, постоянно угрожавшіе безопасности населенія, — персы и мидяне. На западъ отъ Евфрата открывается труднопроходимая пустыня, въ которой кочевали разбойничьи племена арабовъ, а на сѣверо-западѣ

Евфратъ близко подходитъ къ долинѣ сирійскаго Оронта, и здѣсь завязываются сношенія съ прибрежьемъ Средиземнаго моря и Египтомъ.

Населеніе и религія.

Зародилась культура Месопотаміи на югѣ, въ области наводненій, у племенъ, которыя называли себя *аккадійцами* и принадлежали къ желтой расѣ. Въ такія же незапамятныя времена, какъ и въ Египтѣ, появилась здѣсь письменность; начали съ іероглифическихъ изображеній предметовъ, но въ Халдеѣ эти изображенія скоро потеряли всякое сходство съ образцами и приняли форму чертъ или клиньевъ, соединенныхъ подъ различными углами. Оттого письмена эти получили названіе *клинообразныхъ*.

Въ религіи древнѣйшаго населенія Халдеи замѣчательна вѣра въ демоновъ, или духовъ всякаго рода, которыми наполнена вселенная. Во главѣ ихъ стоятъ три божественныя существа, изъ которыхъ одно управляетъ небомъ, другое землею, третье преисподней. Халдеи вѣрили, что *въ жизни людей все зависитъ отъ призванія помощи духовъ и отклоненія ихъ дурныхъ вліяній*; болѣзнь и несчастіе можно предотвратить заклинаніями или талисманами, т.-е. волшебными предметами, которые люди надѣваютъ на себя.

Еще до 3000 г. страну *завоевали семитическія племена*. Они смѣшались съ аккадійцами и усвоили все то, что было сдѣлано ими. Многое они и прибавили. Пришельцы принесли *вѣрованія, похожія на ученіе Библіи:* у нихъ, напр., сохранилось преданіе о потопѣ, до мелочей напоминающее библейскій разсказъ. Но вмѣсто того, чтобы, подобно евреямъ, утвердиться въ единобожіи, эти семиты восприняли вѣрованія аккадійцевъ и дополнили ихъ *поклоненіемъ небеснымъ свѣтиламъ*. Они знали пять планетъ и воздавали имъ богопочитаніе. Выше всѣхъ, конечно стоялъ богъ солнца — Белъ. Белъ являлся и правителемъ

вселенной, дарующимъ богоденствіе людямъ, и смертоноснымъ разрушителемъ, котораго умилостивить можно только кровавыми жертвами. Иштаръ была богиней земного плодородія, любви и войны. Вѣрующіе не думали постоянно о загробной жизни, какъ въ Египтѣ, а просили боговъ объ успѣхахъ въ земной борьбѣ. *Религія соотвѣтствовала характеру народа — энергическому и склонному къ насилію и жестокости.*

Ассирійское царство.

Особенно замѣтны эти черты въ Ассиріи, т.-е. въ области по среднему теченію Евфрата и Тигра. Ассиріяне такъ увлекались славою и величіемъ своего народа, что приписывали распространеніе своего могущества богинѣ Иштаръ. Она будто бы на время приняла образъ царицы Семирамиды, совершила рядъ подвиговъ и походовъ, воевала въ Индіи и Скиѳіи, а подконецъ обратилась въ голубя и покинула землю. Въ дѣйствительности ассиріянамъ пришлось выдержать упорную и продолжительную борьбу со всѣми окрестными племенами. *Шесть вѣковъ продолжались кровопролитныя войны* въ Арменіи и Малой Азіи, Мидіи, Персіи и Вавилоніи, Сиріи, Финикіи и Палестинѣ. При этомъ ассиріяне подвигались какъ бы навстрѣчу египтянамъ, съ востока на западъ. Наименьшее вниманіе они обращали на Индію и Персидскій заливъ, хотя къ нему текутъ Тигръ и Евфратъ. Главная цѣль была выйти къ Средиземному морю черезъ Сирію. Въ концѣ VIII вѣка Саргонъ соединилъ подъ своею властью всю переднюю Азію отъ Средиземнаго моря до Иранскаго плоскогорія и отъ Каспійскаго моря до Персидскаго залива. Внукъ его Ассаргадонъ подчинилъ Египетъ. Но подчиненіе большей части племенъ этого громаднаго царства было весьма непрочно. Не проходило года, чтобы не было войны или возстанія. Ассиріяне и не помышляли о томъ, чтобы примирить побѣжденныхъ со своею властью: Цари ихъ въ длинныхъ, дошедшихъ до насъ надписяхъ

хвалятся тѣмъ, что избивали враговъ тысячами, наполнили рѣки кровью, усѣяли землю трупами, сожгли города, опустошили поля. Побѣжденныхъ часто угоняли массами на чужбину. Такъ поступилъ Саргонъ послѣ взятія Самаріи съ остатками израильтянъ.

Культура.

Страна побѣдителей достигла въ это время неслыханнаго богатства и роскоши, о которыхъ свидѣтельствуютъ до сихъ поръ остатки зданій, построенныхъ великими царями-завоевателями. Наиболѣе замѣчательны не храмы боговъ и не могильные памятники, а развалины дворцовъ, напр., замокъ Саргона, къ сѣверо-востоку отъ Ниневіи (теперь Хорсабадъ). *Статуи и рельефы, украшающіе стѣны этихъ построекъ, отличаются бо́льшею живостью и непринужденностью, чѣмъ египетскіе, но сдѣланы грубѣе.* Главное содержаніе изображеній составляютъ сцены военной жизни, охоты, торжественныя процессіи и пріемы царей. Нельзя сказать однако, чтобы въ то время интересовались исключительно внѣшнимъ могуществомъ и пышностью. Одинъ изъ послѣднихъ царей, Ассурбанипалъ, собралъ *громадную библіотеку* государственныхъ грамотъ, договоровъ, замѣчательныхъ произведеній вавилонской и ассирійской словесности. Она состояла не изъ книгъ, а изъ глиняныхъ табличекъ, на которыхъ были вырѣзаны тексты клинообразнаго письма. При раскопкахъ дворца Ассурбанипала, произведенныхъ англичанами въ половинѣ нашего вѣка, была найдена значительная часть этихъ табличекъ; онѣ служатъ драгоцѣннымъ памятникомъ исторіи этой древней культуры.

Вавилонское царство.

Господство ассиріянъ было основано на безпощадномъ подавленіи и ограбленіи сосѣднихъ народностей. Ниневійскій царь держалъ въ страхѣ всю переднюю Азію, но втайнѣ его вездѣ проклинали и ненавидѣли. Стоило

только дрогнуть его военному могуществу, чтобы вокругъ него сразу поднялись порабощенныя племена. Часъ возмездія насталъ, когда при преемникѣ Ассурбанипала Саракѣ вспыхнула тяжелая война съ мидянами. Вавилоняне не могли простить ассиріянамъ разрушенія Вавилона сыномъ Саргона и присоединились къ мидянамъ. Войска союзниковъ взяли Ниневію послѣ отчаянной борьбы. Саракъ не ждалъ и не просилъ пощады, а зажегъ свой дворецъ и погибъ въ пламени вмѣстѣ съ своими приближенными (606). Побѣдители срыли Ниневію до основанія и угнали въ рабство чуть не все населеніе страны. Въ борьбѣ съ ассиріянами союзниковъ соединяла только общая ненависть; тотчасъ послѣ побѣды они поссорились. *Наслѣдниками ассирійскаго могущества сдѣлались на нѣкоторое время вавилоняне.* При ихъ царѣ Навуходоносорѣ Халдея стала такимъ же центромъ передней Азіи, какимъ прежде была Ассирія. Онъ успѣшно сдерживалъ распространеніе мидянъ. Главныя же его усилія были обращены на западъ. Онъ наказалъ арабовъ за ихъ набѣги, разбилъ фараона Нехо въ Сиріи, два раза бралъ Іерусалимъ и во второй разъ (586) разрушилъ храмъ Соломона; осаждалъ Тиръ и подчинилъ своему вліянію Финикію; наконецъ, совершилъ побѣдоносный походъ въ Египетъ. Несмотря на эти постоянныя войны, Навуходоносоръ находилъ время и силы, чтобы исполнить великія предпріятія внутри страны. Онъ возстановилъ Вавилонъ въ его прежнемъ блескѣ, обнесъ его стѣною почти въ 60 верстъ длины и построилъ мостъ черезъ Евфратъ. Затѣмъ онъ привелъ въ порядокъ работы по орошенію, пришедшія въ упадокъ во время ассирійскаго господства, и прорылъ каналъ, по которому къ Вавилону могли подходить большіе корабли съ хлѣбомъ. Послѣ его смерти возобновилась борьба съ восточными сосѣдями. Теперь выступилъ новый народъ, пріобрѣтшій въ VI вѣкѣ перевѣсъ надъ мидянами, — персы. Они безъ особаго труда одолѣли преемника Навуходоносора Набонеда (Валтасара) и въ 538 г. заняли Вавилонъ.

Ак.-Чер. ГОС. БИБЛІОТЕКА

Глава III.

Мидія и Персія.

Страна.

Къ востоку отъ Тигра поднимается обширное Иранское плоскогоріе. *Страна эта не объединяется и не оживляется большими рѣками*, какъ Египетъ или Ассиро-Вавилонія. Населеніе размѣстилось по ней сначала въ разбродъ, больше по краямъ, чѣмъ въ центрѣ; часть сосредоточилась на верховьяхъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи и вступила въ борьбу съ кочевниками сѣверной пустыни; часть передвинулась къ сѣверо-западу, въ Мидію, и къ юго-западу, въ Персію, и завязала сношенія съ Ассиріей и Халдеей. Плодородію земли не способствуютъ наводненія, и *хлѣбопашество зависитъ отъ труда отдѣльныхъ хозяевъ болѣе, чѣмъ отъ искуснаго устройства орошенія.*

Населеніе.

Осѣдлость мало-по-малу установилась вслѣдствіе появленія *народовъ арійскаго племени*, которые вступили въ борьбу съ первоначальными поселенцами тюркскаго племени и частью покорили ихъ, частью оттѣснили къ сѣверу. Это завоеваніе было связано съ разселеніемъ арійцевъ, которые разошлись по всѣмъ направленіямъ изъ своей первоначальной родины въ средней Азіи. Между тѣмъ какъ мидяне и персы заняли плоскогоріе къ востоку отъ Тигра, другая часть племени спустилась въ Пенджабъ — отъ нея пошли арійскіе индусы. Значительныя массы арійцевъ перебрались въ разное время въ Европу; сначала греки и италики, затѣмъ кельты и германцы, наконецъ, литовцы и славяне. Какъ ни различна была судьба этихъ народовъ, однако близкое *родство ихъ обнаруживается въ сходствѣ обычаевъ, а въ особенности — языковъ.* Древнеарійское нарѣчіе индусовъ, санскритъ, древнеарійское нарѣчіе персовъ, зендъ, и всѣ основные европейскіе языки не только имѣютъ множество одинаковыхъ корней и сход-

ныхъ словъ, но и по грамматическому строенію представляютъ тѣсно сплоченную семью, отличающуюся существеннымъ образомъ отъ другихъ группъ.

Религія.

Общеарійское происхожденіе сказывается также въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, хотя менѣе рѣзко, чѣмъ въ языкѣ. Иранскіе арійцы, подобно индійскимъ, *выше всѣхъ боговъ чтили властителя небесной тверди*, при чемъ солнце они называли его глазомъ. Этотъ добрый и могучій богъ — Варуна индусовъ, Ормуздъ иранцевъ — ведетъ постоянную борьбу со злыми демонами, поражая ихъ громовымъ ударомъ молніи. Но между тѣмъ какъ, по взгляду индусовъ, благой богъ подчиняетъ себѣ всю природу и оттѣсняетъ злыхъ духовъ, иранцы признали за зломъ громадную силу: противъ Ормузда возстаетъ Ариманъ, глава темнаго начала. *Рѣзкая двойственность (дуализмъ) проходитъ черезъ всю природу.* Свѣтъ и тьма, жизнь и смерть, правда и ложь, добро и зло съ самаго сотворенія міра спорятъ другъ съ другомъ о преобладаніи. Праведный человѣкъ является воинномъ свѣтлаго бога, и каждый долженъ стремиться къ праведной жизни на землѣ, потому что отъ этого зависитъ и судьба человѣка по смерти. Души умершихъ проходятъ черезъ мостъ, одинъ конецъ котораго ведетъ на небо, въ мѣстопребываніе Ормузда, а другой спускается въ адъ.

Воззрѣнія эти, по преданію персовъ, были открыты людямъ пророкомъ Заратуштра (Зороастръ). До насъ они дошли въ священныхъ книгахъ, составленныхъ иранскими жрецами, въ такъ называемой *Зендъ-Авестѣ*. *Жреческое сословіе было отдѣлено отъ другихъ и очень могущественно*, особенно у мидянъ, гдѣ оно носило названіе *магово*. Въ его средѣ религія Ормузда сдѣлалась сложнымъ ученіемъ, изъ котораго вытекало множество строгихъ нравственныхъ предписаній. Простой народъ не могъ услѣдить за всѣми подробностями, но основная мысль о постоянной борьбѣ

добраго и злого началъ глубоко проникла въ его духъ. Самый бѣдный крестьянинъ считалъ, что своимъ упорнымъ трудомъ надъ воздѣлываніемъ земли онъ служитъ Ормузду, тогда какъ беззаконный грабитель, кочевой туркменъ, совершаетъ дѣло Аримана.

Мидійское царство.

Такимъ образомъ, изъ общеарійскихъ вѣрованій у иранцевъ развилась религія, которая имѣла великое значеніе въ бытѣ этихъ народовъ. Въ другихъ же отношеніяхъ *они подчинились вліянію высокой ассиро-вавилонской культуры*, съ которой соприкасались на западѣ. Отсюда они заимствовали клинообразное письмо, пріемы архитектуры и скульптуры. Въ эпоху распространенія ассирійскаго могущества мидяне и персы попали даже въ политическую зависимость отъ ассирійскихъ царей. *Толчокъ, выведшій ихъ изъ этого второстепеннаго положенія, былъ данъ нашествіемъ скиѳовъ* въ VII вѣкѣ до Р. Х. Занимавшія южную Россію кочевыя племена, среди которыхъ смѣшивались народы арійскаго и тюркскаго происхожденія, пришли въ VII вѣкѣ въ сильное волненіе. Часть ихъ обрушилась на Иранъ и Малую Азію. Послѣ долгой и сначала неудачной борьбы мидійскій царь Кіаксаръ измѣною захватилъ и перебилъ скиѳскихъ вождей, а затѣмъ справился и съ остальными. Этотъ отпоръ, данный скиѳамъ, поднялъ значеніе мидянъ. Они не хотѣли болѣе подчиняться Ассиріи, и тотъ же Кіаксаръ въ союзѣ съ вавилонянами выступилъ въ походъ противъ Ниневіи, закончившійся разгромомъ ассирійскаго царства. *Лѣтъ шестьдесятъ мидяне сохраняли за собою руководство иранскими народами.* Ихъ столица Экбатана обстроилась и изукрасилась за это время по образцу Ниневіи и Вавилона.

Киръ.

Около 550 г. до Р. Х. перевѣсъ въ Иранѣ получили персы. Вслѣдствіе возстанія персидскаго войска подъ

начальствомъ Кира власть перешла къ персидской династіи Ахеменидовъ, и столица была перенесена въ Сузу. Но *мидяне и персы продолжали дѣйствовать заодно* и одинаково содѣйствовали распространенію и укрѣпленію новаго царства.

Соединивъ эти племена подъ своимъ владычествомъ, Киръ прежде всего обратился противъ *Лидіи*. Цари этой страны успѣли собрать разрозненныя малоазіатскія народности. Они подчинили даже греческія колоніи, устроившіяся по берегу Эгейскаго моря. Дворъ лидійскаго царя Креза въ Сардахъ сдѣлался центромъ богатства и роскоши: при немъ завязались оживленныя сношенія не только съ народами Сиріи, передней Азіи и Египта, но даже и съ европейскими греками. Но быстрое возвышеніе неблагопріятно подѣйствовало на лидійцевъ: они впали въ изнѣженность и не могли выдержать столкновенія съ болѣе закаленными персами. Киръ не побоялся совершить противъ нихъ походъ въ зимнее время и взялъ Сарды. Его полководцы продолжали его дѣло и покорили всю Малую Азію до самаго моря. Кромѣ того, была покорена Халдея и Сирія.

Дарій Гистаспъ.

Передъ смертью Кира (около 529 г.) ему принадлежали Халдея, Ассирія, Малая Азія и Иранъ, а сынъ его *Камбизъ* покорилъ Египетъ. Послѣ смерти Камбиза, не оставившаго наслѣдниковъ, начались усобицы, но одинъ изъ Ахеменидовъ Дарій Гистаспъ подавилъ ихъ и докончилъ образованіе громаднаго Персидскаго царства, которое при немъ на востокѣ охватило Туркестанъ и сѣверо-западную Индію, а на западѣ распространилось на Ѳракію. Большая часть царствованія Дарія прошла въ походахъ для усмиренія возстаній то въ одной, то въ другой части его обширныхъ владѣній. Дарій не ограничился, подобно ассирійскимъ царямъ, поголовными избіеніями и переселеніями побѣжденныхъ; онъ сдѣлалъ попытку организо-

вать[1]) свое царство правильнымъ и въ то же время нестѣснительнымъ для подданныхъ образомъ. *Для этой цѣли онъ раздѣлилъ его на двадцать три области.* Въ каждой былъ поставленъ губернаторъ — сатрапъ, который долженъ былъ заботиться объ интересахъ персовъ. Подчиненные народы въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ продолжали пользоваться мѣстными обычаями и собственнымъ управленіемъ, но сатрапъ взималъ съ нихъ подати, собиралъ ихъ войска въ помощь царю, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не возникало заговоровъ. Сатрапы назначались царемъ и оставались во власти, пока было угодно царю. Для наблюденія за ними Дарій посылалъ въ ихъ области довѣренныхъ людей, которыхъ называли «глазами и ушами царя». Вообще, какъ ни могущественны были сатрапы въ своихъ областяхъ, они зависѣли вполнѣ отъ своего повелителя въ Сузѣ, и достаточно было простого приказанія оттуда, чтобы лишить сатрапа власти, а иногда и жизни. Такимъ образомъ, *весь порядокъ персидской державы былъ основанъ на безусловномъ господствѣ «великаго царя».*

Глава IV.
Финикія.

Страна.

И ассиріяне, и вавилоняне, и мидяне, и персы постоянно стремятся съ востока на западъ, а изъ всѣхъ западныхъ земель больше всего ихъ привлекаетъ финикійскій берегъ Средиземнаго моря. *Дѣло не въ плодородіи почвы:* финикійскій берегъ былъ узкой полосой песчаной и скалистой земли. Но семитическое населеніе Финикіи сумѣло воспользоваться нѣсколькими благопріятными обстоятельствами: скалы по берегу и близъ него образуютъ хорошую

[1]) Организмъ — живое существо, члены или органы котораго устроены такъ, чтобы содѣйствовать продолженію его жизни. Организовать — устроить по образцу живого существа.

защиту для судовъ отъ вѣтра и морского волненія; на нихъ легко было укрѣпиться и противъ нападенія съ суши; передъ глазами открывалось широкое море, по которому можно было проникнуть и въ Европу, и въ Африку; непосредственно позади, въ Сиріи, встрѣчались *пути изъ двухъ великихъ культурныхъ странъ — изъ Египта и Ассиро-Вавилоніи*. Египетская торговля направлялась къ сѣверу, и ея главные склады были въ сирійскомъ Дамаскѣ и финикійскихъ городахъ. Туда же двигались сначала вверхъ по Евфрату, а затѣмъ внизъ, вдоль Оронта, вавилонскіе и ассирійскіе товары. Положеніе было необыкновенно выгодно для всей Сиріи, но особенно воспользовались ими финикійскіе порты — Сидонъ и Тиръ.

Финикійскія колоніи.

Не ограничиваясь тѣмъ, что было подъ руками, финикійскіе мореплаватели пустились въ Средиземное море и основали свои колоніи (поселенія) по всѣмъ берегамъ. Первымъ ихъ пріобрѣтеніемъ былъ островъ Кипръ: они добывали на немъ мѣдь, и самое имя острова стало нарицательнымъ названіемъ этого металла во многихъ западноевропейскихъ языкахъ (cyprium, cuprum, cuivre, Kupfer). Занятіемъ острова Киѳеры они пріобрѣли вліяніе на южную Грецію. Здѣсь они собирали раковины, изъ которыхъ приготовляли пурпуровую краску. На островѣ Ѳасосѣ, на сѣверѣ архипелага, они разрабатывали золото. Даже во внутренней Греціи многіе города носятъ слѣды вліянія финикіянъ (Коринѳъ, Аргосъ, Ѳивы).

Италіи финикіяне почти не коснулись — они захватили своими поселеніями только Сицилію и Сардинію. Зато ихъ колонизація усиленно направилась на южную Испанію и сѣверную Африку. Гадиръ (Кадиксъ), близъ Гибралтарскаго пролива, и Карѳагенъ (новый городъ), въ теперешнемъ Тунисѣ, были ихъ главными опорными пунктами. Въ Испаніи они открыли серебряную руду и стали вывозить оттуда столько серебра, что металлъ этотъ, который

сначала былъ дороже золота, сильно упалъ въ цѣнѣ. Наконецъ, финикіяне не остановились даже передъ Атлантическимъ океаномъ: они основали колоніи на западномъ африканскомъ берегу и завели торговлю съ британскими островами, гдѣ доставали олово. Кромѣ того, что въ Финикію стекались продукты азіатской караванной торговли, тамъ получали благовонныя вещества, пряности и золото изъ Аравіи, драгоцѣнные камни изъ сѣвернаго Ирана, коней и колесницы изъ Арменіи, хлѣбъ и оливковое масло изъ Сиріи, предметы роскоши изъ Египта и Вавилоніи, наконецъ, рабовъ со всѣхъ частей тогдашняго міра. *Маленькая, безплодная Финикія сдѣлалась торговымъ средоточіемъ тогдашняго міра.*

Культура.

Финикіяне занимались не только торговымъ обмѣномъ. Они учились и заимствовали у образованныхъ народовъ, съ которыми встрѣчались, и въ свою очередь учили варваровъ. У египтянъ и вавилонянъ они переняли умѣнье дѣлать стекло, приготовлять и красить ткани, обрабатывать камень и металлы. *Они передѣлали египетское письмо*, упростили его и составили азбуку отдѣльныхъ буквъ, а отъ этой финикійской азбуки пошла греческая, латинская и всѣ прочія европейскія, а также еврейская, арабская и другія восточныя азбуки. Для такой дѣятельности требовалась большая *предпріимчивость, смѣлость и изворотливость, умѣнье пользоваться обстоятельствами:* финикіяне вполнѣ сосредоточились на практической дѣятельности и мало задавались вопросами о загробной жизни, которые такъ интересовали египтянъ; не искали они и военной славы, какъ ассиріяне.

Религія ихъ была во многомъ *сходна съ халдейской:* главными богами были — Ваалъ и Астарта, какъ Белъ и Иштаръ въ Вавилонѣ. Финикійскіе боги имѣли грозный и жестокій характеръ; чтобы умилостивить ихъ, имъ приносили человѣческія жертвы.

Судьба народа отразилась въ сказаніи о томъ, какъ Ваалъ въ образѣ героя Мелькарта обошелъ землю, совершая повсюду подвиги, достигъ Гибралтарскаго пролива и поставилъ тамъ два столба въ знаменіе того, что на этомъ мѣстѣ оканчивается земля. Греки впослѣдствіи замѣнили Мелькарта Геркулесомъ, и, такимъ образомъ, возникла пословица — дойти до Геркулесовыхъ столбовъ, т. е. до предѣла возможнаго.

Богатство и могущество финикіянъ было не совсѣмъ прочно. *Ихъ страна состояла изъ ряда городовъ, между которыми было мало связи.* Въ колоніяхъ финикіяне не старались завоевать и населить области, въ которыхъ появлялись, а *устраивали гдѣ-нибудь на островахъ или на берегу свои склады и конторы*, для сношеній съ туземцами. Они однако болѣе тысячи лѣтъ держали въ своихъ рукахъ міровую торговлю. Сильный ударъ нанесли имъ ассиріяне, которые въ VIII и VII вѣкахъ нѣсколько разъ осаждали Тиръ. Но окончательное паденіе Финикіи было вызвано тѣмъ, что варвары, съ которыми они имѣли дѣло, у нихъ же научились многому и стали вытѣснять пришельцевъ. *Когда у грековъ развилась культура и мореплаваніе, они заградили финикіянамъ пути въ Средиземномъ морѣ.*

Отдѣлъ второй.

Греція.

Глава I.

Географическій очеркъ.

Страна.

Средиземное море на сѣверо-востокѣ вдается въ материкъ и образуетъ Эгейское и Мраморное моря, которыми сообщается съ Чернымъ. Послѣднее значительно разобщаетъ Азію отъ Европы; но въ Мраморномъ морѣ обѣ части свѣта почти соприкасаются, а въ Эгейскомъ ихъ связываютъ острова Архипелага. *Эти острова, Балканскій полуостровъ къ западу и берегъ Малой Азіи къ востоку составляютъ въ исторіи одно цѣлое:* всѣ эти области заняты были народами греческаго племени и жили въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ.

Въ Малой Азіи поднимается высокое и однообразное плоскогоріе, напоминающее Иранъ; къ западу оно понижается и пропускаетъ нѣсколько значительныхъ рѣкъ. *Берега изрѣзаны бухтами и очень удобны для мореплаванія.* Впереди нихъ лежитъ рядъ острововъ, изъ которыхъ важнѣйшіе: Лесбосъ, Хіосъ, Самосъ и Родосъ. Критъ какъ бы замыкаетъ Эгейское море съ юга, а вдоль европейскаго берега расположены: Кипера, Эвбея, Ѳасосъ и др.

Главное значеніе въ исторіи имѣла собственная Греція или такъ называемая Эллада, южная часть Балканскаго полуострова. Ея граница къ сѣверу — Балканская цѣпь, которая чрезвычайно затрудняетъ сообщеніе съ придунайскими землями. *Греція, такимъ образомъ, какъ бы*

обращена и прижата къ морю. Она расчленена многочисленными полуостровами и островами, мысами, бухтами, и, *чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ береговое развитіе разнообразнѣе. Немудрено, что жители стали хорошими мореплавателями.* Западные берега менѣе удобны вслѣдствіе отмелей и подводныхъ камней, и восточная сторона имѣетъ надъ ними безусловныя преимущества. Здѣсь горы не такъ тѣсно подступаютъ къ берегу, рѣки образуютъ годныя для обработки долины, и, главное, берегъ усѣянъ хорошими бухтами и обращенъ къ островамъ Эгейскаго моря и противолежащей Малой Азіи. *На восточной половинѣ Греціи лежали всѣ главныя эллинскія государства, и на ней происходили главныя событія въ исторіи страны.*

Греція распадается на три части: сѣверную — отъ Балканъ до Ѳермопильскаго ущелья, среднюю — до Коринѳскаго перешейка (Истмъ), и южную или Пелопоннесъ.

Сѣверная Греція раздѣляется горными хребтами на четыре части: на сѣверной половинѣ остаются дикія, населенныя варварами[1]) Иллирія и Македонія, къ югу хребетъ Пиндъ и его отроги разгораживаютъ другъ отъ друга Эпиръ и Ѳессалію. Ѳессалія Ѳермопильскимъ проходомъ сообщается съ средней Греціей.

Средняя Греція расположена около возвышенности Парнасса. Къ западу лежатъ суровыя и малонаселенныя горныя области (Акарнанія, Этолія, Локрида). На востокѣ лежатъ Фокида, Бэотія и Аттика.

Переходъ отъ средней Греціи къ Пелопоннесу составляетъ Истмъ (перешеекъ). Въ срединѣ *Пелопоннеса* лежитъ горная мѣстность Аркадія, около которой располагаются остальныя области: Элида, къ сѣверу-западу, Ахея къ сѣверу, Арголида къ сѣверо-востоку, Лаконія и Мессенія къ югу.

[1]) Необразованные народы. Первоначально греки обозначали этимъ словомъ всѣ племена, говорившія не по-гречески.

Итакъ, Греція была разбита труднопроходимыми горными цѣпями и выръзами берега на множество самостоятельныхъ областей. Каждая изъ нихъ устроилась по-своему и составила отдѣльное государство.

Почва Эллады довольно скудная, и чувствуется недостатокъ въ орошеніи, такъ какъ нѣтъ мѣста для большихъ рѣкъ. *При возрастаніи населенія приходилось, какъ и въ Финикіи, обращаться къ торговлѣ и искать новыхъ мѣстъ для житья.*

Племена.

Первыхъ насельниковъ Греціи и малоазіатскаго берега называли *пеласгами*. Около 1100 г. произошло перемѣщеніе народовъ вслѣдствіе толчка, даннаго сѣверными племенами. Племя *дорянъ*, сидѣвшее около Олимпа, двинулось въ Пелопоннесъ. Во главѣ ихъ, по преданію, стояли три Гераклида, потомки героя Геракла. Съ тѣхъ поръ обитатели Греціи и малоазіатскаго берега стали называться *эллинами*. Они раздѣлялись на три племени — на *дорянъ*, *ахейцевъ и іонянъ*. Доряне господствовали въ Арголидѣ, Мессеніи, Лаконіи и на перешейкѣ (Истмъ). Ахейцы (эоляне) занимали главнымъ образомъ сѣверозападный берегъ Пелопоннеса — Ахею, Бэотію и Ѳессалію. Главныя поселенія іонянъ были въ Аттикѣ и на Эвбеѣ.

Колоніи.

Движеніе не ограничилось Балканскимъ полуостровомъ а перешло за море: съ XI до VI вѣка греческія области постоянно высылаютъ массы населенія искать счастья въ чужихъ краяхъ, и, такимъ образомъ, по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря создается цѣлый міръ колоній. Сначала движеніе идетъ на *востокъ* — на острова Архипелага и въ Малую Азію; затѣмъ оно направляется, главнымъ образомъ, на *сѣверъ*, къ берегамъ Чернаго моря и Геллеспонта; наконецъ, переселенцы пускаются на *западъ* — въ Италію и Сицилію. *Дорійскія* поселенія устроились

на южныхъ островахъ Архипелага (Критъ, Родосъ) и въ сѣверной Африкѣ (Кирена). На малоазіатскомъ берегу важнѣйшей станціей дорянъ былъ Галикарнассъ. *Ѳракія* также привлекала ихъ: Коринѳъ основалъ здѣсь Потидею, а Мегара — Византію, которой суждено было сдѣлаться впослѣдствіи одной изъ столицъ міра. Еще значительнѣе была дорійская колонизація на западѣ. Коринѳъ выслалъ колонистовъ на островъ Коркиру. Въ 723 г. Коринѳяне же основали Сиракузы въ Сициліи. Въ Италіи лаконскіе выходцы основали Тарентъ.

Ахейцамъ принадлежитъ островъ Лесбосъ и сѣверные города по малоазіатскому берегу (главные — *Кумы и Смирна*). Ахейскіе переселенцы направляются также въ большомъ числѣ на западъ (*Кумы*, Сибарисъ, Кротонъ въ Италіи).

Всего предпріимчивѣе и успѣшнѣе дѣйствовали *іоняне*. Они заняли важнѣйшіе острова Архипелага (Самосъ, Хіосъ, Делосъ) и среднюю часть малоазіатскаго берега (Милетъ, Эфесъ, Фокея). Отсюда пошла колонизація на сѣверъ. Милетъ пріобрѣлъ господство въ Черномъ морѣ (Ольвія у устья Буга, Пантикапей, нынѣшняя Керчь, Синопъ на южномъ берегу). Во Ѳракіи большое значеніе имѣла колонизація изъ города Халкиды на Эвбеѣ. Оттуда были основаны 32 города на Халкидійскомъ полуостровѣ. На западъ также пошли, главнымъ образомъ, халкидяне: ихъ колоніи — Наксосъ въ Сициліи, Регіонъ въ Италіи и др. Фокейцамъ же удалось основать Массилію въ южной Галліи (нынѣшнюю Марсель). Колоніальные города рѣдко находились долго подъ властью метрополій[1]). Обыкновенно они пріобрѣтали самостоятельность и поддерживали съ выславшими ихъ мѣстностями только богослужебную связь — напр., отправляли депутаціи на ихъ празднества. Но все-таки устройство колоній имѣло громадное значеніе для метрополій, потому что *оно давало*

[1]) Метрополіей называется городъ, выславшій колонію.

возможность устроиться недовольнымъ и безпокойнымъ частямъ населенія и создавало рядъ опорныхъ пунктовъ для торговыхъ сношеній въ дальнихъ краяхъ.

Глава II.

Древнѣйшая Культура Грековъ.

Религія.

Греки вѣровали, что на самой высокой горѣ Греціи Олимпѣ собираются небесные боги; во главѣ ихъ стоитъ царь вселенной, отецъ боговъ и людей, громовержецъ Зевсъ. Когда онъ нахмуритъ брови, скопляются грозныя тучи; рука его вооружена молніей. *Однако онъ не всемогущъ.* Не онъ создалъ міръ и человѣка. Сотвореніе міра оставалось неяснымъ для грековъ. Люди, по ихъ мнѣнію, сначала были просто животными. Имъ вдохнулъ искру божественнаго огня, душу, богъ Прометей, котораго Зевсъ въ наказаніе за такой самовольный поступокъ пригвоздилъ къ одной изъ вершинъ Кавказа. Зевсъ не первый и правитъ міромъ: до него господствовали его дѣдъ Уранось (небо) и отецъ Кроносъ, которые оба побѣждены и оттѣснены новыми богами. Наконецъ, даже послѣ своего воцаренія Зевсъ не сдѣлался полновластнымъ: участь людей и даже боговъ зависитъ отъ безличной и неумолимой судьбы (*μοῖρα*). Зевса окружаютъ различные боги — *представители силъ природы и свойствъ человѣка:* супруга его Гера — покровительница семейной жизни, братъ Посейдонъ — властитель морей, Аресъ — богъ войны Афродита — богиня красоты и любви.

Посланникомъ Зевса, исполнителемъ его приказаній, является Гермесъ, быстрый, ловкій, изворотливый покровитель торговли. Любимыя дѣти Зевса — Аѳина и Аполлонъ. Первая олицетворяетъ *мудрость*, какъ ее понимали греки. Она не только даетъ знаніе, но научаетъ имъ пользоваться въ жизни, предостерегаетъ отъ слѣпого

увлеченія, сообщаетъ человѣку ясность взгляда, самообладаніе, бодрость духа, рѣшительность. Аполлонъ (Геліосъ, Фебъ — блестящій) — богъ солнца, совершающій на колесницѣ свой путь по небу. Его лучи — смертоносныя стрѣлы, которыми онъ поражаетъ враждебныхъ богамъ и людямъ чудовищъ, а также и неугодныхъ ему людей. Онъ посылаетъ болѣзни и смерть и въ то же время обладаетъ даромъ исцѣлять. И не только въ тѣлесныхъ болѣзняхъ прибѣгаютъ къ нему: у него же просить очищенія тотъ, кто осквернилъ себя преступленіемъ. Наконецъ, Аполлонъ посылаетъ людямъ *вдохновеніе:* отъ Аполлона происходятъ прорицанія, и онъ является предводителемъ музъ, которымъ посвящены искусства. Богъ вина — Діонисъ (Вакхъ). Его празднества, совершавшіяся осенью, послѣ сбора винограда, были особенно любимы простымъ народомъ. На нихъ царствовало разнузданное веселье; вино заставляло забыть горести и заботы ежедневной жизни. Но иногда дѣло доходило до бѣшенаго изступленія. По преданію, послѣдовательницы Діониса (мэнады) разорвали на части самого бога, а Зевсъ собралъ и воскресилъ его тѣло. Болѣе скромнымъ и достойнымъ образомъ чествовалась послѣ жатвы хлѣба Деметра (*Γῆ μήτηρ*, мать-земля), богиня земного плодородія. Въ Аттикѣ съ ея праздникомъ были соединены таинственные очистительные обряды и процессіи элевсинскихъ мистерій.

Такъ какъ жизнь земли совершается не только на ея поверхности, но и въ глубинѣ, откуда все живое получаетъ питаніе и куда возвращается мертвое, то греки говорили, что дочь Деметры Персефона похищена была царемъ подземнаго міра Гадесомъ и возвращается оттуда каждое лѣто на свиданіе съ матерью.

Загробная жизнь.

Въ подземномъ мірѣ пребываютъ души умершихъ. Представленія грековъ о послѣднихъ были долгое время очень неясны и противорѣчивы: съ одной стороны, они

оплакивали всѣхъ умершихъ, какъ ушедшихъ въ *темное царство, гдѣ никому нѣтъ радости*; съ другой, они дѣлали *попытки провести различіе между праведными*, которые послѣ нелицепріятнаго суда будутъ награждены блаженствомъ на Елисейскихъ поляхъ, *и злодѣями*, которые будутъ низвержены въ Тартаръ и подвергнуты разнымъ мученіямъ. А рядомъ съ этимъ каждое семейство и каждый родъ *вѣровалъ, что отшедшіе предки остаются въ общеніи съ живыми*. Послѣдніе обязаны были поминать покойниковъ, приносить имъ возліянія и жертвы и за то разсчитывали на благословеніе и покровительство умершихъ. Это почитаніе предковъ тѣсно соединялось *съ почитаніемъ домашняго очага*, въ которомъ выражалось единство семьи въ теченіе предходящихъ поколѣній. Люди рождаются и умираютъ, а семья продолжаетъ жить, подобно тому, какъ огонь постоянно горитъ на ея очагѣ, хотя топливо мѣняется. И если кто уходилъ изъ дому на новое мѣсто, то онъ долженъ былъ унести со собою горячій уголь съ родного очага, чтобы зажечь у себя огонь отъ прежняго источника.

Общіе культы.

Религіозныя воззрѣнія грековъ сильно мѣнялись по мѣстностямъ: каждый городъ имѣлъ любимыхъ боговъ, которыхъ считалъ своими особыми покровителями. Миѳы о Зевсѣ, объ Аполлонѣ и другихъ богахъ разсказывались поэтому весьма различно, и только мало-по-малу установились нѣкоторыя общія всѣмъ грекамъ воззрѣнія. Такому объединенію много способствовало то обстоятельство, что *нѣкоторые мѣстные культы получили извѣстность у сосѣдей*. Въ средней Греціи, напр., возвысилось *святилище Аполлона въ Дельфахъ* (въ Фокидѣ). Главною притягательною силою его были пророчества жрицы, такъ называемой Пиѳіи. Она садилась на треножникъ близъ расщелины въ скалѣ, изъ которой поднимались одурящія испаренія; съ ней дѣлался припадокъ, и ея безсвязныя слова излагали и толковали присутствовавшіе

при этомъ жрецы. Такъ какъ въ святилище постоянно обращались за совѣтами изъ всѣхъ частей Греціи, то *жрецы имѣли возможность превосходно знать всѣ греческія дѣла, и указанія ихъ отличались обыкновенно мудростью.* При храмѣ, кромѣ того, устроился союзъ окрестныхъ народовъ какъ для охраны святилища, такъ и для рѣшенія спорныхъ вопросовъ между членами союза. Въ эту «*амфиктіонію*» входили доряне, іоняне, бэотійцы, ѳессалійцы и нѣсколько мелкихъ народовъ средней Греціи (всего 12 членовъ).

Игры.

Было еще одно объединяющее условіе, въ жизни грековъ, именно — игры, которыя устраивались на большихъ празднествахъ и привлекали зрителей и участниковъ изъ окрестныхъ областей. Общенаціональное значеніе получали состязанія въ Олимпіи, въ Дельфахъ (пиѳійскія), въ Немеѣ (въ Арголидѣ и на Коринѳскомъ перешейкѣ (истмійскія). Наиболѣе знамениты были игры, совершавшіяся разъ въ 4 года при храмѣ Зевса Олимпійскаго, въ Элидѣ. Сюда приходили со всей Греціи состязаться въ атлетическихъ упражненіяхъ — въ бѣгѣ, въ скачкахъ верхомъ и на колесницѣ, въ борьбѣ, въ кулачномъ бою, въ метаньѣ диска[1]) и копья. *Наградой побѣдителямъ были простые вѣнки, но получить такой вѣнокъ считалось величайшимъ почетомъ и для принимавшаго участіе въ состязаніи, и для его родного города.* Въ 776 г. до Р. Х. впервые стали записывать имена побѣдителей въ бѣгѣ, и эти записки сдѣлались основаніемъ общегреческаго лѣтосчисленія[2]). Велико было значеніе этихъ собраній, такъ какъ они были главнымъ средствомъ для поддержанія между греками національнаго общенія.

Герои.

Съ религіозными миѳами соприкасаются преданія о геройхъ дальняго прошлаго, совершившихъ различные

[1]) Плоскій металлическій кругъ.

[2]) 700 г. до Р. Х., напримѣръ, считается первымъ годомъ двадцатой олимпіады (Ol. 20, 1).

необыкновенные подвиги при участіи боговъ. Эти преданія нельзя считать точными сообщеніями о дѣйствительно случившемся. Если въ иныхъ и заключается доля исторической правды, то ее чрезвычайно трудно распознать подъ украшеніями народной фантазіи. Самымъ замѣчательнымъ изъ сказочныхъ героевъ былъ *Геракл*ъ (Геркулесъ), полубогъ, сынъ Зевса и смертной женщины. Онъ принужденъ служить своему старшему брату и совершаетъ, по его приказанію, рядъ великихъ подвиговъ: убиваетъ громаднаго льва и многоглавую змѣю — гидру, осиливаетъ великана Анѳея, сына земли, достаетъ на краю свѣта золотыя яблоки, наконецъ, отправляется въ адъ и уводитъ оттуда сторожевую собаку, трехглаваго Цербера. Въ концѣ концовъ Геркулесъ отравляется пропитанной ядомъ одеждой убитаго имъ кентавра (получеловѣкъ-полуконь) и въ отчаяніи самъ готовъ сжечь себя на кострѣ, но Зевсъ беретъ его на небо, и онъ становится безсмертнымъ. Въ Аттикѣ сложился мѳъ о героѣ *Ѳесеѣ*, который освободилъ страну отъ ужасной дани, наложенной критскимъ царемъ Миносомъ. Отъ времени до времени на Критъ должны были посылать корабль съ избранными юношами и дѣвушками, которыхъ пожиралъ тамъ чудовищный быкъ Минотавръ. Ѳесей, отправленный однажды вмѣстѣ съ другими, убиваетъ Минотавра и освобождаетъ свою родину отъ критскаго господства. Ѳессалійское *сказаніе о походѣ аргонавтовъ* дало случай соединить въ одномъ предпріятіи различныхъ мѣстныхъ героевъ. Ясонъ изъ Іолкоса, въ Ѳессаліи, отправляется въ Колхиду (Грузію) достать золотое руно — находящуюся тамъ шкуру золотого барана. Чтобы исполнить свое трудное дѣло, онъ строитъ корабль Арго и набираетъ себѣ 50 сподвижниковъ, въ числѣ которыхъ являются и Геракл, и Ѳесей, и многіе другіе знаменитые герои. Въ Колхидѣ Ясонъ при помощи дочери тамошняго царя, волшебницы Медеи, достаетъ руно. *Эти волшебныя приключенія составляли предметъ поэтическихъ разсказовъ, которые пѣлись подъ звуки лиры искус-*

ными пѣвцами (аэды). Для грековъ не могло быть бо́льшаго наслажденія, какъ слушать эти былины по вечерамъ за столомъ какого-нибудь знатнаго или вождя.

Поэмы Гомера.

До насъ дошли два обширныхъ разсказа такого рода, приписываемые слѣпому пѣвцу Гомеру — поэмы о гнѣвѣ Ахилла и о возвращеніи Одиссея (Иліада и Одиссея). И та и другая связаны съ историческимъ событіемъ, которое стало легендой, сказаніемъ, — именно съ походомъ грековъ противъ малоазіатскаго города Трои. По преданію, походъ былъ предпринятъ соединенными силами грековъ въ отмщеніе за то, что одинъ изъ сыновей троянскаго царя Пріама Парисъ увезъ у спартанскаго царя Менелая его жену Елену. Во главѣ грековъ стоялъ аргосскій царь Агамемнонъ, и въ походѣ приняли участіе храбрѣйшіе греческіе вожди — Діомедъ изъ Арголиды, Одиссей съ острова Ѳаки, Аяксъ съ острова Саламина, старецъ Несторъ изъ Пилоса и пр. Но участь похода зависѣла, главнымъ образомъ, отъ ѳессалійскаго царя Ахилла, сына Пелея и богини Ѳетиды, такъ какъ онъ одинъ обладалъ достаточною силою, чтобы сразить главнаго защитника троянцевъ Гектора. Агамемнонъ оскорбилъ Ахилла, отнявъ у него плѣнницу. Ахиллъ отказывается отъ дальнѣйшаго участія въ борьбѣ и удаляется въ свою палатку; въ послѣдовавшихъ затѣмъ битвахъ ахейцы, несмотря на рядъ блестящихъ подвиговъ, терпятъ неудачу. Троянцы гонятъ ихъ къ лагерю и едва не сжигаютъ ихъ кораблей. Чтобы остановить бѣдствіе, необходимо вмѣшательство Ахилла, но онъ упорно устраняется и только въ самый опасный моментъ посылаетъ вмѣсто себя своего друга Патрокла. Гекторъ убиваетъ Патрокла, и тогда Ахиллъ, чтобы отомстить за товарища, забываетъ обиду Агамемнона. Онъ знаетъ, что вслѣдъ за Гекторомъ и ему самому придется умереть, но это его не останавливаетъ: онъ настигаетъ Гектора и убиваетъ. Смертью Гектора и его

погребеніемъ заканчивается Иліада. Остальныя событія похода — смерть Ахилла отъ стрѣлы Париса, хитрость Одиссея, который устраиваетъ громаднаго деревяннаго коня въ подарокъ троянцамъ и наполняетъ его кузовъ воинами, взятіе и разрушеніе Трои — все это составляло предметъ былинъ, до насъ не дошедшихъ. Точно такъ же изъ многочисленныхъ разсказовъ о возвращеніи греческихъ героевъ домой сохранилась, благодаря своей литературной красотѣ, только Одиссея. Герой совершаетъ свои чудесныя странствованія подъ покровительствомъ Аѳины. Пребываніе его у волшебницы Цирцеи, обратившей товарищей Одиссея въ свиней, плѣнъ у поѣдающаго людей циклопа[1]) Полифема, отъ котораго герой избавляется тѣмъ, что выкалываетъ единственный его глазъ, опасное плаваніе мимо чудовищъ Сциллы и Харибды, мимо сиренъ, завлекающихъ путника волшебнымъ пѣніемъ, чтобы растерзать его, кораблекрушеніе, погубившее и судно, и спутниковъ, — все это только задерживаетъ на время Одиссея. Онъ выходитъ невредимымъ изъ всѣхъ опасностей и подконецъ возвращается къ женѣ, которая все поджидала его, несмотря на неотступное сватовство знатной молодежи острова Ѳаки. Поэма заканчивается разсказомъ объ избіеніи этихъ дерзкихъ жениховъ.

Произведенія греческаго эпоса, т. е. поэтическаго разсказа, служатъ великимъ памятникомъ свѣтлаго, живого духа грековъ и ихъ необыкновенной даровитости. Занимательность содержанія, тонкая наблюдательность въ обрисовкѣ характеровъ и душевныхъ движеній, образность въ описаніяхъ ставятъ эти поэмы въ рядъ великихъ произведеній искусства, которыми наслаждается не одна эпоха и не одинъ народъ, а все человѣчество. Надо прибавить, что эти поэмы имѣютъ, кромѣ того, историческій интересъ, потому что даютъ рядъ картинъ древняго быта грековъ.

---

[1]) Одноглазый великанъ.

Восточное вліяніе.

Въ своей поэзіи народъ часто возвращается къ двумъ главнымъ предметамъ — *къ борьбѣ съ восточными народами и къ походамъ грековъ за море.* Дѣйствительно, мы знаемъ, что при своемъ распространеніи на островахъ и въ Малой Азіи греки должны были встрѣтиться съ родственными имъ туземцами и съ финикійскими купцами. И тѣ и другіе были проникнуты восточной — сирійской и халдейской — культурой. Греки сначала учились у нихъ и подчинялись имъ, а затѣмъ сдѣлались самостоятельны. Слѣдовъ восточнаго вліянія на Грецію осталось очень много. Греки установили свой алфавитъ при помощи финикійскаго. Съ востока же они получили свои мѣры вѣса и емкости и денежный чеканъ; въ основаніе послѣдняго положенъ былъ вавилонскій расчетъ на таланты въ 60 минъ. При раскопкахъ на мѣстѣ древней Трои, Микенъ въ Арголидѣ, Орхомена въ Бэотіи найдено множество предметовъ изъ металла и глины, изготовленныхъ по восточнымъ образцамъ, а также нѣкоторыя украшенія египетскаго и вавилонскаго происхожденія, привезенныя финикійскими купцами. *Заимствованіе замѣтно также и въ религіи.* Почитаніе греческой Афродиты на Кипрѣ, Киѳерѣ, въ Коринѳѣ и другихъ мѣстахъ проникло обрядами, взятыми изъ поклоненія сирійской Астартѣ. Легенда о Геркулесѣ сложилась подъ вліяніемъ сказанія о Мелькартѣ. Въ исторіи Ѳесея сказывается уже сопротивленіе иноземцамъ: герой побѣждаетъ критскаго быка — олицетвореніе Ваала. Въ общемъ греческій народъ удачно справился съ трудной задачей устроить свои отношенія къ высшей иностранной культурѣ. Онъ не отстранился отъ нея, а воспользовался всѣми указаніями, какія она могла дать, и на время даже какъ бы подчинился ей. Но въ концѣ концовъ *онъ сумѣлъ обратить ее въ собственное достояніе и сталъ развиваться самостоятельно, вырабатывая культуру еще болѣе значительную.*

Въ настоящее время всѣ образованные народы живутъ въ *государствахъ*. Въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ одному или нѣсколькимъ лицамъ передана *власть*, которой всѣ остальные должны подчиняться; на случай сопротивленія власть или правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи *вооруженную силу*. Дѣлается такъ для того, во-первыхъ, чтобы люди не могли притѣснять другъ друга, а обращались къ государственному *суду* въ случаѣ споровъ между собою; во-вторыхъ, чтобы всѣ вмѣстѣ могли защищаться отъ нападеній со стороны другихъ народовъ. Хотя это устройство просто и мы такъ привыкли къ нему, что намъ трудно представить себѣ какое-либо иное, но въ дѣйствительности оно вырабатывалось съ трудомъ и постепенно. Восточныя государства возникли такъ рано, что мы почти ничего не знаемъ объ ихъ образованіи. Зато въ Греціи мы сначала узнаемъ о порядкѣ иного свойства, который называютъ *родовымъ*. Защита отдѣльныхъ людей отъ насилія долго принадлежала не правительству городовъ, на которые распадался народъ греческій, а родственникамъ. *Родственники, близкіе и дальніе, составляли общину, называвшуюся родомъ.* Она управлялась *старѣйшиной*, власть котораго походила на власть отца въ семьѣ. Въ рукахъ старѣйшины былъ судъ по поводу споровъ и обидъ между родичами. Онъ распоряжался вооруженною силою рода, которая составлялась изъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе; онъ завѣдывалъ общимъ, неподѣленнымъ имуществомъ рода, землею и стадами; наконецъ, онъ заботился о богослуженіи и жертвахъ богамъ, героямъ и предкамъ, которыхъ чтилъ родъ. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ дѣйствовалъ не самовластно, а по соглашенію съ *главами отдѣльныхъ семействъ или даже съ собраніемъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ рода. Родство считалось только по мужчинамъ.* Если кто-либо бралъ жену изъ чужого рода, то она отрекалась отъ общенія со своими прежними родственниками и ихъ богами,

принимала религію мужа и подчинялась одной съ нимъ родовой власти. Если происходило столкновеніе между членомъ рода и постороннимъ, родъ вступался за своего члена, защищалъ его, а въ случаѣ надобности мстилъ за нанесенную ему обиду или смерть или требовалъ за нихъ соотвѣтственнаго выкупа.

Городская община.

Если бы каждый родъ былъ въ состояніи жить совершенно отдѣльно и обходиться безъ другихъ, то онъ былъ бы маленькимъ государствомъ. Но жить совершенно отдѣльно роды не могли: они были слишкомъ малы и слабы и подверглись бы неминуемо насилію и порабощенію со стороны иноплеменниковъ: *поэтому повсюду отдѣльные роды сходятся въ союзы по городамъ, образуютъ городскія общины.* Первая задача такого союза — устройство *общаго войска.* Но разъ союзъ составился, онъ не могъ уже равнодушно допускать распри и усобицы между вошедшими въ него родами. *Въ дополненіе къ родовымъ судамъ являются поэтому городскіе,* которые стараются улаживать споры между членами различныхъ родовъ одного и того же города. Такимъ образомъ, надъ родовыми властями устраивается какъ бы второй этажъ — союзное городское правительство. Какъ ни много было самостоятельныхъ городовъ въ Греціи, однако это правительство устроилось сначала повсюду одинаково. Старѣйшины нѣсколькихъ родовъ (геронты) составляли *совѣтъ*, который обсуждалъ и рѣшалъ всѣ общія дѣла и производилъ судъ въ случаѣ споровъ, возникавшихъ между членами разныхъ родовъ. Для предводительства на войнѣ выдвигался главный старѣйшина — *царь* (*βασιλεύς*). Онъ считался какъ бы отцомъ всего города и поэтому приносилъ жертву и совершалъ богослуженіе богамъ городской общины. Въ важнѣйшихъ случаяхъ созывали *собраніе изъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ*, способныхъ носить оружіе (*ἐκκλησία*). Ему сообщали принятыя рѣшенія и иногда

принимали во вниманіе его настроеніе, но никакого правильнаго обсужденія на этомъ собраніи не было. *Рано появились неравенства между членами этихъ обществъ.* Взятые на войнѣ плѣнники становились *рабами*, вещью или орудіемъ въ рукахъ господъ. Но и свободные были не всѣ въ одинаковомъ положеніи. Семьи, примкнувшія къ ранѣе составившемуся союзу родовъ, попадали въ невыгодное положеніе: ихъ члены не получали участія въ городскомъ правительствѣ. Даже въ главныхъ родахъ выдвигались семьи, которыя преимущественно завѣдывали богослуженіемъ и правительственною властью. Потомство младшихъ братьевъ все болѣе и болѣе отставало отъ потомства старшихъ. Такимъ образомъ, уже въ древнюю эпоху *населеніе греческихъ городовъ раздѣляется на аристократію (знатныхъ или лучшихъ) и на демосъ (народъ), который имѣлъ мало значенія въ государствѣ.*

Глава III.

Спарта.

Военное устройство дорянъ.

Изъ государствъ, основанныхъ дорянами, наиболѣе сильнымъ и знаменитымъ была Спарта или Лакедемонъ. Такъ какъ дорянамъ пришлось насильно пробиваться среди усѣвшихся уже по мѣстамъ народовъ, то они усвоили себѣ привычки и порядки военные. *Даже въ мирное время нѣкоторые изъ ихъ городовъ оставались лагерями.* Мужское населеніе раздѣлялось на группы по палаткамъ, члены которыхъ обѣдали вмѣстѣ (сисситіи), составляли присяжное товарищество (эномотію) и стояли отдѣльнымъ взводомъ въ строю. Въ Спартѣ военное положеніе примѣнялось особенно строго, потому что послѣ завоеванія Лаконіи спартанскіе доряне не смѣшались съ побѣжденнымъ ахейскимъ населеніемъ, а держали его въ подчиненіи силою. Часть его была обращена въ рабство, но отдана

во владѣніе не отдѣльнымъ спартіатамъ, а государству. Эти *«гелоты»* обрабатывали землю и платили оброки хлѣбомъ, на которые содержались спартанскія семьи. Если спартанское правительство опасалось недовольства или заговоровъ среди гелотовъ, оно безпощадно уничтожало ихъ. Каждый годъ высылались отряды спартанской молодежи *(криптіи)*, которые должны были слѣдить за настроеніемъ гелотовъ и убивать подозрительныхъ. Остальная часть покоренныхъ ахейцевъ составила классъ *періэковъ*. Они жили въ городскихъ общинахъ съ нѣкоторымъ самоуправленіемъ, но по важнѣйшимъ дѣламъ зависѣли отъ Спарты, ставили въ ея походахъ вспомогательныя войска и платили дань.

Спартанское правительство.

Періэки, а особенно гелоты не любили своихъ поработителей и были бы готовы стряхнуть иго, если бы ихъ не останавливалъ страхъ передъ воинственностью и крѣпкой организаціей спартіатовъ. Всѣ старанія послѣднихъ направились къ тому, чтобы развить эти свойства: *ради нихъ они пожертвовали всѣмъ остальнымъ — богатствомъ страны, успѣхомъ въ знаніи и искусствахъ, свободой отдѣльныхъ личностей жить, какъ каждый хочетъ и можетъ.* По преданію, нѣкто Ликургъ, опекунъ одного изъ царей, при содѣйствіи дельфійскаго оракула установилъ въ Спартѣ строгіе законы, которые просуществовали около семи вѣковъ, до покоренія страны римлянами. Во главѣ города стояли *два царя* (двойственность царской власти произошла влѣдствіе того, что двѣ первоначально раздѣльныя общины соединились въ одну, при чемъ сохранились оба царскіе рода). Цари по старинѣ были представителями города передъ богами и предводителями на войнѣ; въ остальныхъ отношеніяхъ они были только двумя старшими членами *герусіи, совѣта тридцати старѣйшинъ.* Совѣтъ этотъ былъ сначала важнѣйшимъ правитель-

ственнымъ учрежденіемъ Спарты. *Народное собраніе*, хотя и созывалось, но не имѣло большого значенія, какъ это было во всѣхъ греческихъ государствахъ въ древнѣйшую эпоху. Около половины VIII вѣка появилась *выборная должность эфоровъ*. Ихъ было пятеро, и собраніе избирало ихъ на одинъ годъ. Такимъ образомъ, они являлись выборными представителями города въ противоположность царямъ и старѣйшинамъ (послѣдніе также избирались, но на всю жизнь). Эфоры мало-по-малу забрали въ руки всѣ главныя дѣла въ государствѣ. Они производили слѣдствія о преступленіяхъ, рѣшали споры между гражданами, наблюдали за всѣми должностными лицами и за нравственностью частныхъ людей, имѣли даже право пріостанавливать власть царей и подвергать ихъ суду. Такимъ образомъ, хотя Спарта и не свергла царской власти, но въ дѣйствительности она обратилась въ республику. *Это была республика олигархическая, т. е. господство немногихъ*, потому что народное собраніе не имѣло самостоятельнаго значенія и власть всегда оставалась въ рукахъ небольшого круга лицъ. Но въ гражданскомъ отношеніи *всѣ спартіаты были равны* (ὅμοιοι), не было никакого раздѣленія на сословія.

Образъ жизни.

По образу жизни населенія Спарта сильно отличалась отъ другихъ государствъ. Никто въ Спартѣ самъ себѣ не принадлежалъ, всѣ принадлежали государству, которое вело гражданъ къ одной цѣли — *военной выправкѣ*. Едва родился человѣкъ, его несли показать старѣйшинамъ, и только здороваго ребенка оставляли жить: слабыхъ безъ милосердія забрасывали. Съ семи лѣтъ мальчика брали изъ семьи и до восемнадцати воспитывали вмѣстѣ со сверстниками въ государственныхъ гимназіяхъ. Обучались молодые спартіаты гимнастикѣ, военному строю и боевымъ упражненіямъ, игрѣ на флейтѣ и пѣнію. Осо-

бенно старались спартіаты выработать силу воли и выносливость. Мальчики ходили во всякую погоду въ легкомъ плащѣ, босые и съ непокрытой головой; кормили ихъ впроголодь. Считалось позоромъ кричать или плакать отъ боли, и молодые спартіаты безъ стона выносили удары и увѣчья во время боевыхъ упражненій и бичеваній, которымъ ихъ подвергали передъ алтарёмъ Артемиды. Женщины учились гимнастикѣ, подобно мужчинамъ. *Взрослые оставались до гроба подъ строгимъ надзоромъ государства.* Общіе обѣды препятствовали развитію роскоши стола; чтобы устранить изящество въ отдѣлкѣ домовъ, запрещено было употреблять на постройку какія-либо орудія, кромѣ пилы и топора. Улучшеніе утвари и обстановки было задержано тѣмъ, что спартанское правительство сдѣлало невозможной сколько-нибудь значительную торговлю: оно не чеканило денегъ изъ золота и серебра, а удержало неуклюжую древнюю монету изъ желѣза или бронзы. Чужестранцевъ безъ крайней надобности не допускали въ Лаконію, а спартіатовъ не пускали за границу. Владѣніе землею было также стѣснено: спартанцы упорно держались древняго права, по которому землею владѣлъ не отдѣльный человѣкъ, а вся семья, при чемъ было строго опредѣлено количество земли — надѣлъ, который нельзя было раздробить, продать или завѣщать. При такомъ строѣ спартіаты сдѣлались, дѣйствительно, очень похожи другъ на друга и во многомъ непохожи на остальныхъ грековъ. *Между ними были талантливые люди; зато всѣ отличались здравымъ смысломъ и желѣзнымъ характеромъ.* По всей Греціи была извѣстна ихъ манера выражаться мѣтко и кратко (лаконизмъ). Нечего и говорить, что они становились образцовыми воинами. Помимо атлетической подготовки и дисциплины важно было ихъ *тѣсное товарищество:* для членовъ эномотіи, которые всю жизнь проводили вмѣстѣ, немыслимо было разбѣжаться на полѣ сраженія.

Первые военные успѣхи спартанцевъ достались имъ однако нелегко. Два раза вели они упорную войну съ мессенцами — въ концѣ VIII и въ серединѣ VII вѣка. Дѣло шло не о простомъ подчиненіи мессенскаго государства, а объ отнятіи у мессенцевъ ихъ земель и приведеніи ихъ въ личную зависимость. При отсутствіи торговли и мореплаванія спартіаты почти не выводили колоній[1]). Имъ приходилось искать завоеваній уже потому, что надо было какъ-нибудь устроить избытокъ населенія. Покореніе Мессеніи привело къ бѣгству значительной части ея жителей, остальные стали гелотами. Мало-помалу къ Спартѣ присоединились въ качествѣ союзниковъ большая часть пелопоннесскихъ государствъ и нѣкоторыя государства внѣ Пелопоннеса. Условія союза были, на первый взглядъ, чрезвычайно выгодныя: общія дѣла рѣшались на совѣтѣ, въ которомъ Спарта имѣла предсѣдательство и одинъ голосъ; ей представлялось также руководство военными предпріятіями. Въ дѣйствительности вліяніе Спарты было гораздо значительнѣе: *она поддерживала въ каждомъ союзномъ городѣ извѣстную партію* — «*друзей Спарты*» (обыкновенно знатныхъ, олигарховъ) и съ ея помощью проводила свои планы. Если «друзья Спарты» терпѣли пораженіе въ своемъ городѣ, то Спарта вмѣшивалась оружіемъ и посылала иногда въ союзную общину «гармоста» (устроителя), который устраивалъ дѣла по своему усмотрѣнію. Благодаря *пелопоннесскому союзу*, Спарта сдѣлалась въ VI вѣкѣ самымъ могущественнымъ изъ греческихъ государствъ.

---

[1]) Единственная спартанская колонія — Тарентъ, высланная въ концѣ VIII в.

Глава IV.

Аѳины.

Господство эвпатридовъ.

Руководящимъ іонійскимъ государствомъ были Аѳины. Жители Аттики гордились тѣмъ, что область ихъ никогда не была завоевана — дорическое переселеніе остановилось у ея границъ. Нѣсколько маленькихъ общинъ Аттики устроили одно общее правительство; часть ихъ населенія собралась въ одномъ городѣ — въ Аѳинахъ. Такого рода соединеніе мелкихъ общинъ въ одну крупную встрѣчается не разъ въ греческой исторіи и называется *синойкисмомъ* (поселеніе вмѣстѣ). Правительство находилось въ рукахъ царя и совѣта — *ареопага*, составленнаго изъ старѣйшинъ главныхъ родовъ. Какъ въ Спартѣ цари сдѣлались старшими членами герусіи, такъ и въ Аѳинахъ царская власть была не уничтожена, а постепенно подчинена ареопагу.

Сначала въ помощь царю на войнѣ стали избирать полководца, *полемарха*; затѣмъ отдали часть судебныхъ дѣлъ поставленному ареопагомъ *архонту*; затѣмъ присоединили также для суда еще шесть *ѳесмоѳетовъ*. Кончилось чѣмъ, что за царемъ осталось только богослужебное представительство общины и разборъ дѣлъ объ убійствѣ; онъ превратился изъ наслѣдственнаго вождя въ выборное должностное лицо.

Вмѣсто одного царя поставлено было девять начальниковъ — архонтовъ. Первый (эпонимъ), именемъ котораго обозначали аттическій годъ, былъ главнымъ судьей и, между прочимъ, рѣшалъ дѣла о наслѣдствахъ. Архонты избирались на одинъ годъ; отбывшимъ должность архонтамъ было предоставлено вступать въ ареопагъ. Аттика незамѣтно сдѣлалась изъ монархіи республикой, но отъ этого измѣненія не стало лучше бо́льшей части народа — *демосу*. *Власть оказалась всецѣло въ рукахъ знатныхъ и богатыхъ семействъ, такъ называемыхъ эвпатридовъ (благородныхъ), изъ которыхъ*

выходили члены ареопага и архонты. Въ довершеніе всего *мелкій людъ попалъ въ долги къ эвпатридамъ*, которые присвоили себѣ лучшія земли и обладали извѣстными денежными запасами или капиталами. Въ случаѣ неурожая, падежа, разорительной войны бѣднякамъ приходилось брать у нихъ взаймы за громадные проценты; долги выплачивались съ трудомъ, и большая часть мелкихъ землевладѣльцевъ принуждена была обрабатывать свои участки въ пользу заимодавцевъ, съ удержаніемъ только шестой части жатвы на прокормленіе собственнаго семейства. Должниковъ, не имѣвшихъ земли, брали въ кабалу[1]) и даже продавали въ рабство.

Невыносимое положеніе аѳинскаго демоса вызывало постоянное волненіе въ государствѣ. Демосъ старался добиться участія въ правительствѣ и облегченія долговъ. Въ 621 г. эвпатриды рѣшились сдѣлать нѣкоторую уступку они поручили Дракону составить *писанные законы вмѣсто тѣхъ неопредѣленныхъ обычаевъ, которыми до тѣхъ поръ руководствовались эвпатридскіе архонты.* Часть записей Дракона сохранила свое значеніе и впослѣдствіи, напр., его законы объ убійствѣ. Но Драконъ не измѣнилъ суроваго долгового права. Поэтому народъ остался недоволенъ его дѣятельностью, и раздраженіе достигло такихъ размѣровъ, что пришлось въ концѣ концовъ измѣнить старый порядокъ. Необходимая реформа была произведена въ 594 г. Солономъ.

Реформа Солона.

Мелкіе люди такъ запутались въ долгахъ, что Солонъ долженъ былъ прибѣгнуть къ крайнему средству: *онъ уничтожилъ существовавшія долговыя обязательства* (*сисахоія*)[2]) *и воспретилъ впредь личную кабалу должниковъ.* Онъ измѣнилъ также и правительственное устройство. Рядомъ съ ареопагомъ онъ поставилъ *совѣтъ изъ 400 человѣкъ* (*βουλή*)

[1]) Кабала — невольная служба частному человѣку.

[2]) «Снятіе бремени.»

который долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями должностныхъ лицъ и помогать имъ своими указаніями. Членовъ совѣта избиралъ народъ, и ему же было предоставлено избраніе кандидатовъ на должность архонтовъ. Должностныя лица, отбывшія срокъ службы, представляли свой отчетъ *народному собранію*; оно же обсуждало и принимало важнѣйшія рѣшенія и постановляло законы. Для разбора жалобъ на должностныхъ лицъ былъ учрежденъ судъ присяжныхъ изъ народа (геліэя). Общее наблюденіе за государствомъ и за частной жизнью отдѣльныхъ гражданъ осталось за *ареопагомъ*, который по своему усмотрѣнію могъ наказать всякаго за дурное поведеніе и имѣлъ право отмѣнять даже рѣшенія народнаго собранія, если они казались ему противорѣчащими основнымъ законамъ государства.

Кромѣ того, Солонъ устроилъ такъ называемую *тимократію: каждому предоставлены были права въ государствѣ соотвѣтственно его обязанностямъ: кто больше служитъ, тотъ получаетъ и больше вліянія.* Для распредѣленія правъ и обязанностей всѣ граждане были раздѣлены на четыре класса[1]). Въ *четвертый*, низшій классъ *(θеты)* зачислялись граждане, получавшіе съ своихъ земель 200 медимновъ[2]) ячменя въ годъ и менѣе. Они служили въ войскѣ легковооруженными, т. е. выходили въ походъ со щитомъ, лукомъ и стрѣлами, или шли въ гребцы на корабли. Ихъ участіе въ правительствѣ ограничивалось тѣмъ, что они допускались въ народное собраніе и геліэю. Люди *третьяго* класса *(зевгиты)* имѣли отъ 200 до 300 медимновъ дохода, служили въ тяжеловооруженной пѣхотѣ *гоплитами* — выходили на войну въ шлемѣ, панцырѣ и наножникахъ, со щитомъ и копьемъ. Они могли быть избираемы въ совѣтъ 400. *Второй* классъ

[1]) Классы или сословія существовали и до того времени, но Солонъ положилъ въ основаніе дѣленія точную расцѣнку имущества и сообразно съ ней распредѣлилъ права гражданъ.

[2]) Медимнъ — немного менѣе получетверика.

(всадники) получалъ отъ 300 до 500 медимновъ дохода и служилъ въ конницѣ. Имъ было предоставлено право избранія на должности. Люди *перваго* класса *(пентакосіомедимны)* имѣли 500 медимновъ дохода и болѣе. Кромѣ военной службы они дѣлали разныя затраты на общественныя нужды, снаряжали, напримѣръ, корабли, участвовали въ устройствѣ праздниковъ и т. п. Они пользовались особеннымъ уваженіемъ въ государствѣ и занимали большею частью главныя должности.

Писистратъ.

Реформа Солона подорвала значеніе эвпатридовъ, но не удовлетворила народа, потому что главное вліяніе было все-таки предоставлено людямъ состоятельнымъ. Затѣмъ, хотя законы о долгахъ были смягчены и долговыя обязательства единовременно уничтожены, но *остались въ полной силѣ причины, которыя приводили къ задолжанію, — неравномѣрное распредѣленіе имущества и отсутствіе дешеваго кредита*, т. е. невозможность въ трудное время получить ссуду за умѣренные проценты. Поэтому броженіе, вызвавшее реформу Солона, не прекратилось и послѣ нея. Раздорами городскихъ партій воспользовался одинъ изъ самыхъ знатныхъ аѳинянъ, Писистратъ. Это былъ способный и честолюбивый человѣкъ, которому мало было значенія, принадлежавшаго ему наравнѣ съ многими другими гражданами. Онъ стремился властвовать одинъ и понялъ, что можетъ достигнуть власти, если сумѣетъ привлечь на свою сторону низшіе классы и выведетъ ихъ изъ затруднительнаго положенія: онъ отдѣлился отъ своихъ знатныхъ товарищей и присталъ къ демосу. Онъ скоро пріобрѣлъ любовь народа и, улучивъ удобную минуту, захватилъ Акрополь[1]). Два раза изгоняли его изъ Аѳинъ, и два раза онъ возвращался. Во второй разъ ему удалось прочно утвердить за собою господство — *тираннію* въ Аѳинахъ (540 г.).

[1]) Крѣпость аѳинская.

Писистратъ не былъ тираномъ въ нашемъ смыслѣ слова, жестокимъ притѣснителемъ. Правда, многіе изъ его враговъ бѣжали изъ города, у оставшихся представителей знати онъ отобралъ дѣтей въ качествѣ заложниковъ; но, обезпечивъ такимъ образомъ свою безопасность, онъ не прибѣгалъ къ казнямъ и жестокостямъ и оставилъ даже въ силѣ постановленія Солона; такъ какъ главныя должности замѣщались его родственниками и приверженцами, а соперники его были изгнаны или обезсилены, то въ дѣйствительности правилъ одинъ Писистратъ. Онъ окружилъ себя стражей изъ ѳракійскихъ наемниковъ, но *значеніе его опиралось все-таки прежде всего на сочувствіе народа, который отказался отъ участія въ управленіи, чтобы улучшить свое матеріальное положеніе.* Первой заботой Писистрата было достигнуть прочнаго улучшенія въ бытѣ народа: для этого онъ открылъ нуждающимся земледѣльцамъ кредитъ изъ средствъ государства и цѣлымъ рядомъ построекъ въ Аѳинахъ далъ заработки тысячамъ бѣдняковъ. При немъ впервые Аѳины выступили въ качествѣ значительной морской державы: онъ завязалъ сношенія съ островами Эгейскаго моря и старался утвердиться въ Троадѣ. Наконецъ, Писистратъ не забывалъ и духовныхъ интересовъ: онъ привлекъ въ Аѳины нѣсколько знаменитыхъ поэтовъ своего времени и заботился о томъ, чтобы были собраны и точно записаны гомеровскія поэмы. Однимъ словомъ, онъ показалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ крупнымъ государственнымъ человѣкомъ, многосторонимъ и настойчивымъ. Со времени его господства начинается процвѣтаніе Аѳинъ.

Сыновья Писистрата.

Но послѣ его смерти (527 г.) *аѳиняне познакомились и съ обратной стороной тиранніи.* Старшій сынъ Писистрата Гиппій былъ также правитель дѣльный и энергическій, но его господство по многимъ причинамъ сдѣлалось тягостнымъ для аѳинянъ; во-первыхъ, имъ надоѣло пла-

тить налогъ, которымъ обложилъ ихъ еще Писистратъ для покрытія издержекъ своего дорого стоившаго управленія; затѣмъ, подроставшія молодыя поколѣнія гражданъ уже не помнили безпокойной борьбы партій и притѣсненій богатыхъ и съ неудовольствіемъ смотрѣли на Писистратидовъ, которые изъ простыхъ гражданъ стали господами города и устраняли всѣхъ другихъ отъ участія въ политическихъ дѣлахъ. Сами Писистратиды стали забывать шаткость своего положенія и вмѣсто осторожности отца обнаруживали высокомѣріе, позволяли себѣ насилія надъ отдѣльными гражданами. Оскорбленіе, нанесенное братомъ Гиппія Гиппархомъ сестрѣ одного знатнаго аѳинянина, вызвало заговоръ; Гиппарха убили, но Гиппій справился съ заговорщиками и жестоко отомстилъ имъ. Начались пытки и казни. Мѣсто прежней приверженности къ тирану заступили въ народѣ страхъ и ненависть. Этимъ настроеніемъ воспользовались аѳинскіе изгнанники, которые собрались на границѣ Аттики и только ждали удобнаго случая, чтобы вернуться на родину и свергнуть поработителя. Особенно дѣятельно возбуждалъ аѳинянъ противъ тирана знатный родъ Алкмеонидовъ. Имъ удалось привлечь на свою сторону дельфійскій оракулъ, а съ его помощью и спартанцевъ. Тѣмъ не менѣе Гиппій долго держался противъ враговъ и нѣсколько разъ разбивалъ изгнанниковъ и ихъ союзниковъ. Задѣтые въ своемъ самолюбіи спартанцы отправили, наконецъ, противъ него царя Клеомена, которому удалось захватить въ плѣнъ дѣтей тирана и этимъ вынудить его на сдачу Аѳинъ.

Реформы Клисѳена.

Гиппій бѣжалъ къ персидскому царю, и его врагамъ представлялась возможность переустроить Аѳины по своему усмотрѣнію. Сначала подъ вліяніемъ спартанскаго отряда верхъ взяли знатные; *они думали просто вернуться къ положенію дѣлъ, какъ оно было не только до Писистрата*,

но даже до Солона. Народъ аѳинскій, конечно, не могъ примириться съ такими нелѣпыми притязаніями: произошло возстаніе подъ руководствомъ Алкмеонида Клисѳена, олигарховъ и спартанцевъ прогнали, и Клисѳенъ провелъ (506) свою реформу, которая сдѣлалась основаніемъ дальнѣйшей государственной жизни въ Аѳинахъ.

Законы Дракона и Солона касались только городской общины, т. е. какъ бы второго, верхняго этажа аѳинскаго общества. Въ нижнемъ этажѣ — въ родахъ, изъ которыхъ составлялся городъ, продолжали править эвпатриды. *Чтобы окончательно сломить вліяніе знати, Клисѳенъ распредѣлилъ народъ по новымъ дѣленіямъ и отнялъ въ этихъ дѣленіяхъ власть у эвпатридовъ.*

Прежде граждане дѣлились на четыре *филы*, каждая фила на три *фратріи*, а каждая фратрія на извѣстное число *родовъ*. Всѣ второстепенныя дѣла, не доходившія до городскихъ властей, рѣшались эвпатридами, управлявшими въ родахъ, фратріяхъ и филахъ. Клисѳенъ не уничтожилъ этихъ дѣленій вполнѣ, но оставилъ за ними только богослужебное значеніе и кое-какія дѣла семейнаго характера: напр., принятіе новорожденныхъ въ списки семействъ. Въ политическомъ отношеніи, т. е. для суда, военнаго устройства, выбора должностныхъ лицъ и т. п., онъ раздѣлилъ народъ на десять новыхъ филъ и каждую филу составилъ изъ *демовъ* — т. е. изъ мѣстныхъ округовъ. Въ демахъ родовая знатность не имѣла никакого значенія — собирались не родственники, близкіе и дальніе, а случайные сосѣди, принадлежавшіе къ разнымъ родамъ. Второй мѣрой Клисѳена было зачисленіе въ граждане значительнаго числа такъ называемыхъ *метэковъ*, т. е. людей, жившихъ въ Аѳинахъ на положеніи иностранцевъ. Они не принадлежали къ гражданской общинѣ, лишены были всякаго участія въ ея дѣлахъ и подвергались разнымъ стѣсненіямъ относительно суда и податей. Расширеніе числа гражданъ принятіемъ метэковъ усилило демократическую или народную партію, такъ какъ вновь принятые граждане не имѣли никакого отношенія къ аттическому родовому порядку и не могли подчиняться вліянію знатныхъ семействъ.

Всѣ государственныя учрежденія были измѣнены въ согласіи съ устройствомъ десяти новыхъ филъ. Вмѣсто совѣта 400 явился совѣтъ 500, по 50 отъ каждой филы. Его обязанностью было попрежнему помогать должностнымъ лицамъ вести управленіе, а также подготовлять рѣшенія народнаго собранія составленіемъ проектовъ постановленій (*προβούλευμα*). Цѣлый рядъ должностей былъ если не созданъ Клисѳеномъ, то приведенъ въ составъ десяти членовъ, соотвѣтственно десяти филамъ. Важнѣйшей была должность полководца *(стратегъ)*. Каждый изъ нихъ командовалъ ополченіемъ одной филы. Избирали стратеговъ голосованіемъ (поднятіемъ руки) на одинъ годъ.

Наконецъ, Клисѳенъ учредилъ *остракизмъ*. Онъ предоставилъ народному собранію изгонять изъ государства лицъ, которыя казались подозрительными, тайнымъ голосованіемъ, безъ всякаго правильнаго обвиненія или суда. *Мѣра эта была придумана для того, чтобы устранять зачинщиковъ политическихъ волненій:* по горькому опыту, въ Аттикѣ боялись происковъ партій, особенно попытокъ тирановъ вернуться къ власти. *Въ общемъ реформа Клисѳена сдѣлала Аѳины государствомъ демократическимъ, т. е. передала власть народу.* Она нѣсколько расширила права народнаго собранія, а главное — окончательно сломила значеніе эвпатридовъ.

Новый порядокъ скоро пришлось отстаивать оружіемъ: спартанцы, оскорбленные изгнаніемъ своего отряда, двинули на Аѳины значительное войско, къ которому примкнули бэотійцы и эвбейскіе города. Казалось, не было возможности сопротивляться. Но въ арміи союзниковъ не было главнаго условія успѣха — согласія. Спартанскіе цари были въ ссорѣ другъ съ другомъ; пелопоннесскіе союзники неохотно поддерживали Спарту противъ Аѳинъ, и коринѳяне ушли домой, не дождавшись сраженія; за ними потянулись другіе, и, наконецъ, отступили и сами спартанцы. Аѳиняне бросились тогда на бэотійцевъ и эвбейцевъ и разбили ихъ на голову. Война была въ томъ отношеніи очень выгодна для Аѳинъ, что они, благодаря ей, получили возможность отправить бѣднѣйшую часть

своего населенія колонистами *(клерухи)* на Эвбею, а это во многомъ облегчило ихъ внутреннее положеніе.

Раздоръ партій, продолжавшійся, по крайней мѣрѣ, полтораста лѣтъ, былъ наконецъ, покончен. Аѳиняне гордились своимъ новымъ устройствомъ и сознавали въ себѣ силу, необходимую для того, чтобы пользоваться свободой и защищать ее.

Глава V.

Персидскія войны.

Второстепенныя государства.

Къ концѣ VI вѣка окончательно опредѣлилось устройство въ двухъ главныхъ городахъ Греціи — въ Спартѣ и въ Аѳинахъ. *Другіе города всѣ проходили подобную же исторію:* вездѣ царская власть была не столько отмѣнена, сколько подчинена знатными родами; вездѣ началась борьба между этими родами и демосомъ. Въ большинствѣ случаевъ пораженіе знатныхъ было достигнуто не захватомъ власти со стороны народа, а учрежденіемъ тиранніи, т. е. передачей управленія одному гражданину, который заботился о матеріальномъ улучшеніи жизни народа. Но тираннія рѣдко была долговѣчна: гражданамъ трудно было привыкнуть къ произвольному возвышенію одного изъ ихъ же среды; тиранамъ приходилось искать опоры въ насиліи; изгнанники и сосѣдніе города разжигали неудовольствіе народа и помогали свергнуть иго. При возстановленіи народнаго правленія замѣчалась значительная разница: *одни склонялись болѣе къ олигархическому порядку по образцу Спарты, другіе — къ демократіи, по образцу Аѳинъ.*

Въ то же самое время, когда такимъ образомъ сложился государственный порядокъ въ греческихъ городахъ, наступилъ кризисъ[1]) на востокѣ — въ политикѣ персид-

[1]) Переломъ, переворотъ.

скаго царства. Дарій предпринялъ походъ за Черное море въ Скиѳію, чтобы отучить кочевниковъ отъ нападеній на его владѣнія. Войско его двинулось черезъ Ѳракію и Дунай, но не достигло прочныхъ успѣховъ въ равнинахъ южной Россіи. Враги оказались неуловимы. Они тревожили персовъ, избивали отставшихъ, затрудняли подвозъ припасовъ, но не вступали въ большія сраженія, а уходили въ степь. Пришлось вернуться ни съ чѣмъ. Эта неудача была поводомъ, который ускорилъ давно подготовлявшіяся событія. Азіатскіе греки не могли хладнокровно нести иго персовъ. Они тяготились наложенной на нихъ податью, участіемъ въ далекихъ походахъ, злоупотребленіями сатраповъ, господствомъ тирановъ, навязанныхъ персами. Уже во время отступленія Дарія къ Дунаю раздавались среди нихъ голоса, что надо разрушить дунайскій мостъ и тѣмъ погубить персидскую армію въ голодныхъ сѣверныхъ пустыняхъ. По окончаніи похода во главѣ движенія сталъ Аристагоръ Милетскій. Ему удалось поднять возстаніе; попытка добиться помощи отъ балканскихъ грековъ привела только къ тому, что Аѳины и Эретрія на Эвбеѣ прислали по нѣсколько кораблей. Сначала дѣла возставшихъ шли хорошо. Они двинулись внутрь Малой Азіи, заняли Сарды и сожгли городъ. Послѣднее было громадной ошибкой. Лидійцы, которые не любили персовъ и могли бы пристать къ грекамъ, сдѣлались врагами послѣ разгрома своей столицы. Когда персидскія войска собрались противъ грековъ, послѣдніе принуждены были отступить къ берегу. И здѣсь *дѣло ихъ окончательно погибло вслѣдствіе того, что города не умѣли дѣйствовать заодно.* Каждый хотѣлъ защищать только себя. Въ рѣшительной битвѣ (496) самосцы первые бросили товарищей; ихъ примѣру послѣдовали и другіе. Персы одержали полную побѣду и взяли одну за другой всѣ возставшія колоніи.

Но Дарій не ограничился покореніемъ бунтовщиковъ. Онъ рѣшилъ отомстить аѳинянамъ за поддержку, оказанную возставшимъ, и въ то же время расширить предѣлы своего царства, подчинивъ ему Балканскій полуостровъ. Персы совершили уже столько завоеваній, что это послѣднее предпріятіе не могло устрашить ихъ. Слабая сторона греческаго быта — раздробленность — вполнѣ сказалась во время малоазіатскаго возстанія, и Дарій не ожидалъ особенно сильнаго сопротивленія.

Первыя дѣйствія грековъ могли только укрѣпить его надежды. Когда царь послалъ герольдовъ въ Грецію требовать «земли и воды», т. е. подчиненія страны, только спартанцы и аѳиняне показали полную готовность сопротивляться — въ обоихъ городахъ персидскіе посланцы были убиты. Остальные греки частью держались нерѣшительно, частью прямо изъявили покорность. Сначала Дарій думалъ двинуться на Грецію съ сѣвера, изъ Ѳракіи. Планъ этотъ пришлось оставить, потому что персидскій флотъ потерпѣлъ крушеніе, а безъ флота нельзя было итти дальше, такъ какъ на немъ везли припасы. Тогда былъ снаряженъ второй флотъ, и на него посажено войско подъ начальствомъ Датиса и Артаферна (490). Экспедиція, къ которой присоединился бывшій тиранъ аѳинскій Гиппій, пошла прямо черезъ Эгейское море, благополучно заняла Эвбею, сожгла Эретрію и двинулась черезъ проливъ къ Аттикѣ. На Мараѳонской равнинѣ высадилась большая часть стотысячной арміи персовъ. Аѳиняне очутились одни лицомъ къ лицу съ персами. Спартанцы мѣшкали, несмотря на усиленныя просьбы о помощи. Къ десяти тысячамъ аѳинскихъ гоплитовъ примкнула только одна тысяча платейцевъ. Начальство по общему согласію командировъ было передано стратегу одной изъ филъ Мильтіаду, который былъ одно время тираномъ во ѳракійскомъ Херсонесѣ подъ властью персовъ и хорошо зналъ ихъ особенности. Въ сраженіи ска-

зались не только храбрость и патріотизмъ аѳинянъ, но и великое преимущество греческаго военнаго строя. Персы шли безпорядочными толпами; ихъ пѣхота была вооружена луками и плохо снабжена оборонительными доспѣхами. Напротивъ, греки выступали тѣсной, сомкнутой фалангой копейщиковъ, которые привыкли дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ. *Побѣда аѳинянъ была въ то же время побѣдой тѣсно сплоченной городской общины надъ случайнымъ сбродомъ азіатскихъ племенъ.*

Приготовленія грековъ къ новой войнѣ.

Неожиданное избавленіе отъ опасности не обманывало грековъ относительно будущаго. Всѣ понимали, что придется считаться съ новымъ и болѣе страшнымъ нападеніемъ персовъ. Болѣе всего готовились къ войнѣ въ Аѳинахъ, гдѣ душой вооруженій былъ Ѳемистоклъ. Онъ сталъ знаменитъ своими хитростями и умѣньемъ пользоваться слабой стороной противниковъ; но не менѣе замѣчательна и оригинальность его замысловъ; надъ нимъ не имѣли власти усвоенныя привычки, которыя мѣшаютъ другимъ людямъ находить новое; онъ отгадывалъ истинный путь, когда никто еще не могъ распознать его. Такъ, во время приготовленій къ новой войнѣ онъ выступилъ противъ мнѣнія большинства, гордившагося мараѳонской побѣдой и возлагавшаго всѣ надежды на гоплитовъ. Ѳемистоклъ понималъ, что *на сушѣ аѳинянамъ придется избѣгать открытаго сраженія, чтобы не быть раздавленными численностью. На морѣ можно было лучше сопротивляться въ проливахъ.* И онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить аѳинянъ построить большой флотъ.

Ему удалось это сдѣлать, благодаря поддержкѣ ареопага, который въ это трудное время выдвинулся среди прочихъ городскихъ учежденій: ареопагъ состоялъ изъ бывшихъ архонтовъ и потому могъ судить о возникавшихъ вопросахъ съ большимъ знаніемъ дѣла. Граждане

были настолько благоразумны, что подчинялись его руководству во все время персидскихъ войнъ.

Помимо собственныхъ вооруженій, аѳиняне сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы добиться союза грековъ. Опасность представлялась такою грозною, что греческіе города отложили свои распри и уговорились о союзѣ. Въ 481 г. на Коринѳскомъ перешейкѣ состоялось соглашеніе между спартанцами, аѳинянами и большей частью другихъ городовъ. Рѣшено было собрать общее войско, а предводительство (гегемонія) было предоставлено спартанцамъ.

Походъ Ксеркса.

Въ 480 г. показались азіатскія полчища. Дарій умеръ въ промежуткѣ между двумя походами, и персидское войско шло подъ начальствомъ его сына Ксеркса. Варвары переправлялись черезъ Геллеспонтъ: тутъ были отряды изъ всѣхъ частей громаднаго царства; сосчитано было при переправѣ 1 700 000 воиновъ. Ксерксъ шелъ, какъ на тріумфъ, въ упоеніи своей неслыханной силой. Между тѣмъ *предпріятіе оказалось затруднительнымъ какъ разъ вслѣдствіе многочисленности арміи.* Нечѣмъ было кормить ее въ бѣдныхъ хлѣбомъ греческихъ областяхъ: ей крайне трудно было даже передвигаться по дурнымъ дорогамъ Эллады, въ узкихъ долинахъ среди горныхъ хребтовъ. Во всякомъ случаѣ итти впередъ можно было только при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ сухопутнаго войска и флота, подвозившаго ему припасы; случись что съ флотомъ — и сухопутному войску оставалось только уходить. Всѣ эти особенности подсказывали эллинамъ планъ войны: надо было пользоваться узкими проходами — горными ущельями и проливами, чтобы не давать врагу развернуться; надо было затруднять движеніе флота. Ради первой цѣли греки заняли Ѳермопильскій проходъ, ведущій изъ Ѳессаліи въ среднюю Грецію. Несмотря на то, что тутъ были выставлены только незначительныя силы, онѣ успѣшно сопротивлялись персамъ, которые въ узкомъ

мѣстѣ не могли воспользоваться своимъ численнымъ перевѣсомъ. Нашелся однако измѣнникъ, который указалъ персидскому отряду тропинку для обхода грековъ съ тыла. Начальникъ греческаго войска, спартанскій царь Леонидъ, замѣтивъ, что его обходятъ, отпустилъ большую часть войска и остался лишь со спартанцами и частью бэотійцевъ. Они легли всѣ до послѣдняго человѣка.

Вслѣдствіе взятія Өермопильскаго ущелья полчищамъ царя открылась средняя Греція. Бэотійцы приняли ихъ съ покорностью; аттическое населеніе бѣжало. Ксеркъ разрушилъ Аѳины и приготовлялся къ дѣйствіямъ противъ Коринѳскаго перешейка, который былъ занятъ союзнымъ греческимъ войскомъ. Защищать перешеекъ было возможно, но только въ томъ случаѣ, если будетъ задержанъ персидскій флотъ, такъ какъ иначе онъ могъ всегда высадить отрядъ въ тылу грековъ. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ положенія дѣлъ на морѣ. Персидская эскадра сильно пострадала отъ бурь, но все-таки она численностью во много разъ превосходила греческую, и зерно ея составляли суда опытныхъ моряковъ — финикіянъ. Греки должны были наверстывать малочисленность знаніемъ мѣстности и искуснымъ пользованіемъ ею. Они выбрали очень хорошую позицію — въ проливѣ между небольшимъ островомъ Саламиномъ и материкомъ; здѣсь азіаты опять-таки не могли развернуть своихъ силъ. Тѣмъ не менѣе греческіе вожди приготовлялись уже оставить эту позицію и итти къ Истму, гдѣ ихъ, вѣроятно, раздавили бы персы. Ѳемистоклъ, начальствовавшій аѳинскимъ отрядомъ, одинъ понялъ положеніе и убѣждалъ грековъ сразиться въ проливѣ. Не добившись своего на совѣтѣ вождей, онъ послалъ гонцовъ къ Ксерксу предупредить его, что греки собираются уйти. Ксеркъ не хотѣлъ терять удобнаго случая покончить съ эллинскимъ флотомъ и поспѣшилъ отрѣзать ему выходы. Началось сраженіе, на которое царь смотрѣлъ съ берега, какъ на праздничное состязаніе. Греки бились съ храбростью

отчаянія; ихъ небольшіе корабли лучше изворачивались среди скалъ и отмелей хорошо знакомаго пролива; азіаты давили другъ друга своею массою; въ ихъ флотѣ находились отряды племенъ, не имѣвшихъ ничего общаго и даже враждовавшихъ другъ съ другомъ: малоазіатскихъ грековъ трудно было заставить дѣйствовать согласно съ финикіянами; *весь этотъ сбродъ народовъ относился безучастно къ властолюбивому предпріятію своего царя.* При этихъ условіяхъ искусство и воодушевленіе грековъ одержали полную побѣду. Значительная часть персидскаго флота была уничтожена. Этого одного удара было достаточно, чтобы заставить громадную массу азіатскаго войска покатиться назадъ. Ксеркъ не рѣшился напасть на перешеекъ, и ему нечѣмъ было кормить свои войска въ опустошенной средней Греціи. Онъ ушелъ обратно въ Азію, оставивъ въ Бэотіи 300 тысячную армію подъ начальствомъ Мардонія.

Въ 479 году греки начали военныя дѣйствія заразъ въ двухъ направленіяхъ. Сухопутныя силы (около 100 000 человѣкъ), которыми командовалъ спартанецъ Павсаній, двинулись противъ Мардонія. Спартанскій царь Леотихидъ и аѳинянинъ Ксантиппъ съ флотомъ отправились черезъ море къ малоазіатскимъ берегамъ, чтобы поднять тамъ греческія колоніи. Въ Бэотіи, при Платеѣ, повторилось въ главныхъ чертахъ мараѳонское столкновеніе. Несмотря на преимущество азіатскихъ стрѣлковъ и конницы, сплошная стѣна спартанской фаланги одержала верхъ; напрасно бросались на нее отборные храбрецы Мардонія — они бились врознь и потому безуспѣшно. Вмѣстѣ съ персами сражались измѣнившіе общему дѣлу бэотійскіе и ѳессалійскіе греки; ихъ разбили аѳиняне. Другое греческое войско одержало не менѣе блестящую побѣду при мысѣ Микале; малоазіатскіе города и острова спѣшили бросить персидскихъ утѣснителей и примкнуть къ соотечественникамъ.

Этими сраженіями закончился первый періодъ персидскихъ войнъ. Но борьба была еще далеко не кончена. Предстояло очистить Ѳракію и Архипелагъ отъ персидскихъ гарнизоновъ, прочно занять малоазіатскій берегъ, разбить грозную морскую силу финикіянъ. Обстоятельства складывались неблагопріятно для разрѣшенія всѣхъ этихъ задачъ.

Во время нашествія раздоры между городами замолкли на минуту; когда опасность прошла, они стали возникать съ новою силою. *Спартанцы завидовали аѳинянамъ, которые обнаружили необыкновенную проницательность, самоотверженіе и энергію, между тѣмъ какъ сами они только доказали лишній разъ стойкость своихъ гоплитовъ.* Однако гегемонія въ союзѣ принадлежала Спартѣ, и она не расположена была отказаться отъ нея, хотя теперь приходилось вести войну преимущественно на морѣ, гдѣ спартанцы ничего не значили. Положеніе спартанскаго полководца среди отряда, составленнаго исключительно изъ людей и кораблей другихъ городовъ, было неловкое и непріятное. А Павсаній, которому поручено было командованіе эскадрой, дѣйствовавшей во ѳракійскихъ водахъ, способенъ былъ только увеличить затрудненія: онъ сильно возмечталъ о себѣ послѣ платейской побѣды, обращался съ союзниками дерзко и сурово и даже вступилъ въ тайныя сношенія съ персидскимъ царемъ, въ надеждѣ пріобрѣсти тираннію надъ греками.

Это напряженное положеніе разрѣшилось тѣмъ, что отряды острововъ Хіоса, Лесбоса и другихъ объявили, что они не хотятъ долѣе повиноваться спартанцамъ и желаютъ продолжать войну подъ руководствомъ аѳинянъ (478). Этотъ поступокъ могъ бы вызвать открытое столкновеніе, но спартанцы на него не рѣшились. Они сами и ихъ пелопоннесскіе союзники отстали отъ дальнѣйшихъ походовъ и предоставили аѳинянамъ дѣйствовать противъ

персовъ. Такимъ образомъ, *изъ общаго греческаго союза выдѣлился болѣе тѣсный — аѳинскій.* Онъ былъ устроенъ аѳиняниномъ Аристидомъ, который при этомъ заслужилъ славу справедливѣйшаго изъ грековъ. Всѣ участники имѣли равныя права и равный голосъ на союзномъ съѣздѣ, мѣстомъ для котораго былъ избранъ островъ Делосъ. Тамъ же должна была находиться союзная казна, составлявшаяся изъ взносовъ всѣхъ членовъ. Организація эта дѣйствовала чрезвычайно успѣшно. Одинъ за другимъ примыкали къ ней города и острова эллинскаго востока, одна за другой слѣдовали ея побѣды надъ персами и финикіянами. Въ семидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ V вѣка блестящій полководецъ союза Кимонъ, сынъ Мильтіада, очистилъ отъ персовъ берега Эгейскаго моря. Самое страшное пораженіе онъ нанесъ непріятелямъ, приготовлявшимся къ новому вторженію въ Грецію, при Эвримедонѣ (466), въ Памфиліи. Около 300 отдѣльныхъ общинъ вошло въ составъ союза въ его пяти округахъ (оракійскій, геллеспонтскій, островной, іонійскій, карійскій).

Но если внѣшній успѣхъ былъ неожиданно быстръ и полонъ, то внутреннее устройство союза измѣнилось за это время никакъ не къ выгодѣ большинства его членовъ. Перевѣсъ Аѳинъ становился все значительнѣе; прочіе города тяготились ежегодными походами и стали откупаться отъ нихъ. Аѳиняне охотно брали на себя веденіе войны, но зато они и вели ее, какъ хотѣли. *Откупавшіеся города устранялись отъ съѣзда и попадали изъ положенія союзниковъ въ положеніе данниковъ.* Мало-по-малу съѣздъ потерялъ значеніе, и аѳиняне стали распоряжаться въ союзѣ по произволу. Еще хуже стало дѣло вслѣдствіе того, что нѣкоторыя общины спохватились, хотя и поздно, и пробовали отдѣлиться отъ союза. Такую попытку сдѣлалъ, напримѣръ, островъ Наксосъ, затѣмъ Ѳасосъ. Аѳиняне смотрѣли на эти отпаденія, какъ на возстанія. Имъ было не трудно справиться съ отдѣльными городами,

потому что возставшіе поднимались поодиночкѣ. За подавленіемъ возстанія слѣдовали строгія мѣры, и непокорная община переходила въ разрядъ подданныхъ. *Въ концѣ концовъ аѳиняне обратили союзъ (συμμαχία) въ свое государство (ἀρχή).* Подати городовъ назначались въ Аѳинахъ и были значительно возвышены (передъ пелопоннесской войной 600 талантовъ); важнѣйшія судебныя дѣла переносились въ аѳинскіе суды; въ городахъ стояли аѳинскіе гарнизоны; для надзора за управленіемъ, а иногда для переустройства управленія назначались должностныя лица изъ аѳинянъ. Въ 454 г. обращеніе союза въ государство завершилось перенесеніемъ союзной казны изъ Делоса въ Аѳины. Такимъ образомъ, *главнымъ результатомъ греко-персидскихъ войнъ было образованіе великой аѳинской державы, которая получила господство на греческомъ востокѣ.*

Глава VI.

Аѳины въ V вѣкѣ.

Время Аристида и Ѳемистокла.

Быстрый ростъ аѳинскаго могущества не могъ не отозваться на внутреннихъ дѣлахъ государства. Прежде всего аѳиняне обратились къ морю — сдѣлались мореходнымъ торговымъ народомъ. Вслѣдствіе этого теряли смыслъ послѣдніе остатки тимократіи, основанной на землевладѣніи. Четвертый классъ, обдѣленный Солоновымъ устройствомъ, сдѣлалъ не менѣе, если не болѣе, для спасенія государства, нежели гоплиты и всадники: онъ спасъ отечество при Саламинѣ и продолжалъ постоянно служить ему въ походахъ Аристида и Кимона. *Такимъ образомъ, ѳеты заслужили уравненія съ другими сословіями, и, дѣйствительно, доступъ къ должностямъ былъ открытъ всѣмъ классамъ.* Въ то же время многія должности стали замѣщаться *по жребію:* предполагалось, что всѣ граждане

одинаково способны, достойны и подготовлены для занятія большинства должностей. Чтобы никого не обидѣть, представляли выборъ жребію.

Архонтовъ уже ранѣе назначали жребіемъ изъ кандидатовъ, избираемыхъ филами, но сначала число кандидатовъ было небольшое (40), такъ что жребій не имѣлъ особеннаго значенія; въ V вѣкѣ стали выставлять 100 кандидатовъ, изъ которыхъ приходилось брать девять архонтовъ. Кончилось тѣмъ, что даже кандидатовъ стали намѣчать жребіемъ. Вслѣдствіе такого случайнаго замѣщенія должность потеряла свою важность.

Особенно возвысилась въ это время должность стратеговъ, которые прямо избирались народомъ и завѣдывали военными, иностранными и союзными дѣлами. Всѣ эти измѣненія совершались постепенно, силою вещей, безъ рѣзкаго переворота. Имъ много содѣйствовалъ Аристидъ, который не остался слѣпымъ защитникомъ землевладѣльческой тимократіи, существовавшей при Солонѣ и Клисѳенѣ, а сообразовался съ новымъ положеніемъ Аѳинъ, какъ великой морской державы. Еще далѣе его шелъ Ѳемистоклъ: его безпокойный умъ снова былъ занятъ открытіемъ неизвѣданныхъ путей. Онъ уже предчувствовалъ борьбу со Спартой и оказалъ великую услугу своему родному городу, добившись того, что его спѣшно обнесли укрѣпленіями, несмотря на неудовольствіе и противорѣчіе спартанцевъ. Затѣмъ онъ сталъ покровительствовать метэкамъ[1]) и завелъ сношенія съ Павсаніемъ, который пробовалъ поднять гелотовъ противъ спартанцевъ. Оба знаменитые полководца пали жертвою своего честолюбія: Павсанія спартанцы обложили въ храмѣ и уморили голодомъ, Ѳемистоклъ былъ изгнанъ остракизмомъ и бѣжалъ къ персидскому царю Артаксерксу.

Въ Аѳинахъ, между тѣмъ, вновь образовались двѣ партіи. Одна, съ Кимономъ во главѣ, поддерживала преданія персидской войны, настаивала на необходимости ладить со Спартой, чтобы успѣшно воевать въ Азіи, а дома противилась дальнѣйшимъ измѣненіямъ госу-

[1]) Метэки — чужестранцы, переселившіеся въ Аттику.

дарственнаго строя и проводила на выборахъ членовъ знатныхъ фамилій. Другая, демократическая партія, слѣдовавшая за Эфіальтомъ и Перикломъ, открыто готовилась къ борьбѣ со Спартой, нападала всѣми средствами на аристократовъ — боролась противъ нихъ на выборахъ, возбуждала противъ нихъ обвиненія въ судахъ; наконецъ, она замышляла дальнѣйшее измѣненіе городского порядка въ пользу демократіи. Слава Кимона и его популярность долго сдерживали демократовъ. Народъ оставался вѣренъ любимому полководцу, несмотря на то, что открывалась возможность пріобрѣсти новыя выгоды на счетъ аристократовъ. Значеніе Кимона, было, наконецъ, подорвано его политикой относительно Спарты. Онъ закрывалъ глаза на явное недоброжелательство лакедемонянъ и даже добился, хотя и съ великимъ трудомъ, что аѳиняне послали его съ войскомъ на помощь Спартѣ во время вспыхнувшаго тамъ страшнаго возстанія гелотовъ и мессенцевъ. Спартанцы были, конечно, очень довольны такимъ оборотомъ дѣлъ: онъ показывалъ возставшимъ, что имъ нечего ждать поддержки отъ Аѳинъ. Но они держали аѳинскій отрядъ вдали отъ мѣста дѣйствій и при первой возможности отправили его обратно. Вся экспедиція оказалась крупной политической ошибкой: спартанцы отвѣтили аѳинянамъ не благодарностью, а обидой. Подъ впечатлѣніемъ этой ошибки аѳиняне изгнали Кимона остракизмомъ. Хотя онъ впослѣдствіи вернулся и даже былъ стратегомъ, но его политическое вліяніе было утрачено.

Реформы Эфіальта и Перикла.

Реформы были начаты Эфіальтомъ. Онъ лишилъ ареопагъ значительной части его власти. Это было единственное учрежденіе, не зависѣвшее отъ народа. Засѣдатели его назначались самимъ ареопагомъ на всю жизнь и притомъ исключительно изъ бывшихъ архонтовъ; ареопагу принадлежалъ надзоръ надъ всѣми другими властями и, между прочимъ, за народнымъ собраніемъ. Во время персидскихъ войнъ онъ пріобрѣлъ и проявилъ большую силу. Эфіальтъ положилъ конецъ этому могуществу, *отнявъ у ареопага наблюденіе за учрежденіями и законами.* За нимъ оставлена была отчасти судебная роль и надзоръ

за нравами (462). Реформа Эфіальта вызвала такое ожесточеніе среди аристократической партіи, что реформатора убили. Но Периклъ продолжалъ его дѣло.

Необходимо было передать кому-нибудь обязанности, отнятыя у ареопага, — онѣ достались геліэѣ, комиссіямъ аѳинскихъ присяжныхъ, которыхъ ежегодно избирали въ числѣ 6000 для отправленія правосудія. Геліэя была учреждена еще при Солонѣ, но только теперь она получила великое значеніе въ государствѣ. Ей былъ переданъ отъ ареопага надзоръ за народнымъ собраніемъ: запрещено было проводить новый законъ, не опровергнувъ предварительно стараго передъ комиссіей присяжныхъ. Нарушавшіе это правило подвергались уголовному преслѣдованію за противозаконіе (*γραφὴ παρανόμων*).

Въ то же время въ геліэю были переданы почти всѣ судебныя дѣла. Архонты сдѣлались простыми предсѣдателями судовъ. Такимъ образомъ, *геліэя возвысилась надъ всѣми учрежденіями въ Аѳинахъ, даже надъ народнымъ собраніемъ*. Для того, чтобы провести эту обширную судебную и политическую реформу, мало было одного приказанія: надо было дать народу возможность дѣйствительно принимать участіе въ судахъ. Засѣдателей было такъ много, отъ нихъ требовалась такая затрата труда и времени, что *нельзя было требовать этой службы, не обезпечивъ ее какимъ-нибудь вознагражденіемъ*. Периклъ ввелъ небольшое вознагражденіе въ размѣрѣ двухъ оболовъ въ день (около 8 коп.); на эту сумму можно было пообѣдать, хотя и очень скромно. И этой суммы оказалось достаточно, чтобы привлечь народъ къ исполненію судебныхъ обязанностей: аѳиняне предпочитали интересную работу судебнаго разбирательства болѣе выгодному промышленному труду. Такъ какъ демократическая партія задавалась цѣлью передать правительственное вліяніе народу, т. е. его малосостоятельному большинству, то приходилось вообще подумать о жалованьѣ, о платѣ за правительственныя обязанности. Люди богатые могутъ

служить безъ жалованья, ради почета и власти, которые даетъ служба. Люди бѣдные не въ состояніи такъ жертвовать своимъ временемъ и трудомъ. Хотя древніе граждане, даже и бѣдные, были въ исключительномъ положеніи, такъ какъ рѣдко у кого не было раба, трудившагося на него, однако и имъ необходимо было хоть маленькое вознагражденіе. *Проведеніе демократіи при Периклѣ необходимо ведетъ за собой назначеніе жалованья за посѣщеніе совѣта и народнаго собранія, а также за службу въ войскѣ и флотѣ.* Кромѣ того, государство выдавало деньги на покупку мѣста въ театрѣ; эту раздачу стали увеличивать съ тѣмъ, чтобы дать возможность купить пищи въ дни празднествъ.

Откуда брались деньги для всѣхъ этихъ раздачъ и расплатъ? Нелѣпо было бы выдавать гражданамъ въ видѣ жалованія деньги, которыя брали съ нихъ же въ видѣ подати. И дѣйствительно, аѳинскій гражданинъ не платилъ податей — *государство пополняло свою казну изъ пошлинъ съ предметовъ торговли, изъ дани метэковъ, а главное — изъ взносовъ союзниковъ.* Взносы эти шли не только на веденіе войны съ персами, а на всѣ нужды столицы: на вознагражденіе ея гражданъ, на устройство празднествъ, на постройку храмовъ. Аѳиняне оправдывали себя тѣмъ, что они защитили Грецію отъ нашествія и что они же продолжаютъ нести всю тяжесть союзнаго управленія и походовъ.

Кромѣ жалованья и заработковъ при общественныхъ постройкахъ, бѣднѣйшіе аѳиняне могли разсчитывать на зачисленіе въ колонисты, которымъ государство отводило земли, отнятыя у варваровъ или союзниковъ. Такимъ образомъ, были устроены при Кимонѣ и Периклѣ нѣсколько десятковъ тысячъ семействъ.

Власть Перикла.

Периклъ проводилъ сначала свои мѣры въ постоянной борьбѣ съ остатками аристократической партіи. Но въ

445 году народъ изгналъ остракизмомъ его главнаго противника Ѳукидида (сына Мелесія), и съ тѣхъ поръ Периклъ пользовался неоспоримымъ преобладаніемъ почти до смерти. Пятнадцать лѣтъ подъ рядъ его выбирали стратегомъ, и хотя онъ раздѣлялъ эту должность съ девятью другими предводителями, но всѣ остальные ему подчинялись, потому что *весь народъ смотрѣлъ на него, какъ на главное, руководящее и отвѣтственное лицо въ государствѣ.* Это исключительное положеніе создалось въ силу необходимости: ни народное собраніе, ни даже совѣтъ не могли успѣшно вести сложныя, трудныя дѣла союзной и иностранной политики. Они сохраняли надъ этими дѣлами общее наблюденіе, и для главныхъ мѣръ приходилось заручиться одобреніемъ совѣта и собранія, но подробности исполненія всего лучше было предоставить одному довѣренному лицу. Такимъ довѣреннымъ, своего рода главнымъ министромъ аѳинской демократіи, былъ Периклъ, и народъ обнаружилъ большой политическій смыслъ предпочтеніемъ, которое онъ ему оказывалъ. Периклъ внушалъ довѣріе своею полною преданностью интересамъ города, благородствомъ характера и силою сужденій, умѣньемъ видѣть существенное и избирать лучшее. Среди подвижныхъ, шумливыхъ аѳинянъ этотъ всегда серьезный, всегда занятой, всегда владѣвшій собою человѣкъ производилъ нѣсколько стѣснительное впечатлѣніе. Они называли его въ шутку громовержцемъ, но имѣли достаточно ума и вкуса, чтобы цѣнить и его умѣлую политику, и его вѣское, проникнутое глубокимъ смысломъ, слово.

И Периклъ былъ не только политическимъ дѣятелемъ и полководцемъ; подобно Писистрату, но еще въ гораздо бо́льшей степени, онъ сумѣлъ сосредоточить вокругъ себя все, что было лучшаго въ литературной и художественной жизни Греціи того времени. Городъ украсился цѣлымъ рядомъ великолѣпныхъ построекъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: храмъ покровительницы города Аѳины (Парѳенонъ), колоннада при входѣ въ Акрополь (Про-

пилеи) и Одеонъ, театръ, посвященный поэтическимъ и музыкальнымъ состязаніямъ. Ближайшими друзьями Перикла былъ философъ Анаксагоръ и художникъ Фидій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ скульпторовъ всѣхъ временъ. Среди тѣхъ же высокоразвитыхъ аѳинянъ писалъ свои драмы величайшій трагикъ Греціи Софоклъ. Въ Аѳинахъ же на продолжительное время поселился малоазіатскій уроженецъ, историкъ Геродотъ. Однимъ словомъ, то былъ золотой вѣкъ греческой образованности, и *Периклъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, что Аѳины — столица Греціи и ея учитель.* Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого времени и великаго вождя, необходимо оглянуться на исторію духовной жизни грековъ, прошедшую между составленіемъ гомеровскихъ поэмъ и высшимъ процвѣтаніемъ ея въ V вѣкѣ.

Глава VII.

Греческая образованность эпохи Процвѣтанія. (VIII—V вѣка).

Упадокъ эпоса. Лирика.

Когда греки усѣлись болѣе или менѣе по мѣстамъ и закончилась героическая эпоха племенныхъ передвиженій, эпическая поэзія, возникшая подъ вліяніемъ этихъ странствованій и войнъ, стала изсякать. Такъ называемые киклики продолжали разработывать «кругъ» сказаній, сложившійся около троянской войны, но ихъ поэмы не выдерживали сравненія съ Иліадой и Одиссеей. Въ нихъ не было изобрѣтательности, свѣжести, яркости гомеровскихъ пѣсенъ. Время беззаботнаго поэтическаго разсказа, который не стѣснялся повтореніями, эпизодами[1]) и подробностями и съ любовью останавливался на описаніяхъ, очевидно, прошло. Бэотіецъ Гезіодъ (VIII в.) разсуждаетъ и поучаетъ; его «Ѳеогонія» представляетъ попытку установить порядокъ среди миѳовъ о богахъ, опредѣлить поколѣнія и отношенія между богами. Въ

[1]) Вставленные въ главное повѣствованіе и слабо связанные съ нимъ разсказы.

«Дѣлахъ и дняхъ» онъ даетъ полезныя, но скучноватыя правоученія мелкому землевладѣльцу, занятому полевыми работами. Характеренъ не только переходъ отъ военныхъ приключеній къ мирной дѣятельности, но и сословное измѣненіе: Иліада и Одиссея принадлежатъ совершенно аристократической обстановкѣ: ихъ герои — вожди, а простой народъ остается на заднемъ планѣ; Гезіодъ обращается къ человѣку съ небольшимъ состояніемъ и скромными цѣлями въ жизни.

Другой признакъ измѣнившихся обстоятельствъ, это — *развитіе лирики, поэзіи личнаго чувства.* Эпическій разсказъ предполагаетъ согласно живущее общество, въ которомъ люди думаютъ болѣе или менѣе на одинъ ладъ. Но когда началась въ городахъ ожесточенная борьба между знатными и демосомъ, спокойное безпристрастіе эпоса стало неумѣстнымъ. Поэты пользуются силою своего воображенія и мѣткостью слова, чтобы возвеличить свое дѣло и пустить стрѣлу въ противника. Ѳеогнидъ Мегарскій, напр., пишетъ стихи, чтобы выразить свои горькія чувства, по поводу захватовъ демоса. Разъ вступивъ на эту дорогу, поэзія охватила всѣ виды личнаго чувства: торжественная ода Пиндара выражала гордость побѣдителя на состязаніи эллиновъ, Сафо и Анакреонъ въ разныхъ формахъ воспѣвали любовь . . .

Драма.

Въ литературѣ Аѳины выдвинули драму — *поэзію дѣйствія.* Драма получила начало изъ пѣсенъ хора на праздникѣ Діониса. Хористы въ козлиныхъ шкурахъ[1]), переодѣтые спутниками бога — сатирами, описывали приключенія обошедшаго и побѣдившаго всѣ племена Діониса. Стали брать и другіе предметы для пѣсенъ, выбирая ихъ преимущественно изъ сказаній, способныхъ волновать слушателей, внушить имъ страхъ или состраданіе. Во время Солона составитель такихъ пѣсенъ Ѳесписъ придумалъ выступить изъ хора и изображать главное лицо, о которомъ шла рѣчь. Отсюда былъ уже одинъ только шагъ до введенія нѣсколькихъ актеровъ и

[1]) *Τράγος ἀοιδός* — козелъ-пѣвецъ; отсюда — трагедія.

изображенія цѣлыхъ дѣйствій. Этотъ шагъ сдѣлала позднѣйшая аѳинская трагедія Эсхила и Софокла. Такимъ образомъ, разсказъ становился какъ бы самымъ дѣйствіемъ. Присутствовавшіе не просто слушали о давно минувшихъ дѣлахъ, но воочію наблюдали за героями и ихъ судьбой.

Драма вмѣщала черты и лирики и эпоса, прибавляя къ нимъ нѣчто собственное. Событія были подобраны не случайно и вольно, какъ въ эпосѣ, а съ цѣлью возможно сильнѣе захватить зрителя, вовлечь его въ дѣйствіе и внушить ему подобіе чувствъ, одушевлявшихъ дѣйствующія лица. Подробности, конечно, различны, но во всѣхъ пьесахъ возвращается одна главная мысль: *жизнь людей направляется роковой судьбой, на рѣшенія которой они не имѣютъ вліянія; но въ ихъ внутреннемъ мірѣ, въ ихъ совѣсти есть сила, которая дѣлаетъ ихъ свободными, которая возвышаетъ ихъ надъ превратностями успѣха и бѣдствія.* Если зритель испытывалъ удовольствіе отъ подобія страха и страданія, навѣяннаго на него трагедіей, то причина заключалась въ возвышающемъ чувствѣ, что дѣйствительно караетъ человѣка только совѣсть, а сознаніе правоты спасаетъ его даже въ несчастіи. Трагедія избирала самые крайніе примѣры человѣческихъ испытаній, потому что на нихъ тѣмъ сильнѣе обнаруживалась сила внутренней правды. Въ «Персахъ» Эсхила сказалось вліяніе великой борьбы грековъ съ востокомъ. Пьеса проникнута трагическимъ ужасомъ, навѣяннымъ на зрителя превратностью въ судьбѣ персидскаго царя: онъ выходитъ въ несравненномъ, неслыханномъ могуществѣ, а возвращается разбитый и уничтоженный. И зрителей удовлетворяетъ этотъ исходъ, потому что совѣсть ихъ осуждаетъ ненасытное властолюбіе Ксеркса. Въ трилогіи[1]) Эсхила «Орестія» взято положеніе, при которомъ нельзя сказать сразу, въ чемъ правда, и поэтому остается долго неяснымъ исходъ. Орестъ убиваетъ свою мать Клитемнестру въ отмщеніе за то, что она убила его отца. Онъ совершилъ свое страшное дѣло по чувству долга; тѣмъ не менѣе его преслѣдуютъ Эвмениды — олицетвореніе карающей совѣсти. Аѳина и ареопагъ рѣшаютъ дѣло въ его пользу. Чувство греческихъ зрителей въ этомъ

[1]) Трилогіей назывались три драмы, которыя давались одна за другой и изображали тѣсно связанныя между собой событія.

столкновеніи обязанностей оправдывало сына, рѣшившагося отомстить родной матери. Въ «Скованномъ Прометеѣ» борьба между внѣшнимъ могуществомъ судьбы и духовной свободой человѣка выразилась въ потрясающемъ образѣ Прометея: Зевсъ властенъ его сковать и мучить, но не имѣетъ силы надъ его сознаніемъ правоты и непокорною волею. Въ «Эдипѣ» Софокла герой обреченъ богами на случайное злодѣяніе: онъ, самъ того не зная, убилъ отца и женился на матери. Судьба запутала его въ ужасное положеніе, не онъ находитъ выходъ изъ него, совершивъ надъ собою добровольную казнь: онъ самъ себя ослѣпляетъ, бросаетъ царство, идетъ скитаться по міру, находитъ освобожденіе и успокоеніе въ смерти. Повсюду за нимъ слѣдуетъ дочь, ни въ чемъ неповинная Антигона, участвуетъ въ его страданіяхъ и идетъ на смерть, чтобы исполнить послѣдній долгъ — похоронить убитаго брата. Добро торжествуетъ, но не въ случайномъ внѣшнемъ успѣхѣ, а въ просвѣтляющемъ сочувствіи и удовлетвореніи зрителей.

Пластическія искусства.

Такъ называемыя «пластическія»[1]) искусства также достигли высокаго совершенства. Въ архитектурѣ греки не стремились произвести впечатлѣніе обширностью размѣровъ или нагроможденіемъ подробностей. *Красота ихъ зданій зависѣла отъ искуснаго расчлененія цѣлаго.* Они стали болѣе пользоваться колоннами, чѣмъ было въ обычаѣ на востокѣ. Дорическое и іоническое племя выработали и тутъ двѣ различныхъ формы: простая дорійская колонна заканчивалась небольшой чашкой, изящная іонійская — рогами барана; позднѣе образовался еще вычурный коринѳскій типъ съ завершеніемъ въ видѣ листьевъ «аканѳа». Особенно много сдѣлали греки для скульптуры. Любовь къ атлетическимъ упражненіямъ и значеніе ихъ въ воспитаніи сильно содѣйствовали этому. Подъ южнымъ небомъ для гимнастики и разнаго рода состязаній раздѣвались наголо, благодаря чему являлась возможность хорошо изучить формы и движенія обнаженнаго тѣла.

[1]) Искусства, преобразующія матеріалъ (πλάσσω): архитектура и скульптура, потому что онѣ изъ камня образуютъ зданіе и статую.

Произведенія древнѣйшей скульптуры свидѣтельствуютъ еще о вліяніи восточныхъ мастеровъ. Но скоро греки пошли собственнымъ путемъ, изучая природу и стараясь какъ можно вѣрнѣе передать ее. Искусство ихъ однако не свелось на простое подражаніе природѣ, какъ не осталось въ зависимости отъ данныхъ чужимъ мастерствомъ образцовъ. *Греческая скульптура служила сначала преимущественно религіознымъ цѣлямъ, и ея произведенія получаютъ идеализирующій*[1]) *характеръ.* Художники стремятся сдѣлать свои статуи достойными изображеніями боговъ и героевъ. Божественность и героизмъ они выражаютъ не громадностью и не соединеніемъ человѣческихъ и животныхъ формъ, какъ дѣлали на востокѣ, а идеальной красотой и величіемъ. Высшимъ проявленіемъ этой религіозной скульптуры могутъ считаться творенія Фидія. Его статуи — Зевса въ Олимпіи и Аѳины Паллады въ Аѳинахъ — доводили человѣческій образъ до величайшаго доступнаго ему достоинства и мощи. Естественно, что *скульптура этого времени создаетъ спокойные образы:* ея богамъ и героямъ неприлично было бы искажающее черты волненіе. *Они блаженны и потому обладаютъ гармоніей — счастливымъ равновѣсіемъ духа.*

Философія и исторія.

Въ области знанія греки цвѣтущей эпохи сдѣлали не такъ много, какъ въ области искусства, хотя и тутъ за ними числятся громадныя заслуги. Въ іонійскихъ колоніяхъ возникаетъ самостоятельная философія — «исканіе мудрости». У восточныхъ народовъ, у египтянъ, индусовъ, персовъ не было недостатка въ глубокомысленныхъ соображеніяхъ о назначеніи міра и человѣческой жизни, но эти соображенія перемѣшивались съ религіозными миѳами. *Греки первые стали заниматься философіей ради ея самой.* Мудрецы іонійскіе, а затѣмъ южно-итальянскіе не останавливались передъ величайшими трудностями,

[1]) Идеаломъ называется представленіе человѣка о лучшемъ, чего можно достигнуть въ извѣстномъ отношеніи: о высшей красотѣ, силѣ, мудрости и т. п.

попытались объяснить все существующее въ мірѣ и разбирали законы нашего мышленія. Одинъ изъ нихъ, Пиѳагоръ, сталъ задумываться надъ вопросомъ о загробной жизни, такъ неясно разрѣшеннымъ въ греческой религіи, и остановился на мысли, что душа послѣ смерти переселяется въ другое тѣло для постепеннаго совершенствованія, очищенія отъ грѣховъ и наказанія за проступки. Кромѣ того, онъ составилъ въ Кротонѣ союзъ философовъ, который долженъ былъ вліять всѣми способами на дѣйствительную жизнь, распространять его ученіе и по возможности забрать въ руки управленіе греческими государствами, такъ какъ управлять должны лучшіе люди, воспитанные на философіи.

Замѣчательныя событія, совершавшіяся въ отдѣльныхъ городахъ, — геройская борьба съ азіатами, попытки соединить разрозненныя части эллинскаго міра, — все это не могло не вызвать интереса къ изученію исторіи. И дѣйствительно, въ V вѣкѣ появляется Геродотъ, заслужившій названіе «отца исторіи». Его повѣствованіе представляетъ рядъ разсказовъ о всѣхъ странахъ извѣстнаго тогда міра и заключается описаніемъ персидскихъ войнъ. Уроженецъ Галикарнасса въ Малой Азіи, Геродотъ самъ объѣздилъ многія изъ странъ, о которыхъ говоритъ, былъ въ Вавилоніи и Египтѣ, затѣмъ долго жилъ въ Аѳинахъ и южной Италіи. Такимъ образомъ, онъ прошелъ весь эллинскій міръ съ востока на западъ и знакомъ былъ лично съ бытомъ государствъ, вступившихъ въ борьбу съ Греціей. Въ разсказѣ онъ отдалъ должное иноземцамъ, хотя самъ полонъ горячей любви къ Греціи и ея свободнымъ учрежденіямъ. Онъ не имѣлъ времени и охоты дѣлать старательныя изысканія для своей исторіи, а заботился, главнымъ образомъ, о занимательной передачѣ фактовъ. Черезъ все повѣствованіе проходитъ красною нитью мысль, которая сказывается и въ «Персахъ» Эсхила: *боги рано или поздно караютъ чрезмѣрныя притязанія и попытки людей.* Заносчивость, дерзость, даже просто неумѣренные успѣхи отдѣльнаго человѣка вооружаютъ ихъ противъ него; такъ, и персы были позорно разбиты, потому что вышли изъ

предѣловъ возможнаго могущества и хотѣли покорить весь міръ.

Въ этой идеѣ сказывается одно изъ основныхъ свойствъ греческаго народнаго характера — чувство мѣры. Сами греки хорошо сознавали въ этомъ отношеніи разницу между собой и окружавшими ихъ народами. Ихъ отталкивала односторонность и слѣпое увлеченіе. Но не вездѣ одинаково осуществлялись эти идеалы: казарменная обстановка Спарты уродовала людей, отнимала у нихъ высшія духовныя стремленія, дѣлала ихъ ремесленниками войны. Всего болѣе сдѣлали для греческой образованности Аѳины. Ихъ граждане заботились о всестороннемъ, художественномъ развитіи своихъ силъ и стремленій. Обстоятельства сложились такъ выгодно для нихъ, что они находили полное удовлетвореніе въ оживленной, разнообразной жизни своего города. Знаменательными для *аѳинскаго идеала гармоніи способностей и стремленій* являются слова Перикла: «мы любимъ красоту и не впадаемъ въ изнѣженность; любимъ мудрость и не страдаемъ слабостью воли».

Глава VIII.

Пелопоннесская Война.

Причины войны.

Въ Греціи V вѣка при всемъ ея блескѣ были нѣкоторыя невыгодныя условія, подвергавшія опасности народную жизнь. Все тамъ дѣлалось для городскихъ общинъ съ небольшимъ кругомъ гражданъ. Вслѣдствіе этого въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ успѣхъ и упадокъ зависѣли отъ поведенія очень незначительнаго числа людей. *Такіе маленькіе кружки быстро достигали высшей образованности, но ихъ трудно было удержать отъ нравственной порчи—отъ эгоизма и распущенности.* Въ Аѳинахъ, около которыхъ образовалось большое государство, всѣ интересы были подчинены выгодамъ и желаніямъ какихъ-нибудь 30,000 семействъ. *Съ другой стороны, отдѣльныя городскія общины не въ состояніи были слиться въ одно народное цѣлое.* Разными — частью насильствен-

ными — способами было достигнуто образованіе двухъ большихъ союзовъ, но дальнѣйшему соединенію препятствовала непримиримая противоположность не только между интересами, но и между характерами спартанцевъ и аѳинянъ. Одни были представителями устойчивости, косности въ жизни и учрежденіяхъ, другіе отличались подвижностью и предпріимчивостью. Рано или поздно должно было произойти столкновеніе, и заслуга аѳинскихъ демократовъ заключалась въ томъ, что они это сознавали и по мѣрѣ возможности приготовлялись къ войнѣ. Силы противниковъ уравновѣшивали другъ друга. Спарта опиралась на государства Пелопоннеса и Бэотію (за исключеніемъ Платеи), Аѳины располагали городами и островами Эгейскаго, Чернаго и Мраморнаго морей. Спарта могла выставить почти вдвое болѣе гоплитовъ, чѣмъ Аѳины; зато послѣднія имѣли безусловный перевѣсъ на морѣ. Спартанское государство было прочнѣе и выносливѣе; аѳиняне имѣли въ своемъ распоряженіи значительныя финансовыя средства и сложное финансовое управленіе.

Сообразно съ этими условіями Периклъ составилъ свой военный планъ. На сушѣ онъ рѣшилъ дѣйствовать противъ главныхъ силъ Спарты оборонительно, пожертвовать аттическою областью и отстаиваться за стѣнами. Ради этой цѣли Аѳины и прилегавшій къ нимъ портъ (Пирей) были обнесены обширными укрѣпленіями, противъ которыхъ неумѣлые въ крѣпостной войнѣ спартанцы были безсильны. Господствуя на морѣ, Периклъ имѣлъ въ виду, съ своей стороны, тревожить Спарту нападеніями во всѣхъ слабыхъ пунктахъ ея области и союза. Онъ не надѣялся на скорый успѣхъ, но *разсчитывалъ въ концѣ концовъ одолѣть, благодаря значительнымъ денежнымъ средствамъ*. Одинъ запасный фондъ былъ мало-помалу доведенъ до 6.000 талантовъ (около 10 мил. золотыхъ рублей) — по тогдашнему времени сумма громадная.

Три раза вспыхивала въ управленіе Перикла война съ спартанцами. Въ первый разъ она прошла довольно

выгодно для аѳинянъ, но они принуждены быѣли закончить ее пятилѣтнимъ перемиріемъ (451), потому что разбросали свои силы, стали поддерживать возстаніе противъ персовъ въ Египтѣ и потерпѣли тамъ неудачу. Второе столкновеніе было, наоборотъ, въ пользу спартанцевъ: появился зловѣщій для Аѳинъ признакъ — возстали союзные города на Эвбеѣ, и спартанцы, благодаря этому, сильно стѣснили аѳинянъ. Въ 445 г. удалось однако заключить перемиріе на 30 лѣтъ. Периклъ воспользовался перерывомъ, чтобы поправить дѣла въ союзѣ. Въ 440 г. онъ подавилъ возстаніе на островѣ Самосѣ. Въ тридцатыхъ годахъ собралось опять столько горючаго матеріала, что война должна была возобновиться еще до истеченія срока тридцатилѣтняго перемирія. Повсюду сталкивались интересы противниковъ. Соединивъ подъ своею властью греческій востокъ, аѳиняне начали обращаться на западъ и завязывать сношенія въ Сициліи и южной Италіи, гдѣ до тѣхъ поръ преобладало дорическое племя. Аѳиняне поддерживали ахейскіе и іонійскіе города въ Сициліи противъ дорическихъ Сиракузъ, основали колонію Ѳуріи въ Великой Греціи, а главное — приняли подъ свое покровительство коринѳскую колонію Коркиру у иллирійскаго берега, которая давно уже сбросила власть метрополіи и въ концѣ тридцатыхъ годовъ вступила съ ней въ открытую войну. Съ другой стороны, коринѳяне вызвали возстаніе союзной аѳинянамъ Потидеи во Ѳракіи. На перешейкѣ Мегара примыкала то къ Спартѣ, то къ Аѳинамъ, а въ Бэотіи началась война между Платеей, которая придерживалась Аѳинъ, и Ѳивами, стоявшими на сторонѣ Спарты.

Въ 431 г. произошелъ разрывъ между главными государствами: началась пагубная пелопоннесская война.

Война до Никіева мира.

Военныя дѣйствія пошли согласно плану Перикла: спартанцы ежегодно вступали въ Аттику, опустошали страну и загоняли ея населеніе въ городъ; аѳиняне дѣлали высадки по берегамъ Пелопоннеса. Исполненіе плана оказалось однако очень тягостнымъ для аѳинянъ: среди скучившагося въ Аѳинахъ и размѣщеннаго кое-какъ населенія началась чума, которая уносила тысячи жертвъ;

въ городѣ господствовалъ страхъ и распущенность отчаянія; роптали, что Периклъ безъ пользы губитъ множество людей, которымъ лучше было бы умереть въ сраженіи. Враги Перикла воспользовались этимъ неудовольствіемъ. Его ненавидѣли какъ аристократы, такъ и нѣкоторые члены демократической партіи, завидовавшіе его вліянію. Уже нѣсколько разъ противъ его друзей возбуждали нелѣпыя обвиненія: философъ Анаксагоръ бѣжалъ изъ Аѳинъ; Фидій самъ наложилъ на себя руку въ тюрьмѣ. Наконецъ, рѣшились выступить противъ самого Перикла. Его обвинили въ казнокрадствѣ, и судъ приговорилъ его къ большому штрафу. Вскорѣ послѣ этого позорнаго рѣшенія народъ одумался. Перикла вновь избрали въ стратеги, но ему уже не суждено было продолжать начатое дѣло: въ 429 г. его сразила чума.

Руководство демократіей перешло, главнымъ образомъ, къ Клеону, человѣку грубому и постоянно подстрекавшему къ насилію. *Своими рѣчами и предложеніями въ собраніи и совѣтѣ онъ возбуждалъ народъ противъ полководцевъ.* Онъ постоянно доказывалъ, что война ведется недостаточно энергично. Подъ его вліяніемъ взносы съ союзниковъ были удвоены, на самихъ горожанъ наложена подать.

Скоро появились опять признаки, что на союзниковъ разсчитывать нельзя: возсталъ важный островъ Лесбосъ. Когда бунтъ былъ подавленъ, Клеонъ потребовалъ, чтобы перерѣзали все мужское населеніе, и добился было своего; только на другой день умѣренной партіи удалось выхлопотать, чтобы казнили лишь 1000 человѣкъ.

Въ 425 г. на долю аѳинянъ выпала удача: одинъ изъ ихъ стратеговъ, Демосѳенъ, занялъ Пилосъ въ Мессеніи, а это сейчасъ же отозвалось бунтами мессенцевъ и гелотовъ. Спартанцы еще ухудшили дѣло, пославъ отрядъ на островъ Сфактерію, у входа въ Пилосскую гавань. Аѳиняне разбили пелопоннесскій флотъ и отрѣзали спартанскій отрядъ; затѣмъ, такъ какъ Клеонъ утверждалъ, что стратеги затягиваютъ дѣло, что съ запертыми спартанцами давно

можно было бы покончить, народъ отправилъ его самого на Сфактерію. Спартанцы къ этому времени были доведены до послѣдней крайности, и остатки ихъ, дѣйствительно, сдались Клеону. Взято было всего 120 человѣкъ, но они принадлежали къ самымъ вліятельнымъ спартанскимъ семьямъ, и аѳиняне держали ихъ, какъ заложниковъ. Спартанцы принуждены были прекратить набѣги на Аттику и ограничились посылкой полководца Брасида во Ѳракію. Брасидъ оказался замѣчательнымъ воиномъ. Онъ поднялъ многіе ѳракійскіе города противъ Аѳинъ и взялъ ихъ главный опорный пунктъ — Амфиполь. Противъ него отправился Клеонъ, который послѣ сфактерійской удачи вообразилъ себя настоящимъ полководцемъ. Брасидъ разбилъ аѳинское войско, но въ битвѣ и онъ, и Клеонъ пали. Неудача спартанцевъ при Сфактеріи, съ одной стороны, разстройство аѳинской власти во Ѳракіи, съ другой, склонили обѣ стороны къ замиренію. *Въ 421 г. былъ заключенъ Никіевъ миръ на условіи возвращенія къ положенію, въ которомъ находились обѣ стороны до войны.*

Алкивіадъ и сицилійскій походъ.

Но миръ этотъ былъ очень непроченъ. При возвращеніи занятыхъ противниками городовъ обѣ стороны старались обмануть другъ друга. Особенно обострились отношенія, когда въ Аѳинахъ послѣ Клеона любимцемъ народа сдѣлался Алкивіадъ. Онъ былъ молодъ, красивъ, необыкновенно талантливъ, но не имѣлъ никакихъ убѣжденій и выше всего ставилъ выгоду и славу собственной личности. Онъ мечталъ о блестящихъ побѣдахъ и потому подбивалъ аѳинскій народъ возобновить войну. Для начала онъ въ самомъ Пелопоннесѣ возстановилъ противъ спартанцевъ Аргосъ и нѣкоторыя аркадскія общины. Спартанцы разбили возставшихъ, но эта неудача не остановила Алкивіада отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Онъ уговорилъ аѳинянъ затѣять рискованный походъ противъ Сиракузъ, разсчитывая этимъ начать завоеваніе запада.

Попытка эта совершенно противорѣчила плану Перикла, который предостерегалъ отъ слишкомъ дальнихъ предпріятій. Замыселъ былъ однако очень привлекателенъ для аѳинянъ, не любившихъ дѣйствовать слишкомъ осторожно и медленно. Они снарядили большое войско и флотъ и назначили Алкивіада начальникомъ экспедиціи (415). Передъ самымъ отплытіемъ случилось дѣло, которое сразу охладило ихъ воинственный пылъ. Въ темную ночь неизвѣстные злоумышленники перебили статуи Гермеса, стоявшія на перекресткахъ улицъ. Народъ взволновался: такое святотатство казалось дурнымъ предзнаменованіемъ и обличало присутствіе въ средѣ гражданъ людей беззаконныхъ и невѣрующихъ. Началось слѣдствіе, и стали, между прочимъ, высказывать подозрѣнія на самого Алкивіада, извѣстнаго своимъ вольнодумствомъ. Его однако отпустили вмѣстѣ съ экспедиціей, но по его отплытіи многочисленные враги и завистники повели противъ него дѣло такъ искусно, что за нимъ была послана тріера съ приказаніемъ сложить командованіе и вернуться на судъ въ Аѳины. Алкивіадъ не подчинился приказанію и бѣжалъ въ Спарту.

Въ его отсутствіи сицилійская экспедиція пошла плохо. Въ Сиракузахъ сопротивленіе было организовано спартанцемъ Гилиппомъ. Сообщенія съ Аѳинами были затруднительны. Туземное населеніе внутри страны сочувствовало аѳинянамъ, но они не успѣли воспользоваться, какъ слѣдуетъ, его помощью. Между стратегами — осторожнымъ Никіемъ, неохотно принявшимъ участіе въ походѣ, и предпріимчивымъ Демосѳеномъ — не было согласія. Дѣло кончилось полнымъ крушеніемъ. Сиракузянамъ удалось преградить аѳинскому флоту выходъ изъ гавани въ море. Сухопутное войско сдѣлало попытку отступить внутрь страны, но вслѣдствіе суевѣрія Никія, испугавшагося луннаго затменія, отступленіе было предпринято слишкомъ поздно — когда сиракузяне уже успѣли занять горныя ущелья на пути. Послѣ цѣлаго ряда изнурительныхъ

битвъ и маршей аѳинское войско сдалось Гилиппу. Съ плѣнными поступили чрезвычайно жестоко: большая часть была загнана въ каменоломни, гдѣ и погибла отъ лишеній и болѣзней, а нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ полководцевъ, казнили (413). Аѳины потеряли въ этомъ несчастномъ походѣ 10 000 однихъ гоплитовъ, не говоря о легковооруженныхъ и матросахъ. А въ то же самое время Спарта воспользовалась совѣтами Алкивіада и начинала рѣшительныя дѣйствія. Пелопоннесцы заняли Декелею въ Аттикѣ, укрѣпились тамъ и не оставляли въ покоѣ населенія, которое принуждено было искать безопасности за аѳинскими стѣнами. Затѣмъ *они заключили союзъ съ персами, чтобы получить отъ нихъ то, чего до сихъ поръ недоставало имъ, — деньги и корабли.*

Перевороты въ Аѳинахъ.

Народъ въ Аѳинахъ палъ духомъ. Аристократическая партія, которая казалась совсѣмъ уничтоженной, подняла голову. Вездѣ говорили, что вина въ плохомъ веденіи дѣлъ падаетъ на демократію: масса народа не имѣетъ достаточной подготовки, чтобы управлять государствомъ; она поддается вліянію льстивыхъ и безчестныхъ демаговъ[1]), которые подстрекаютъ ее къ опрометчивымъ рѣшеніямъ. *Отчаяніе аѳинянъ было такъ велико, что въ 411 году они почти безъ сопротивленія поддались олигархическому заговору.* Народное собраніе само отреклось отъ демократіи и передало власть въ руки комиссіи, которая должна была выработать новое устройство. Совѣтъ 500 было распущенъ, а вмѣсто него составленъ совѣтъ 400, сосредоточившій всѣ дѣла въ своихъ рукахъ. Число гражданъ, имѣвшихъ право участвовать въ народномъ собраніи, было ограничено, 5.000 наиболѣе достаточныхъ, да и тѣхъ не созывали. Всѣмъ управляло нѣсколько человѣкъ олигарховъ (Писандръ, Фринихъ, Антифонъ,

[1]) Вожаки народа.

Ѳераменъ). Непріятныхъ людей казнили или просто убивали.

Такой порядокъ долго держаться не могъ. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ олигарховъ свергло сухопутное войско, а флотъ, стоявшій у острова Самоса, съ самаго начала отказался повиноваться ихъ приказаніямъ, выбралъ собственныхъ стратеговъ и пригласилъ Алкивіада. Возвращеніе послѣдняго было ознаменовано нѣсколькими побѣдами надъ пелопоннесскимъ флотомъ. Уже въ 410 году демократія была вполнѣ возстановлена въ Аѳинахъ, и Алкивіада съ тріумфомъ встрѣтили въ городѣ. *Но достаточно было одной военной неудачи, чтобы опять совершенно испортить настроеніе аѳинянъ и лишить ихъ благоразумія.* Въ отсутствіе Алкивіада начальствовавшій вмѣсто него полководецъ потерпѣлъ пораженіе: аѳиняне разгнѣвались на самого Алкивіада, и онъ долженъ былъ вторично бѣжать.

Конецъ войны.

Послѣ этого дѣла пошли все хуже и хуже. Союзники, много натерпѣвшіеся отъ Аѳинъ, отставали одинъ за другимъ; пелопоннесскій флотъ, во главѣ котораго стоялъ искусный полководецъ Лисандръ, сильно тѣснилъ аѳинскія суда; малоазіатскій сатрапъ Киръ Младшій ревностно поддерживалъ спартанцевъ, въ надеждѣ такимъ путемъ вернуть потерянное въ персидскихъ войнахъ. Еще разъ улыбнулось аѳинянамъ счастье, но они очень дурно имъ воспользовались. На выручку отряда, запертаго пелопоннесцами у Лесбоса, былъ посланъ снаряженный изъ послѣднихъ средствъ флотъ, который разбилъ непріятеля въ сраженіи при Аргинузскихъ островахъ (406). Казалось, слѣдовало радоваться такому успѣху. Но стратеги не успѣли похоронить убитыхъ и подобрать раненыхъ на разбитыхъ тріерахъ, такъ какъ спѣшили къ Лесбосу, а оставленныя именно для этихъ цѣлей суда не исполнили порученія вслѣдствіе поднявшейся бури. Народъ былъ

сильно раздраженъ противъ стратеговъ: непочтеніе къ мертвымъ было въ его глазахъ еще болѣе тяжкой виной, чѣмъ невниманіе къ раненымъ. Родственники убитыхъ требовали мести, такъ какъ души оставшихся безъ погребенія должны были, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, блуждать близъ входа въ подземное царство. *Подъ вліяніемъ религіознаго негодованія народъ дѣйствовалъ до крайности несправедливо.* Въ дѣлѣ стратеговъ всѣ законныя формы были нарушены, противорѣчіе отдѣльныхъ членовъ народнаго собранія и, между прочимъ, предсѣдательствовавшаго въ немъ Сократа было устранено насиліемъ, и стратеги осуждены на казнь. Народъ одумался, когда полководцы были уже казнены.

Исходъ аргинузскаго дѣла показывалъ, что аѳинская демократія совершенно разстроена изнурительной войной. Ей вообще было трудно самой руководить военными предпріятіями, а между тѣмъ она не могла и не хотѣла никому довѣрить руководство. При этихъ условіяхъ стратеги дѣйствовали вяло, неохотно и несогласно. Въ 405 г. Лисандръ застигъ аѳинянъ врасплохъ у мѣстечка Эгоспотамосъ, на берегу Геллеспонта, и разбилъ ихъ на голову, а въ 404 г. онъ голодомъ вынудилъ къ сдачѣ и самый городъ. Условія мира были тяжелы: распущеніе союза, срытіе стѣнъ, выдача флота, за исключеніемъ 16 тріеръ. Такой исходъ войны объясняется не только неудачей рискованнаго сицилійскаго предпріятія, вмѣшательствомъ персовъ, измѣной дурно расположенныхъ къ Аѳинамъ союзниковъ, военною выдержкою спартанцевъ: несомнѣнное вліяніе имѣло *постоянное вмѣшательство въ дѣла демократическаго собранія*, мало пригоднаго для руководства военными дѣйствіями, и *нравственный упадокъ*, быстро наступившій въ малочисленномъ классѣ гражданъ послѣ необыкновеннаго умственнаго и нравственнаго возвышенія.

Глава IX.

Преобладаніе Спарты и Ѳивъ.

Спарта и Персія.

Пелопоннесская война навсегда уничтожила если не живучесть, то могущество Аѳинъ. Чѣмъ ниже онѣ пали, тѣмъ болѣе выдвинулась Спарта. У нея болѣе не было соперниковъ въ Греціи. Всѣ греческія государства признали ея гегемонію, и повсюду она учредила или укрѣпила олигархическое управленіе. Въ Аѳинахъ власть попала въ руки такъ называемыхъ тридцати тирановъ съ Критіемъ и Ѳераменомъ во главѣ; въ другихъ важнѣйшихъ городахъ прежняго аѳинскаго союза были учреждены *декархіи*, правленія десяти. Вездѣ начались казни, преслѣдованія, конфискаціи[1]) имущества. Спартанскіе гарнизоны и спартанскіе гармосты поддерживали порядокъ. Но была ли способна Спарта руководить дѣлами греческаго міра? У нея хватило силы разрушить аѳинское государство, но предстояла болѣе трудная задача — создать свое собственное. А между тѣмъ *война страшно изнурила этотъ городъ*. Число полноправныхъ гражданъ уменьшилось до какихъ-нибудь двухъ тысячъ семействъ, которыя ревниво оберегали свои преимущества и ничего не дѣлали, чтобы пополнить свои ряды и поднять благосостояніе другихъ классовъ общества. *Въ сношеніяхъ съ городами проявлялась только дерзкая сила:* слово спартіата признавалось закономъ, даже если онъ былъ частный человѣкъ, безъ всякой должности или порученія.

Получивъ наслѣдство Аѳинъ, Спарта принуждена была принять на себя и продолженіе ихъ восточной политики. Конецъ пелопоннесской войны сблизилъ ее съ малоазіатскимъ сатрапомъ Киромъ Младшимъ, безъ помощи котораго едва ли удалось бы справиться съ аѳинскимъ флотомъ. Опираясь на спартанцевъ, Киръ набралъ значительный отрядъ греческихъ наемниковъ и рѣшился на смѣлое дѣло. Онъ возсталъ противъ своего брата

[1]) Отобраніе въ казну.

Артаксеркса и двинулся вглубь Азіи отнимать у него царство. Вблизи Вавилона, при Кунаксѣ, произошло сраженіе, въ которомъ Киръ былъ убитъ. Его войско сразу распалось, и греки, побѣдившіе на своемъ крылѣ, оказались одни. Въ довершеніе опасности персидскій полководецъ Тиссафернъ подъ предлогомъ переговоровъ заманилъ греческихъ начальниковъ въ засаду и перерѣзалъ ихъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи греки еще разъ блестящимъ образомъ доказали несравненное превосходство своего военнаго строя надъ азіатскимъ. Черезъ всю переднюю Азію, отъ Вавилона до Трапезунта на Черномъ морѣ, прошли они, пролагая себѣ путь среди малоизвѣстныхъ странъ и враждебныхъ племенъ и постоянно отбиваясь отъ насѣдавшаго на нихъ персидскаго войска (401 г.). Одинъ изъ ихъ вождей аѳинянинъ Ксенофонтъ описалъ этотъ подвигъ „десяти тысячъ“ въ своемъ Анабасисѣ (Отступленіе).

Побѣда Артаксеркса надъ Киромъ, преслѣдованіе греческихъ наемниковъ, нападенія персовъ на малоазіатское прибрежье поставили персидскаго царя лицомъ къ лицу со спартанцами. Послѣдніе выслали царя Агесилая въ Азію, и онъ оказался достойнымъ продолжателемъ Кимона. Онъ одержалъ надъ персами рядъ побѣдъ, возстановилъ греческое господство вдоль берега и приготовлялся уже двинуться внутрь страны. Но персы нашли средство остановить его: въ тылу у него, въ самой Греціи, они устроили союзъ враждебныхъ Спартѣ городовъ и оказали имъ дѣятельную поддержку деньгами и флотомъ.

Возстановленіе самостоятельности городовъ.

Тотчасъ послѣ окончанія пелепоннесской войны началась въ греческихъ городахъ сначала глухая, а затѣмъ открытая борьба противъ Спарты. Ѳивы, до тѣхъ поръ постоянно державшія ея сторону, испугались за свою независимость и дали убѣжище покинувшимъ Аѳины демократамъ. Уже въ 403 г. эти изгнанники подъ начальствомъ Ѳрасибула вторглись въ Аттику, гдѣ тридцать тирановъ свирѣпствовали съ постоянно возраставшей жестокостью. Такъ какъ между самими олигархами начались раздоры и приверженецъ крайнихъ мѣръ Критій погубилъ вождя болѣе умѣренныхъ Ѳерамена, то Ѳраси-

булъ и его товарищи безъ особеннаго труда справились съ тиранами и возстановили въ Аѳинахъ демократію. Спартанцы не сочли нужнымъ вмѣшаться, потому что хотѣли избѣжать новой войны въ Греціи; но эта неожиданная уступчивость только ободрила ихъ противниковъ, и въ 395 году въ союзъ съ персами противъ нихъ вступили Аѳины, Ѳивы, Аргосъ и даже Коринѳъ. Спарта была спасена Агесилаемъ, но ея гармостовъ и друзей — олигарховъ прогнали отовсюду; ея флотъ былъ разбитъ персами, которыми руководилъ одинъ изъ аѳинскихъ стратеговъ пелопоннесской войны — Кононъ, а на перешейкѣ близъ Коринѳа затянулась утомительная война, въ которой успѣхи одерживала то одна, то другая сторона. Спартанцы сочли себя счастливыми, когда при этихъ условіяхъ имъ удалось добиться такъ называемаго Анталкидова мира (387): *всѣ греческія городскія общины были объявлены самостоятельными, греческія колоніи въ Азіи уступлены персидскому царю; новый порядокъ поставленъ подъ охрану Спарты и покровительство великаго царя.* Результатъ семнадцатилѣтняго спартанскаго господства получился неслыханно-позорный: *побѣдителями изъ греческихъ войнъ вышли персы.* Они почти безъ бою добились того, чего не достигли Дарій и Ксерксъ при напряженіи всѣхъ силъ: восточныя колоніи были возвращены въ составъ царства, а въ европейской Греціи признано если не господство, то преобладаніе персовъ.

И все-таки спартанцы считали этотъ миръ выгоднымъ, потому что онъ давалъ имъ возможность вмѣшиваться въ дѣла городовъ подъ предлогомъ поддержки чьей-нибудь самостоятельности. Въ 382 г. они измѣной захватили крѣпость Кадмею въ Ѳивахъ, устроили въ городѣ излюбленную олигархію и считали, что имъ удалось избавиться отъ опаснаго противника, который помѣшалъ имъ воспользоваться въ полной мѣрѣ послѣдствіями пелопоннесской войны; но какъ разъ это новое насиліе сдѣлалось для нихъ источникомъ великихъ бѣдствій.

Какъ Ѳивы послѣ взятія Аѳинъ приняли Ѳрасибула и его товарищей, такъ Аѳины теперь дали убѣжище изгнаннымъ изъ Ѳивъ патріотамъ. Въ 379 г. Пелопидъ и еще нѣсколько ѳиванскихъ изгнанниковъ пробрались домой. Переодѣвшись танцовщицами, они проникли въ домъ, гдѣ пировали олигархи, и убили ихъ. Спартанскій гарнизонъ сдалъ Кадмею подъ условіемъ свободнаго пропуска въ Спарту. Аѳиняне воспользовались неудачей своихъ враговъ, чтобы устроить второй союзъ, къ которому они привлекли важнѣйшіе острова Эгейскаго моря. Но пока спартанцы сохраняли свое первенство на сушѣ, всѣ попытки стряхнуть ихъ гегемонію имѣли весьма непрочные результаты. Ѳиванцамъ удалось разрушить славу непобѣдимости спартанскихъ гоплитовъ. Въ 371 г. при Левктрахъ, въ Бэотіи, ѳиванское войско подъ предводительствомъ Эпаминонда разбило на голову спартанскую армію, несмотря на ея численный перевѣсъ. Это было событіемъ необыкновенной важности. *Оказалось, что распадавшаяся и вымиравшая гражданская община Спарты не въ состояніи была поддерживать на прежней высотѣ выправку и численность своей фаланги.* А ѳиванцы, храбрые и сильные, какъ всѣ греки, но ничѣмъ инымъ не отличавшіеся, имѣли въ своемъ Эпаминондѣ полководца, который сумѣлъ усовершенствовать боевой строй фаланги. Онъ усилилъ ее для наступательнаго удара тѣмъ, что увеличилъ число рядовъ одного ея крыла, которое шло впередъ, между тѣмъ какъ болѣе слабое крыло нѣсколько отставало.

Пораженіе спартанцевъ было началомъ ѳиванскаго преобладанія. Нѣсколько разъ дѣлалъ Эпаминондъ походы въ самый Пелопоннесъ, и только военное искусство Агесилая помѣшало ему взять Спарту. Въ 362 г. произошло второе генеральное сраженіе между ѳиванцами и спартанцами при Мантинеѣ, въ Аркадіи. Эпаминондъ былъ смертельно раненъ во время битвы, но спартанцы были опять разбиты. *Результатами походовъ Эпаминонда было*

освобожденіе Мессеніи, образованіе союза аркадскихъ городовъ и окончательное уничтоженіе могущества Спарты. Но вмѣстѣ съ Эпаминондомъ ѳиванцы потеряли главное условіе своихъ успѣховъ. Причиной ихъ побѣдъ былъ временный подъемъ духа и случайный талантъ предводителя. Руководить Греціей имъ было еще менѣе подъ силу, чѣмъ Спартѣ.

Глава X.

Македонская монархія.

Филиппъ Македонскій.

Ѳиванцы не обратили достаточнаго вниманія на образованіе въ сѣверной Греціи новой силы, которая угрожала безопасности всего полуострова. Во время пелопоннесской войны македонскій народъ, смѣсь иллирійскихъ и ѳракійскихъ варваровъ съ греками, началъ выходить изъ состоянія дикости и вмѣшиваться въ греческія дѣла. Пастушескій бытъ, господствовавшій въ горахъ Македоніи, сталъ мало-по-малу уступать мѣсто земледѣлію; значительное культурное вліяніе оказывали греческіе города на Халкидійскомъ полуостровѣ. Управляли Македоніей наслѣдственные цари изъ греческой династіи, которая вела свой родъ отъ аргосскихъ Гераклидовъ. Но власть царей была незначительна; имъ приходилось бороться съ непослушными вождями отдѣльныхъ областей, да и въ самомъ царскомъ домѣ постоянно происходили раздоры. Новая эпоха наступила для Македоніи съ 359 г., когда царемъ сдѣлался сынъ Аминта II Филиппъ. Онъ получилъ хорошее греческое образованіе въ Ѳивахъ, гдѣ, по преданію, жилъ заложникомъ въ домѣ Эпаминонда. Отношенія между эллинскими городами и ихъ слабости были ему хорошо извѣстны; онъ внимательно присмотрѣлся къ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ въ военномъ дѣлѣ. Главное, онъ обладалъ хитростью и цѣпкою волею, ко-

торая, несмотря на проволочки и неудачи, никогда не сбивалась съ пути къ разъ намѣченной цѣли.

Въ Македоніи Филиппъ быстро одолѣлъ всѣхъ своихъ противниковъ и прочно укрѣпилъ власть. *Онъ много сдѣлалъ для того, чтобы поднять благосостояніе и образованіе населенія, но главная забота его была обращена на подготовку первоклассной арміи.* Въ рукахъ македонскаго царя греческій строй не могъ быть гражданскимъ ополченіемъ: Филиппъ завелъ постоянное войско, набирая добровольцевъ изъ воинственной македонской молодежи. Уже греческіе наемники показали, до какого боевого совершенства могутъ достигнуть солдаты-спеціалисты[1]). Филиппъ развилъ далѣе мысль Эпаминонда и преобразовалъ фалангу: чтобы довести до величайшей степени силу этой сплошной и тяжелой массы, *онъ строилъ ее глубокимъ четыреугольникомъ*, при чемъ число стоящихъ другъ за другомъ рядовъ иногда умножалось до двадцати пяти; а вооружилъ онъ людей длинными пиками (сариссы) вмѣсто короткаго копья, такъ что получался густой лѣсъ пикъ, который невозможно было разбить съ фронта. Слабыми мѣстами фаланги были тылъ и бока; затѣмъ она была неповоротлива и могла двигаться только по ровной мѣстности. Для содѣйствія ей и пополненія ея Филиппъ обратилъ большое вниманіе не улучшеніе конницы и легкой пѣхоты.

Греки дали ему время устроить свое государство и войско. Аѳиняне прежде другихъ почувствовали измѣненіе, совершившееся на сѣверѣ. Они показали свою живучесть, быстро поправившись послѣ пелопоннесской войны. Въ пятидесятыхъ годахъ IV вѣка ихъ финансы были въ блестящемъ состояніи, несмотря на то, что острова Эгейскаго моря отложились отъ союза. *Но въ городѣ господствовало малодушное настроеніе, мало похожее на гражданскую доблесть V вѣка.* Народъ выше всего ста-

[1]) Спеціалистъ — человѣкъ, который всецѣло посвящаетъ себя одному какому-нибудь дѣлу.

вилъ матеріальное благосостояніе и удовольствія. Образованъ былъ, какъ при Периклѣ, постоянный государственный фондъ, но то былъ запасъ не на военныя надобности, а для покрытія расходовъ на празднества, и народъ враждебно относился ко всякой попыткѣ употребить часть этихъ денегъ на другія цѣли.

Пользуясь борьбой аѳинянъ съ островами, Филиппъ захватилъ большую часть союзныхъ съ ними городовъ ѳракійскаго прибрежья (Амфиполь, Потидею и др.) Затѣмъ ему представился случай вмѣшаться въ дѣла Ѳессаліи и средней Греціи. Фокейцы ограбили дельфійскій храмъ и, благодаря его сокровищамъ, образовали значительную военную силу, съ которой не могъ справиться никто изъ сосѣдей. Когда фокейцы вторглись въ Ѳессалію, большая часть ѳессалійцевъ призвала на помощь Филиппа, который сначала также дѣйствовалъ неудачно, но въ концѣ концовъ добился своего и нанесъ Фокейскому войску рѣшительное пораженіе. Онъ уже приготовлялся пройти черезъ Ѳермопильскій проходъ въ Фокиду, но тутъ аѳиняне оказали ему неожиданное и рѣшительное сопротивленіе. Они наскоро выслали флотъ, который и помѣшалъ царю занять Ѳермопилы. Отвѣтомъ Филиппа было нападеніе на главный оплотъ аѳинскаго вліянія во Ѳракіи — могущественный Олинѳъ. Тѣ же аѳиняне, которые такъ энергично загородили дорогу въ среднюю Грецію, плохо поддержали Олинѳъ. Величайшій ораторъ Греціи Демосѳенъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы разъяснить своимъ согражданамъ, какое страшное бѣдствіе имъ грозитъ, какъ непослѣдовательностью, случайностью своихъ дѣйствій они уступаютъ позицію за позиціей коварному врагу, который не дремлетъ ни минуты, пользуется всякой ошибкой. Народное собраніе то слушалось Демосѳена, то отклонялось въ сторону подъ вліяніемъ его противниковъ — талантливаго, но подкупленнаго македонянами Эсхина и безукоризненно честнаго Фокіона, считавшаго городъ неспособнымъ сопротивляться Филиппу. Олинѳу помогали, но не энергично, и онъ палъ послѣ храбраго сопротивленія. Вскорѣ послѣ этого Филиппу удалось сдѣлать еще болѣе важный ходъ въ игрѣ. Успокоивъ аѳинянъ заключеніемъ съ ними мира, онъ стянулъ войска и прошелъ черезъ Ѳермопилы. Благовиднымъ поводомъ къ этому послужило

вмѣшательство въ священную войну изъ-за Дельфъ, которая все еще тянулась между ѳиванцами и фокейцами. Обладая проходомъ, онъ могъ вступить въ среднюю Грецію, когда ему будетъ удобно и угодно. Нѣсколько лѣтъ прошло въ приготовленіяхъ и дипломатическихъ дѣйствіяхъ. Когда Филиппъ принялся за покореніе послѣднихъ находившихся въ союзѣ съ Аѳинами сѣверныхъ городовъ и потерпѣлъ неудачу, онъ опять вмѣшался въ среднегреческія распри и опять подъ благовиднымъ предлогомъ заступничества за Дельфы — на этотъ разъ противъ локровъ.

Борьба съ Аѳинами.

Энергіи Демосѳена удалось, наконецъ, убѣдить аѳинянъ и ѳиванцевъ въ необходимости забыть вражду и соединиться противъ общаго непріятеля. Но было уже поздно. Несмотря на отчаянную храбрость союзниковъ, ихъ гражданскія ополченія не выдержали борьбы съ закаленными въ постоянныхъ войнахъ солдатами Филиппа. При Херонеѣ, въ Бэотіи, онъ одержалъ полную побѣду (338). Но онъ воспользовался ею очень мягко. *Вмѣсто того, чтобы наказывать и притѣснять, онъ поставилъ себѣ новую, великую цѣль, которая была намѣчена греческой исторіей и должна была примирить грековъ съ утратой самостоятельности:* на съѣздѣ посланцевъ отъ греческихъ городовъ въ Коринѳѣ онъ предложилъ начать походъ противъ Персіи. Города согласились выставить вспомогательные отряды и выбрали македонскаго царя начальникомъ общаго войска. Это былъ послѣдній искусный шагъ Филиппа. Но во время приготовленій къ персидскому походу его убилъ изъ личной мести одинъ изъ его тѣлохранителей (336).

Македонскому царю удалось дѣло, котораго не въ состояніи были исполнить сами греки: *онъ объединилъ Элладу*, хотя и насильно. Поэтому многіе передовые умы примирялись въ Греціи съ первенствомъ царя варваровъ. Аѳинскій ораторъ Исократъ привѣтствовалъ его, какъ освободителя отъ мелкихъ раздоровъ и избраннаго судьбою

вождя въ борьбѣ съ Персіей. Да и то обстоятельство, что Филиппъ стоялъ во главѣ македонскаго государства, было важнымъ признакомъ будущаго: варварское населеніе Македоніи прониклось греческими обычаями, воспитаніемъ, приняло изъ Греціи основы своего военнаго устройства; Македонія не сдѣлалась, правда, вполнѣ эллинской областью, но *она была первымъ эллинистическимъ государствомъ*, т. е. страной варваровъ, принявшей греческую культуру.

Александръ Великій.

Послѣ смерти Филиппа на македонскій престолъ вступилъ его двадцатилѣтній сынъ Александръ. Онъ получилъ греческое образованіе подъ руководствомъ великаго философа Аристотеля и рано обнаружилъ необыкновенныя дарованія. Восемнадцати лѣтъ онъ уже командовалъ цѣлымъ крыломъ македонскаго войска при Херонеѣ и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ побѣдѣ. Александръ былъ проникнутъ всѣми лучшими стремленіями и поученіями греческаго прошлаго: его любимымъ героемъ былъ Ахиллъ, которому досталась ранняя слава и ранняя смерть. Съ другой стороны, онъ чувствовалъ себя прирожденнымъ властителемъ, не признавалъ невозможнаго и привыкъ моментально приводить въ исполненіе свою волю. Спокойствіе было невыносимо и вредно для этой огненной натуры: несравненная быстрота и рѣшительность дѣйствія составляли его жизнь.

Первыя мѣры Александра были направлены къ тому, чтобы обезпечить порядокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Короткій походъ къ Дунаю усмирилъ оракійскихъ варваровъ. Извѣстіе объ убійствѣ Филиппа и распространившійся ложный слухъ о смерти Александра взволновали грековъ. Новый македонскій царь показалъ имъ, что не уступаетъ отцу. Онъ внезапно появился въ Бэотіи, разбилъ возставшихъ и для острастки разрушилъ Ѳивы. Позаботившись о спокойствіи въ тылу, онъ стянулъ маке-

донскія и греческія войска, всего 36.000 человѣкъ, и черезъ Геллеспонтъ переправился въ Азію (334).

Борьба съ персами.

Нѣкоторыя условія похода были благопріятны, а другія невыгодны. *Александръ располагалъ лучшей въ тогдашнемъ мірѣ арміей и шелъ противъ царства, состоявшаго изъ плохо соединенныхъ областей съ ослабѣвшимъ правительствомъ.* Отступленіе десяти тысячъ и походъ Агесилая показали, что могли сдѣлать среди этой рыхлой массы небольшіе греческіе отряды, руководимые искусными полководцами. Но были и затрудненія. Не говоря уже о рискованности похода въ неизвѣданную глубину Азіи, приходилось считаться съ присутствіемъ на персидской службѣ очень значительнаго числа храбрыхъ и хорошо обученныхъ греческихъ войскъ; наемниковъ этихъ было тысячъ тридцать, и ими начальствовалъ, опытный воинъ Мемнонъ. Наконецъ, благодаря пелопоннесской войнѣ и послѣдующимъ событіямъ, персы, т. е. въ сущности финикіяне, опять господствовали на морѣ.

Тѣмъ не менѣе Александръ смѣло пошелъ на Сарды, въ надеждѣ встрѣтиться съ персидскимъ войскомъ въ открытомъ полѣ. Мемнонъ совѣтовалъ персамъ избѣгать сраженія и затянуть македонянъ вглубь страны; персы его не послушали и попробовали защищать переходъ черезъ небольшую, но быструю рѣку Граникъ. Греческіе наемники держались хорошо, но атака македонской конницы разстроила азіатскія войска, и персы потерпѣли полное пораженіе. Александръ пошелъ вдоль берега Малой Азіи, занимая греческія колоніи. Только въ Галикарнассѣ ему было оказано упорное сопротивленіе. Не смущаясь дѣйствіями азіатскаго флота, который отрѣзывалъ ему сообщеніе съ Европой, онъ обошелъ южный берегъ полуострова. Въ углу между Киликіей и сѣверной Сиріей, въ горной мѣстности Аманскаго хребта, онъ встрѣтилъ при Иссѣ главную персидскую армію подъ

начальствомъ самого великаго царя Дарія III, и *громадная разноплеменная толпа разсыпалась передъ македонской фалангой*. Быстро заняли греки Сирію и Финикію. Тиръ защищался отчаянно и на семь мѣсяцевъ задержалъ побѣдителей. Отсюда Александръ двинулся въ Египетъ, который всегда ненавидѣлъ персовъ и тотчасъ подчинялся ихъ врагамъ. Александръ сумѣлъ расположить къ себѣ населеніе тѣмъ, что съ уваженіемъ отнесся къ египетской религіи. Онъ даже предпринялъ походъ чрезъ пустыню, чтобы посѣтить знаменитый храмъ Амона въ Сивахскомъ оазисѣ. Жрецы приняли его торжественно и объявили богомъ, сыномъ солнца. Изъ Египта Александръ двинулся въ Ассирію. При Гавгамелѣ его опять встрѣтила армія Дарія, состоявшая изъ лучшихъ персидскихъ и мидійскихъ войскъ. На этотъ разъ борьба была упорная, и дѣло рѣшилъ лично Александръ, бросившійся на персовъ во главѣ своей конницы. Дарій былъ убитъ во время бѣгства однимъ изъ своихъ сатраповъ, а побѣдитель безпрепятственно занялъ древнія столицы восточныхъ царей — Вавилонъ, Сузу и Персеполь. Въ послѣднемъ городѣ онъ захватилъ несмѣтную казну Дарія.

Восточная монархія Александра.

Этими событіями закончилась (331) борьба съ Персіей, и начинается новый періодъ въ дѣятельности Александра. *Онъ самъ сталъ персидскимъ царемъ и получилъ въ наслѣдство отъ Ахеменидовъ опредѣленныя политическія обязанности и обычаи.* Ради укрѣпленія персидскаго царства онъ предпринялъ походъ къ сѣвернымъ и восточнымъ границамъ тогдашняго образованнаго міра. При постоянной тяжелой борьбѣ съ воинственными туземцами онъ прошелъ до теперешняго Текинскаго оазиса, Бухары и западнаго Туркестана. На мѣстѣ теперешняго Ходжента основалъ онъ «Крайнюю Александрію» — самое дальнее греческое поселеніе въ центральной Азіи. Отсюда онъ повернулъ на югъ и, по примѣру Дарія Гистаспа, двинулся

въ Индію. Въ союзѣ съ однимъ изъ индусскихъ князей онъ разбилъ главнаго изъ пенджабскихъ властителей Пора и прошелъ до пустыни, составляющей водораздѣлъ между Индомъ и Гангомъ. Его намѣреніе было перебраться въ долину Ганга, но войско отказало ему въ повиновеніи: даже для этихъ закаленныхъ во всякихъ битвахъ и приключеніяхъ воиновъ дальнѣйшее движеніе на востокъ казалось немыслимымъ. Несмотря на просьбы царя, солдаты настояли на возвращеніи. Александръ самъ понималъ, что онъ не можетъ вполнѣ подчинить себѣ эти области, и, хотя учредилъ въ Индіи двѣ сатраніи, но оставилъ власть пенджабскимъ князьямъ и удовольствовался признаніемъ своего покровительства. При возвращеніи Александръ построилъ большой флотъ и послалъ его подъ начальствомъ Неарха въ Персидскій заливъ, а самъ пошелъ сухимъ путемъ черезъ Гедрозію (теперь Белуджистанъ). Два мѣсяца шло войско по безводной пустынѣ и едва не погибло отъ жажды. Выходъ въ южную Персію и прибытіе Неархова флота были отпразднованы, какъ избавленіе отъ величайшихъ опасностей многотруднаго похода (325 г.).

Дѣятельность Александра, какъ представителя великой азіатской монархіи, сопровождалась, естественно, глубокимъ измѣненіемъ въ самой постановкѣ его власти, въ отношеніи его къ своимъ государственнымъ задачамъ и къ подданнымъ. Онъ не могъ оставаться попрежнему только близкимъ къ солдатамъ полководцемъ, патріархальнымъ вождемъ Македоніи и выборнымъ предводителемъ грековъ. *Передъ нимъ склонился цѣлый міръ восточныхъ народовъ, привыкшій смотрѣть на своихъ монарховъ, какъ на воплощеніе божественной силы.* Александръ находилъ удовлетвореніе въ этомъ обожаніи: подвиги его были такъ невѣроятны, онъ чувствовалъ себя настолько выше другихъ людей, что восточная оцѣнка его власти казалась ему естественной и правильной. Онъ сталъ при случаѣ надѣвать персидскую одежду и усыпанную драгоцѣнными

камнями тіару «великаго царя», окружилъ себя многочисленнымъ придворнымъ штатомъ, сталъ требовать, чтобы въ торжественныхъ случаяхъ приближавшіеся къ нему падали на колѣни. Во время сѣвернаго похода онъ женился на дочери бактрійскаго князя, а послѣ возвращенія изъ Индіи взялъ, кромѣ того, въ жены дочь Дарія. Всѣ эти порядки глубоко возмущали македонянъ и грековъ, которые ничего подобнаго не знали на родинѣ, смотрѣли на величіе Александра, какъ на дѣло рукъ своихъ, и нисколько не расположены были считать сына Филиппа воплощеніемъ божества. Вокругъ Филотаса, сына самаго заслуженнаго изъ македонскихъ полководцевъ Парменіона, составился заговоръ, который Александръ подавилъ съ большою строгостью. Филотасъ и Парменіонъ поплатились за него жизнью. Другой македонскій вождь, спасшій царя при Граникѣ, Клитъ такъ раздражилъ Александра своими дерзкими словами на одномъ пиру, что тотъ собственноручно закололъ его. Но и помимо такихъ отдѣльныхъ столкновеній, во всей арміи стали проявляться утомленіе постоянными походами и духъ неповиновенія. Дѣло дошло до открытаго возстанія солдатъ, послѣ котораго значительная часть этихъ ветерановъ[1]) была распущена.

Внутренняя политика Александра.

Хотя Александра можно было упрекнуть въ томъ, что онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій и жизнь, но никто не могъ бы ему поставить въ вину бездѣятельность. И по возвращеніи изъ походовъ онъ продолжалъ неустанно работать: одинъ за другимъ возникали въ его воображеніи широкіе планы, и онъ немедленно приступалъ къ ихъ исполненію. *Сліяніе востока и запада, проникновеніе персидской монархіи греческимъ духомъ и порядками составляло теперь его главную и неотступную заботу.* Же-

[1]) Солдаты, прослужившіе долгое время.

нившись на дочери персидскаго царя, онъ устроилъ по этому случаю въ Экбатанѣ необыкновенное празднество — бракъ десяти тысячъ солдатъ своего войска съ азіатскими дѣвушками. Уже въ индійскій походъ его сопровождали персидскіе отряды. Послѣ возвращенія изъ него онъ преобразовалъ всю армію, включивъ въ нее множество рекрутъ изъ азіатскихъ племенъ. На рѣки и судоходство онъ обращалъ не меньше вниманія, чѣмъ вавилонскіе или египетскіе цари: только для него рѣка имѣла большее значеніе, какъ средство сообщенія, чѣмъ какъ оросительный каналъ. Одна изъ главныхъ слабостей прежняго персидскаго царства состояла въ его разрозненности, въ затруднительности сношеній между центромъ и частями; Александръ позаботился о проведеніи дорогъ и объ истребленіи разбойничьихъ племенъ, которыя дѣлали путешествія небезопасными. *Главная же заслуга этого дѣйствительно «великаго» царя состояла въ основаніи цѣлаго ряда городовъ (около 70) по всѣмъ главнымъ путямъ, гдѣ онъ только прошелъ.* И на Нилѣ, и на Сыръ-Дарьѣ, и на Индѣ разсѣялъ онъ свои «Александріи». Изъ нихъ египетская Александрія сдѣлалась міровымъ городомъ, центромъ торговли между Европой, Азіей и Африкой, и, какъ извѣстно, сохранила свое великое значеніе и понынѣ. Многія колоніи Александра погибли, но большая часть сдѣлала свое дѣло. Оставленный среди чуждаго племени гарнизонъ становился опорой торговаго населенія, а это въ свою очередь распространяло греческій языкъ, мастерства, учрежденія, религіозныя идеи. Однимъ словомъ, Александръ сумѣлъ положить начало новой, грекосточной культуры. Но ему не суждено было видѣть ея роста и распространенія: смерть унесла его въ Вавилонѣ въ самый разгаръ приготовленій къ морской экспедиціи вокругъ Аравіи. Ему было тридцать два года (323).

Распаденіе монархіи Александра.

Послѣ смерти Александра начинается между его полководцами *(діадохи)*[1]) долгая, кровавая и безплодная борьба за власть. *Серьезное значеніе эти войны имѣли въ томъ смыслѣ, что въ нихъ выражалась невозможность удержать единство колоссальной монархіи.* Послѣ битвы при Ипсѣ (301) она окончательно распалась на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ.

1. Македонія, гдѣ утвердилось потомство Антигона. Отъ нея находилась въ зависимости и Греція, народы которой однако постоянно волновались и дѣлали попытки устроиться самостоятельно. Прошедшая исторія научила ихъ необходимости дѣйствовать сообща, и потому въ политическихъ движеніяхъ III вѣка играютъ роль не отдѣльные города, а союзы, изъ которыхъ особенно выдвигаются этолійскій въ средней Греціи и ахейскій въ Пелопоннесѣ. Послѣдній стремился сдѣлаться общимъ пелопоннесскимъ союзомъ и привлекъ къ себѣ Коринѳъ и Сикіонъ, но Спарта держалась враждебно и своимъ упрямствомъ много содѣйствовала тому, что македоняне опять пріобрѣли руководящее значеніе въ Греціи. Они сохранили его до покоренія страны римлянами.

2. Азію пріобрѣлъ Селевкъ. Селевкиды наиболѣе близко держались преданій Александровской политики. Имъ принадлежитъ основаніе большого числа городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, особенно Антохія, достигли очень большого значенія. Въ это азіатское царство толпами стремились переселенцы изъ Греціи и Македоніи. Именно здѣсь происходила самая энергическая работа эллинизаціи варваровъ, подчиненія ихъ греческому вліянію. Но монархія Селевкидовъ была слишкомъ громадна, и различныя части ея имѣли мало связи между собою. Въ III вѣкѣ отдѣлилось парѳянское царство, къ востоку отъ Евфрата и до Инда. Въ немъ преобладали пастушескіе народы иранскаго племени, которые въ персидскую эпоху не

[1]) Собственно — преемники.

имѣли особеннаго значенія, а теперь возстановили самостоятельность Ирана. На верхнемъ Евфратѣ образовалось армянское государство; въ Малой Азіи — понтійское царство по Черному морю, пергамское и вѳпнское на западѣ.

3. Египетъ попалъ подъ власть Птоломея. Эллинистическая культура развилась здѣсь съ еще бо́льшимъ блескомъ, чѣмъ въ Азіи, но она сосредоточивалась въ сравнительно немногихъ пунктахъ, особенно въ Александріи. Въ этомъ городѣ скопилось полумилліонное населеніе, въ составъ котораго вошли выходцы почти изъ всѣхъ племенъ извѣстнаго тогда міра. Птоломеи ревностно покровительствовали не только торговлѣ, но искусствамъ и наукамъ. Александрійскій музей, созданный ими, представлялъ и собраніе достопримѣчательностей, и помѣщеніе для знаменитыхъ ученыхъ, и залы, и сады для университетскихъ занятій. При немъ находилась несравненная библіотека съ 700.000 рукописей на всѣхъ языкахъ древняго міра. Вообще въ умственномъ отношеніи Александрія сдѣлалась столицею эллинизма. *Но вліяніе грековъ на народъ было далеко не такъ сильно въ Египтѣ, какъ въ Азіи.* Птоломеямъ нечего строить городовъ — они пользуются уже существующими и вообще *преклоняются передъ религіознымъ и политическимъ прошедшимъ египетскаго народа*; они признавали въ нѣкоторомъ отношеніи его превосходство надъ греческой культурой. Поэтому населеніе страны не просто подчинилось грекамъ, а въ свою очередь оказало на нихъ сильное вліяніе.

Глава XI.

Греческая образованность. Эпоха упадка. (431—146 гг.).

Упадокъ Греціи.

Упадокъ государственной жизни Греціи начинается съ пелопоннесской войны, въ которой руководящіе города взаимно подорвали другъ друга. Достигнувъ великихъ

результатовъ, и аѳиняне, и прочіе греки стали портиться подъ вліяніемъ успѣха. И государство, замкнутое въ предѣлахъ городской общины, и религія, основанная на поклоненіи человѣкообразнымъ божествамъ, распадались. Мыслители и художники этого времени сначала относятся критически къ окружающему ихъ обществу, отмѣчаютъ его недостатки, а затѣмъ дѣлаютъ попытки вывести его на новую дорогу.

Ѳукидидъ.

Особенности и слабыя стороны государственной жизни прекрасно изобразилъ въ своей исторіи пелопонесской войны Ѳукидидъ. Онъ былъ самъ аѳинскимъ стратегомъ, но принужденъ былъ бѣжать изъ родного города послѣ неудачнаго похода противъ Брасида и остальные годы своей жизни посвятилъ наблюденію за ходомъ войны и описанію ея. *Въ противоположность Геродоту, онъ выше всего ставитъ возстановленіе подлинной неискаженной пристрастіемъ и легковѣріемъ истины.* Онъ старается отнестись безпристрастно ко всѣмъ партіямъ и дѣятелямъ, показать различіе интересовъ и точекъ зрѣнія, объяснить ходъ дѣлъ безъ сверхъестественнаго вмѣшательства. Въ его разсказѣ не только характеризуется общій упадокъ нравовъ, но слышится осужденіе такихъ великихъ пороковъ древняго строя, какъ безчеловѣчность по отношенію къ побѣжденнымъ и слабымъ. Тонъ разсказа неизмѣнно серьезный и мѣстами грустный.

Эврипидъ.

Иное положеніе занималъ въ Аѳинахъ послѣдній изъ ихъ великихъ трагиковъ — Эврипидъ. Онъ началъ писать уже до войны, но главная его дѣятельность связана съ упадкомъ аѳинской демократіи во время войны. Эврипидъ не былъ, подобно Ѳукидиду, человѣкомъ съ твердымъ характеромъ, который бы всегда шелъ къ своей цѣли, не поддаваясь соблазну и противорѣчію. *Въ его трагедіяхъ сказываются всѣ колебанія и сомнѣнія тогдашней жизни и не находятъ разрѣшенія.* Въ отличіе отъ Эсхила и Софокла, которые выше всего ставили впечатлѣніе цѣлаго,

Эврипидъ употребилъ свой большой талантъ на яркое изображеніе отдѣльныхъ характеровъ, положеній и чувствъ. Никто не достигъ такихъ эффектовъ въ смыслѣ внушенія зрителямъ ужаса и жалости; но Эврипидъ не сообщалъ зрителямъ того художественнаго и нравственнаго удовлетворенія, которыми разрѣшались драмы его предшественниковъ. Онъ особенно любилъ представлять борьбу чувствъ и побужденій въ душѣ своихъ героевъ и вводилъ иногда длинные споры по поводу какихъ-нибудь трудныхъ политическихъ вопросовъ. Мучительная борьба души, головоломныя загадки ума часто такъ и оставались безъ разрѣшенія. Оттого Эврипидъ сталъ прибѣгать къ искусственнымъ развязкамъ — ко вмѣшательству какого-нибудь бога, который устранялъ затрудненія. Въ общемъ трагедіи Эврипида до крайности возбуждали зрителей, раздражали ихъ интересъ, увлекали искусствомъ поэтическаго изображенія, но отпускали ихъ смущенными и недоумѣвающими по поводу боговъ, законовъ, нравственности и правды.

Аристофанъ.

До насъ дошли блестящія комедіи другого современника пелопонесской войны Аристофана. Греческая комедія развилась сначала у дорянъ, но лучшіе свои плоды дала опять-таки въ Аѳинахъ. Тамъ она выработалась въ нѣчто совершенно непохожее на нашу бытовую комедію, изображающую типы и нравы ежедневной жизни. Аристофанъ пользуется пороками и глупостями окружающаго общества, но строитъ изъ нихъ фантастическія каррикатуры, не стѣсняясь ради шутки самыми невѣроятными выдумками: въ комедіи „Всадники“, напр., дѣло идетъ о томъ, что рабъ господина Демоса Клеонъ лестью и низкопоклонствомъ отбиваетъ у другихъ рабовъ милость хозяина; тѣ подговариваютъ нѣкоего колбасника, который вступаетъ въ состязаніе съ Клеономъ изъ-за благорасположенія господина и оказывается еще хитрѣе и льстивѣе, чѣмъ Клеонъ. Подконецъ колбасникъ оригинальнымъ способомъ возвращаетъ Демосу молодость и доблесть, которыми онъ отличался при Мараѳонѣ, — именно, вываривaетъ его въ котлѣ. Въ „Осахъ“ старый, полупомѣшанный геліастъ, во что бы то ни стало, стремится на судебное засѣданіе, и сынъ его, желая удержать его дома, устраиваетъ процессъ виновной собаки. *Сильно достается отъ Аристофана аѳинской демократіи, ея*

легковѣрію, легкомыслію, самомнѣнію, хотя поэтъ и не въ состояніи рекомендовать лучшаго порядка.

Софисты и Сократъ.

Серьезнымъ признакомъ того, что дѣла шли неладно, было появленіе такъ называемыхъ софистовъ, спеціальныхъ учителей мудрости, которые за деньги брались научить пониманію міра и умѣнью пользоваться жизнью. Между ними были замѣчательные мыслители, напр., Протагоръ, и они оказали большое вліяніе на философію, обративъ ее отъ разсужденій о строеніи вселенной къ изученію человѣка. *„Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей" было основнымъ началомъ софистики.* Общее ея вліяніе было пагубно: софисты стали изучать отдѣльнаго человѣка, чтобы показать, что для него убѣдительно только свидѣтельство его собственныхъ чувствъ и обязателенъ только его собственный интересъ; *значитъ, они не признавали ни общей правды, ни общей нравственности.* Искусство жить съ другими сводилось на умѣнье обмануть другихъ, напр., представить слабаго сильнымъ. Алкивіадъ, Критій прилагали на практикѣ уроки софистики. Противъ нея возсталъ Сократъ. Повинуясь внутреннему «божественному» голосу онъ на всѣхъ перекресткахъ и въ разговорѣ съ людьми всѣхъ состояній и занятій сталъ распространять другой способъ изученія человѣка. Онъ безпощадно разрушалъ общія мѣста, которыя люди повторяютъ по привычкѣ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что говорятъ. *Но зато онъ энергично настаивалъ на возможности точнаго, обязательнаго для всѣхъ знанія и выводилъ изъ него правила нравственности и мудрости.* Точно также Сократъ постоянно показывалъ, что *истинное благо человѣка состоитъ не въ удовлетвореніи своихъ случайныхъ желаній и капризовъ, а въ жизни сообразно съ истиной.* Такая жизнь дѣлаетъ человѣка свободнымъ: онъ перестаетъ быть рабомъ своихъ желаній, возвышается надъ соблазнами и страхомъ. И Сократъ на дѣлѣ доказалъ, что ученіе его управляло

всѣми его поступками: онъ не искалъ никакихъ выгодъ, не смущался бѣдностью и репутаціей чуть не помѣшаннаго чудака. Онъ поплатился жизнью за свою проповѣдь. Его обвинили въ томъ, что онъ подрываетъ вѣру въ боговъ. Обвиненіе было ложное, потому что Сократъ почиталъ боговъ своей родины; но онъ не думалъ извиняться передъ геліастами за свое смѣлое изслѣдованіе всѣхъ возможныхъ вопросовъ; напротивъ, онъ требовалъ себѣ даже награды за то, что будитъ въ гражданахъ мысль и не даетъ городу опуститься до лѣниваго самодовольства. Аѳинскіе присяжные были оскорблены странной непочтительностью такой защиты и приговорили великаго праведника къ смерти (399). Составленная Платономъ отъ лица Сократа «Апологія» (защитительная рѣчь) свидѣтельствуетъ о свободномъ и ясномъ духѣ, для котораго не существуетъ мелкихъ побужденій страха или себялюбія, который всецѣло преданъ истинѣ и общей пользѣ. Дѣло Сократа продолжали величайшіе философы древности — Платонъ и Аристотель.

Платонъ.

Сократъ излагалъ свои взгляды въ разговорахъ и не дѣлалъ никакихъ попытокъ записать или обнародовать ихъ. Философскую теорію вывелъ изъ нихъ Платонъ. Въ память учителя онъ изложилъ свои сочиненія въ формѣ художественныхъ діалоговъ (разговоровъ) и главнымъ собесѣдникомъ повсюду вывелъ Сократа. Въ противоположность софистамъ, которые считали взгляды людей случайными и постоянно измѣнчивыми, а истину неуловимой, *Платонъ въ мысли человѣческой, въ ея законахъ и идеяхъ видитъ отраженіе вѣчной истины, основы міра.* Его ученіе поэтому стало крайнимъ идеализмомъ — дѣйствительность въ немъ отступала на второй планъ передъ идеей. Платонъ обсудилъ всѣ задачи философіи и, между прочимъ, коснулся устройства отношеній между людьми. Изъ всѣхъ возможныхъ порядковъ государственной жизни наиболѣе безтолковымъ и вреднымъ казался ему порядокъ демократическій, который онъ считалъ господствомъ своенравной и невѣжественной толпы. Со свойственной ему смѣлостью онъ придумалъ другое госу-

дарство, въ которомъ правили бы философы, наслѣдственная каста[1]) воиновъ охраняла бы порядокъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, а все остальное населеніе посвящало бы себя промышленнымъ занятіямъ для прокормленія себя и двухъ высшихъ классовъ; въ средѣ философовъ и воиновъ уничтожалась семья и имущество — всѣ жили для государства и подъ постояннымъ вліяніемъ государства.

Аристотель.

Ученикомъ, но не послѣдователемъ Платона былъ другой великій философъ древности Аристотель. Раздѣляя взгляды сократовской школы относительно значенія знанія *онъ понималъ его, не какъ поэтическое откровеніе, а какъ результатъ точнаго изученія и изслѣдованія дѣйствительности. Онъ сдѣлался родоначальникомъ научнаго реализма, какъ Платонъ — идеализма.* Неустанно работалъ онъ надъ собираніемъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія — по изученію человѣческой души и нравственности, по физикѣ, метеорологіи, зоологіи и т. п. Факты онъ собиралъ не ради празднаго любопытства и обремененія памяти, а для того, чтобы обобщить ихъ и построить на нихъ философскую систему. Подобно Платону, онъ также изучалъ государство. Онъ тщательно описалъ устройство 158 греческихъ общинъ и варварскихъ народовъ. Его «Политика» далека отъ преувеличеній и фантазій платоновской «Республики». Аристотель осторожно устанавливаетъ классификацію государственныхъ формъ, т.-е. возможные виды государственнаго устройства, показываетъ, какъ каждый изъ трехъ основныхъ видовъ — монархія, олигархія, демократія — можетъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ лучшимъ порядкомъ, и какъ каждый, съ другой стороны, можетъ выродиться и сдѣлаться источникомъ злоупотребленій. *Политика должна основываться на исторіи и сообразоваться съ различіемъ условій и потребностей въ человѣческихъ обществахъ.* Такимъ образомъ, Аристотель уже выходитъ въ своихъ наблюденіяхъ изъ тѣснаго круга городской республики. Но онъ остается вѣренъ древнему пониманію по другому важному вопросу общественнаго устройства: онъ еще вполнѣ убѣжденъ въ необходимости рабства, потому что, по его мнѣнію, только

[1]) Сословіе, не допускающее въ число своихъ членовъ людей иного происхожденія.

рабскій трудъ можетъ обезпечить меньшинству досугъ, необходимый для усовершенствованія въ духовномъ и политическомъ отношеніи.

Эллинизмъ.

Вслѣдствіе завоеваній македонянъ греческая культура распространяется далеко за свои первоначальные предѣлы, какъ рѣка, которая выходитъ изъ береговъ и разливается по окрестнымъ полямъ. Ею проникаются сѣверъ Балканскаго полуострова, западная Азія, Египетъ. Эта культура, въ отличіе отъ чисто *эллинской* образованности, называется *эллинистической*. Распространяясь вширь, греческая культура во многомъ измѣняется: у нея нѣтъ прежней сосредоточенной силы, оригинальности и чувства мѣры. Рѣзко отражается эта перемѣна въ пластическихъ искусствахъ. Праксителъ, жившій въ первой половинѣ IV вѣка, еще можетъ поспорить съ самимъ Фидіемъ. Онъ старается, главнымъ образомъ, изобразить физическую красоту: онъ установилъ типъ Афродиты своей книдской статуей богини; ему же принадлежитъ чудный Гермесъ, найденный въ Олимпіи. *Но въ его твореніяхъ чувственная сторона уже начинаетъ пріобрѣтать перевѣсъ надъ идеальной.* А позднѣйшіе ваятели (особенно пергамская школа) стремятся изобразить усиліе, движеніе, страстное волненіе. Группа Лаокоона, напр., производитъ впечатлѣніе разнообразіемъ оттѣнковъ душевнаго и физическаго страданія. Мало-по-малу начинаютъ прибѣгать къ увеличенію фигуръ, чтобы подѣйствовать колоссальностью (колоссъ родосскій).

Въ эпоху эллинизма наука сдѣлала успѣхи, о которыхъ и не помышляли аѳинскіе мыслители V вѣка. Эвклидъ положилъ начало геометріи. Гиппархъ выдвинулъ астрономію, сициліецъ Архимедъ механику, Эратосѳенъ географію, Аристархъ филологическую критику (разборъ текста гомеровскихъ поэмъ). *При всемъ томъ чувствовался недостатокъ цѣльности и одушевленія:* спеціалисты углу-

блялись въ свои отдѣльныя области, а добытыя ими знанія не соединялись въ живое цѣлое. Однимъ словомъ, утрачено было единство и равновѣсіе, которыми отличалась жизнь гражданина эпохи процвѣтанія.

Тѣмъ не менѣе результаты были громадны и оставили слѣдъ навсегда. *Созданъ былъ новый міръ эллинистическаго востока, въ которомъ встрѣтились и слились раздѣльныя до тѣхъ поръ народныя теченія.* Ни въ чемъ это смѣшеніе самостоятельныхъ культуръ не сказалось такъ сильно, какъ въ религіи. Греки уже начинали у себя дома перерастать воззрѣнія политеизма. Ихъ лучшіе люди чувствовали и высказывали, что нельзя представлять божество по образу и подобію смертнаго и грѣшнаго человѣка, что единство міра, ясно проглядывающее среди разнообразія явленій, предполагаетъ единство управляющаго ими Творца, что жизнь человѣческой души не матеріальна, не связана неразрывно съ тѣломъ и мыслима при совершенно иныхъ условіяхъ загробнаго существованія. Встрѣча съ персидскимъ дуализмомъ, съ семитическимъ почитаніемъ солнца и съ египетскими представленіями о загробномъ мірѣ вызвала произвольныя и причудливыя соединенія разноплеменныхъ боговъ. Но вслѣдъ за этимъ все сильнѣе стало распространяться убѣжденіе, что *подъ различными именами и признаками человѣчество чтитъ все одно и то же Божество, сила котораго проявляется во всѣхъ явленіяхъ природы.* На этой почвѣ восточный міръ могъ уже подготовиться къ принятію христіанства.

Отдѣлъ Третій.

Римъ.

Глава I.

Географическій очеркъ Италіи.

Страна.

Апеннинскій полуостровъ, на которомъ расположена Италія, замыкается къ сѣверу *Альпійской цѣпью, болѣе затруднительной для прохода, чѣмъ Балканы.* Только на сѣверо-востокѣ и на сѣверо-западѣ открываются какъ бы ворота въ горахъ, черезъ которыя могли проникать пришельцы. *Морской берегъ далеко не такъ сильно расчлененъ и изрѣзанъ бухтами, какъ греческій.* Наиболѣе удобныя бухты образуетъ онъ на юго-западѣ; восточная же сторона окаймлена мелями и болотистыми низинами (мареммы). Устройство поверхности также менѣе благопріятно на востокѣ, такъ какъ Апеннинскій хребетъ, который разсѣкаетъ полуостровъ на двѣ половины, ближе подступаетъ къ восточному берегу и не допускаетъ образованія значительныхъ рѣкъ и долинъ. *Какъ въ Греціи востокъ, такъ въ Италіи западъ былъ главной сценой исторіи.*

Страна раздѣляется на три главныя полосы.

1. Верхняя Италія отъ Альпъ до соединенія полуострова съ материкомъ (на востокѣ границу составляла впадающая въ Адріатическое море рѣчка Рубиконъ). Страна тянется ровною полосою съ запада на востокъ. Главную часть ея составляетъ долина рѣки По; къ ней примыкаетъ лигурское прибрежье на западѣ, венетское на востокѣ.

2. Средняя Италія раздѣляется Апеннинами на двѣ половины: на западѣ открываются долины рѣкъ Арно (Этрурія или Тоскана), Тибра (Лаціумъ), Волтурна (Кампанія). На востокѣ лежатъ горныя мѣстности — Умбрія, Пиценіумъ, Самніумъ.

3. Южная Италія развертывается въ два полуострова: на западномъ лежатъ Луканія и Бруттіумъ, на восточномъ Апулія и Калабрія.

Устройство поверхности напоминаетъ Грецію обиліемъ горныхъ цѣпей, но все-таки страна далеко не въ такой степени, какъ Эллада, осуждена на разрозненность. *Значительныя рѣки и долины на западѣ дѣлаютъ возможнымъ раннее соединеніе народностей въ обширные союзы и государства.*

Выгодному орошенію соотвѣтствуетъ хорошій климатъ и плодородная почва. Большая часть итальянскаго населенія была направлена всѣми этими условіями къ *земледѣлію*, хотя въ горныхъ мѣстностяхъ упорно держалось *скотоводство*. Удобныя условія для развитія *мореплаванія* представляла только южная Италія съ прилегавшей къ ней Сициліей.

Населеніе.

Первоначальное населеніе полуострова принадлежало къ *лигурскому* племени — низкорослому, черноволосому (бѣлой расы). Оно лучше всего сохранилось на сѣверозападѣ полуострова, въ теперешнихъ Савойѣ и Піемонтѣ, и отличалось упорствомъ, трудолюбіемъ, но не дарованіями. Затѣмъ явились *арійскіе* поселенцы, близко родственные грекамъ. Они разбились на нѣсколько вѣтвей. *Япиги* заняли южную часть полуострова и перешли въ Сицилію; изъ всѣхъ италійскихъ племенъ они оказались наименѣе самостоятельными и быстро поддались грекамъ. *Сабельскія* племена умбровъ, марсовъ, сабинянъ, самнитовъ заняли горныя мѣстности восточной половины полуострова. Среди нихъ очень замѣтны черты характера

горцевъ — любовь къ родной мѣстности, привязанность къ старинѣ, доходившая до отсталости, патріархальность и строгость нравовъ. На западной половинѣ помѣстились *латиняне*, которые оказались наиболѣе способнымъ и воспріимчивымъ изъ италійскихъ племенъ. Главнымъ ихъ городомъ былъ Римъ на Тибрѣ.

Кромѣ этихъ народностей, составлявшихъ главную массу населенія, въ теперешней Тосканѣ утвердился загадочный народъ *этруски*, совершенно непохожій на окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ арійцевъ. Можно думать, что этруски были остаткомъ первоначальнаго лигурскаго населенія, достигшимъ высшей культуры. Какъ бы то ни было, въ началѣ италійской исторіи они являются наиболѣе просвѣщеннымъ изъ племенъ полуострова. Они достигли значительнаго совершенства въ архитектурѣ и обработкѣ металловъ; подобно египтянамъ, они обращали большое вниманіе на участь человѣка послѣ смерти и потому особенно заботились о погребальныхъ обрядахъ и устройствѣ достойной могилы. Богопочитаніе ихъ отличалось мрачнымъ и жестокимъ характеромъ; важную роль въ немъ играли человѣческія жертвы.

Объ эллинскихъ колоніяхъ, которыя заслужили въ южной Италіи названіе *Великой Греціи*, было уже сказано. Кромѣ того, въ IV вѣкѣ до Р. Х. въ сѣверной Италіи утвердились *кельтскіе* завоеватели, которые заняли долину По.

Глава II.

Римская культура древнѣйшей эпохи.

Религія.

Мы очень мало знаемъ о древнѣйшемъ бытѣ италійскихъ племенъ, кромѣ римлянъ — главнаго изъ латинскихъ народовъ. Поневолѣ приходится поэтому ограничивать характеристику именно римлянами, на которыхъ

другіе народы латинскаго и сабельскаго племени, повидимому, очень походили.

Римская религія представляетъ божества, подобныя греческимъ. Зевсу соотвѣтствуетъ Юпитеръ, Герѣ — Юнона, Посейдону — Нептунъ, Гадесу — Плутонъ, Аѳинѣ Палладѣ — Минерва, Гермесу — Меркурій, Деметрѣ — Церера, Аресу — Марсъ, Афродитѣ — Венера. Только Аполлонъ и Діонисъ появились у италиковъ позднѣе, уже подъ прямымъ вліяніемъ грековъ. Но отношеніе къ богамъ было очень своеобразно и соотвѣтствовало тому глубокому различію, которое рано выработалось между римлянами и греками. *Эллины, какъ художники, воображали себѣ боговъ со всею опредѣленностью и яркостью живыхъ существъ, римляне думали о богахъ, какъ объ отвлеченныхъ понятіяхъ.* Каждый предметъ и каждое дѣло соединялось въ ихъ умѣ съ дѣятельностью какого-нибудь отдѣльнаго божества. Греки посвящали, напр., перекрестки Гермесу, *который имѣлъ много и другихъ свойствъ*, а римляне создали особаго бога границъ (Terminus). Пахота, удобреніе, тканье были поставлены подъ покровительство особыхъ боговъ. Начало какого-нибудь дѣла, его середина, окончаніе посвящались отдѣльнымъ божествамъ. Между тѣмъ какъ богъ солнца у грековъ сдѣлался прорицателемъ и поэтомъ Аполлономъ, въ Римѣ Янусъ обратился въ символъ начала, открытія. Такіе отвлеченные боги не могли вызвать разсказовъ объ ихъ приключеніяхъ и отношеніяхъ. Римляне первоначально даже не представляли ихъ въ семейномъ родствѣ между собою. Впослѣдствіи подъ вліяніемъ грековъ римская миѳологія приняла нѣсколько болѣе живой видъ, и боги размѣстились по образцу олимпійцевъ. Самая молитва и поклоненіе римлянина имѣли особый оттѣнокъ: *онъ былъ связанъ съ богами опредѣленнымъ договоромъ (religio отъ ligare) и съ мелочною точностью исполнялъ обряды, жертвы, произносилъ формулы*, чтобы этимъ обязать боговъ оказывать ему покровительство. За подроб-

ностями исполненія слѣдили граждане, облеченные жреческимъ достоинствомъ *(pontifices)*. При случаѣ можно было и обмануть бога, воспользовавшись словеснымъ толкованіемъ какого-нибудь обѣта, чисто формальнымъ исполненіемъ обычая: если требовалось, напр., бросить въ Тибръ нѣсколько головъ, чтобы предотвратить наводненіе, то не было надобности бросать непремѣнно людей — маковыя головки отвѣчали тому же назначенію. Особенное вниманіе обращали суевѣрные римляне на предзнаменованія. Гаданія по небеснымъ явленіямъ (затменія, паденія звѣздъ, метеоры и т. п.) и въ Греціи пользовались большимъ уваженіемъ такъ же, какъ и наблюденіе надъ поступками животныхъ (особенно во время кормленія куръ, посвященныхъ богамъ; великое значеніе имѣлъ также полетъ птицъ), но въ Римѣ толкованіе этихъ предзнаменованій было возведено въ цѣлую науку, которой занимались *авгуры* (augures). Ни одного государственнаго дѣла нельзя было начать безъ торжественныхъ справокъ о волѣ боговъ — *аусциій*. Подъ вліяніемъ этрусковъ развился особый видъ этихъ гаданій — по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ (*гаруспиціи* — haruspicia).

Государство.

Государство римлянъ такъ же, какъ у грековъ, представляло первоначально союзъ родовъ.

Если въ древнихъ Аѳинахъ народъ дѣлился на 4 филы, каждая фила на 3 фратріи, а каждая фратрія на 30 родовъ, то въ Римѣ мы наблюдаемъ подобное же распредѣленіе: три трибы, изъ которыхъ каждая распадается на 10 курій, а курія на 10 родовъ. Значитъ, въ Аѳинахъ считали 360 родовъ, а въ Римѣ 300.

Но между этими народами были и глубокія отличія. Всѣ жизненныя отношенія получаютъ въ Римѣ рѣзко опредѣленную форму. Разъ допущено извѣстное правило, изъ него стараются вывести всѣ послѣдствія, хотя бы крайнія и неудобныя. Это замѣтно уже въ порядкѣ *римской семьи: отецъ семейства (pater familias) имѣлъ без-*

условную власть надъ личностью и имуществомъ своихъ дѣтей, могъ продать и казнить ихъ. Власть его прекращалась только со смертью, между тѣмъ какъ у грековъ сынъ вообще находился въ гораздо меньшемъ подчиненіи и при совершеннолѣтіи выходилъ изъ-подъ власти отца. Въ соотвѣтствіи съ этимъ семейнымъ порядкомъ сложилось и государство: между тѣмъ какъ греческій царь былъ только первымъ между равными, *римскій царь пользовался очень значительной властью. Онъ былъ pater familias своего народа и никто не имѣлъ права стѣснять его волю:* какъ жрецъ, военный предводитель и судья, стоялъ онъ во главѣ города. Это не значило однако, что, кромѣ царя, въ государствѣ не было никакихъ самостоятельныхъ учрежденій: «отцы», т. е. старѣйшины родовъ, составляли *сенатъ* изъ 300 членовъ, съ которымъ царь совѣщался о дѣлахъ.

На практикѣ было трудно царю дѣйствовать наперекоръ сенату: обыкновенно они управляли въ согласіи. Послѣ смерти царя власть переходила къ сенату, который избиралъ одного изъ своихъ членовъ замѣстителемъ (interrex), а тотъ уже назначалъ новаго царя.

Въ важнѣйшихъ дѣлахъ иногда обращались къ собранію гражданъ, которые подавали голоса *по куріямъ* (comitia curiata).

Сословія.

Населеніе государства распадалось на двѣ части: на *патриціевъ* (ср. эвпатриды) и *плебеевъ* (ср. демосъ). Въ число первыхъ вошли граждане первоначальной римской общины; вторые составились преимущественно изъ пришельцевъ, привлеченныхъ въ Римъ его рано развившимся благосостояніемъ, а также изъ землевладѣльцевъ и крестьянъ сосѣднихъ округовъ, покоренныхъ патриціанской общиной. Плебеи занимали совершенно *второстепенное положеніе въ государствѣ:* они должны были искать покровительства патриціанскихъ родовъ, зависѣли отъ нихъ въ богослужебномъ и судебномъ отношеніяхъ,

несли тяжелую и менѣе почетную военную службу, не принимали никакого участія въ народныхъ собраніяхъ по куріямъ. Хозяйственное положеніе плебеевъ было также невыгодно. Отдѣльные хозяева получали для обработки чрезвычайно маленькіе клочки земли — всего по два югера[1]) на человѣка. Для хлѣбопашества и скотоводства приходилось, кромѣ того, пользоваться землями, находившимися въ общемъ владѣніи родовъ и государства; а допущеніе къ обработкѣ и выгонамъ на этихъ земляхъ всецѣло зависѣло отъ патриціанскихъ родовъ.

Преданія.

Хотя мы можемъ составить себѣ довольно точное представленіе о культурѣ и государствѣ древнѣйшей эпохи въ Италіи, однако свѣдѣнія о событіяхъ этого времени дошли до насъ только въ скудныхъ преданіяхъ, которыя вдобавокъ были сильно искажены римскими и греческими писателями поздняго времени, собиравшими и сообщавшими ихъ. *Ничего поддбнаго поэтическимъ былинамъ, которыя составились у грековъ во время ихъ передвиженій, римляне не имѣли.* Ихъ разсказы сухи и обыкновенно имѣютъ цѣлью объяснить происхожденіе той или другой черты быта. Они думали, что точно знаютъ, какъ произошелъ ихъ городъ и когда именно.

Легенда, составленная подъ греческимъ вліяніемъ, вела начало народа отъ троянца Энея, бѣжавшаго послѣ разрушенія Трои и высадившагося на берегу Лаціума. Его сынъ основалъ Альбу-Лонгу. Отъ дочери одного изъ албанскихъ царей и бога Марса родилось двое сыновей Ромулъ и Ремъ, которые были заброшены, по приказанію дяди ихъ матери. Ихъ вскормила волчица, воспитали пастухи, и они, когда выросли, отмстили за нанесенную имъ обиду. Затѣмъ они выселились изъ Альбы и построили въ 753 году до Р. Х. новый городъ — Римъ. Ромулъ убилъ брата и сдѣлался первымъ римскимъ царемъ.

[1]) Югеръ = $^1/_4$ десятины.

Вскорѣ къ первоначальному *латинскому* поселенію Ромула на Палатинскомъ холмѣ присоединилось второе, *сабинское*, на Квириналѣ. Преемникомъ Ромула былъ сабинянинъ Нума Помпилій, богобоязненный и мудрый правитель, отъ котораго римляне получили будто бы свои религіозные обычаи и жреческія общества.

Слѣдующимъ царямъ (Туллъ Гостилій, Анкъ Марцій, Тарквиній Старый) приписываются разрушеніе Альбы-Лонги, начало завоеваній въ Лаціумѣ, образованіе первыхъ римскихъ колоній (Collatia), основаніе Остіи, гавани при устьѣ Тибра, первыя крупныя постройки города — форумъ, храмъ Юпитера Капитолійскаго, мостъ черезъ Тиберъ, циркъ для конскихъ состязаній, клоаки для стока нечистотъ.

Глава III.

Борьба патриціевъ съ плебеями.

Реформа Сервія Туллія.

Первымъ достовѣрнымъ событіемъ римской исторіи была реформа, произведенная, по преданію, шестымъ царемъ Сервіемъ Туллліемъ; она стала необходима вслѣдствіе враждебныхъ отношеній между полноправными патриціями и лишенными правъ плебеями. Она соотвѣтствуетъ устройству тимократіи Солономъ. Весь народъ, патриціи и плебеи, былъ подѣленъ на пять классовъ. *Цѣлью образованія этихъ классовъ было распредѣлить воинскую повинность такъ, чтобы она была тяжелье для людей состоятельныхъ и легче для бѣдныхъ.* Люди перваго класса[1]) выходили въ полномъ вооруженіи, со шлемомъ,

[1]) Впослѣдствіи имущество классовъ было разсчитано такъ:

1-й классъ	—	100 000	ассовъ и больше
2-й ,,	—	75 000	,,
3-й ,,	—	50 000	,,
4-й ,,	—	25 000	,,
5-й ,,	—	11 000	,,

Въ началѣ республики ассъ равнялся приблизительно 15 к.

щитомъ, наножниками, панцыремъ, копьемъ и мечемъ; изъ нихъ же набиралась конница. Для остальныхъ классовъ допущено было постепенное облегченіе вооруженія. Бѣднѣйшіе граждане совсѣмъ не зачислялись въ классы и были освобождены отъ военной службы. Распредѣленіе на классы служило основаніемъ и для обложенія податью. Каждые пять лѣтъ совершался *цензъ, т. е. оцѣнка имущественнаго положенія и зачисленіе въ тотъ или другой классъ.*

Такъ же, какъ у Солона, болѣе тяжелымъ обязанностямъ соотвѣтствовали бо́льшія *права; но дѣло шло не о занятіи должностей, а объ участіи въ народномъ собраніи.*

Рядомъ съ патриціанскимъ собраніемъ по куріямъ было учреждено *всенародное собраніе по центуріямъ* (comitia centuriata). Царь и сенатъ задавали ему вопросы, и оно отвѣчало на нихъ „да“ или „нѣтъ“, т. е. принимало или отвергало предложенное постановленіе. *Рѣшеніе собранія опредѣлялось большинствомъ голосовъ, поданныхъ центуріями.* Сначала каждый гражданинъ подавалъ голосъ въ своей центуріи; когда выяснялось, за какое рѣшеніе большинство ея членовъ, голосъ ея подавался въ собраніи.

Наибольшее число центурій получилъ первый классъ. Онъ имѣлъ 98 центурій, изъ которыхъ 18 состояло изъ всадниковъ. Ко второму, третьему и четвертому было причислено по 20 центурій, къ пятому 30. Неимущіе составляли одну центурію, ремесленники 4, такъ что всѣхъ центурій получалось — 193. При такомъ порядкѣ первый классъ имѣлъ громадное преимущество надъ всѣми остальными: онъ располагалъ 98 голосами. Съ него начинали счетъ, и ему было обезпечено большинство, если онъ держался единодушно[1]).

Хотя, такимъ образомъ, преобладаніе въ государствѣ было оставлено за патриціями, тѣмъ не менѣе реформа Сервія Туллія была великимъ переворотомъ: во-первыхъ, она ставила политическое вліяніе въ зависимость уже не отъ принадлежности, къ патриціанскому роду, а отъ

[1]) Для большинства въ собраніи нужно было собрать девяносто семь голосовъ. Когда набиралось это число, прекращали счетъ.

состоятельности. А *состояніе — дѣло измѣнчивое;* нѣкоторые патриціи могли обѣднѣть и потерять право перваго класса, плебеи могли разбогатѣть и пріобрѣсти ихъ. *Во-вторыхъ, и это главное, она такъ или иначе допустила плебеевъ въ народное собраніе.* Этимъ было признано, что, какъ воины и плательщики податей, они также граждане, а не просто зависимые люди (кліенты) патриціевъ.

Отмѣна царской власти.

Тимократическая реформа вызвала сильное неудовольствіе патриціевъ, и, по преданію, они убили ея виновника, царя Сервія Туллія. Съ преемникомъ его Тарквиніемъ Гордымъ патриціи также не могли поладить. Онъ не созывалъ сената. Несмотря на успѣшныя войны съ сосѣдними племенами, онъ сдѣлался ненавистенъ своимъ произволомъ и жестокостью.

Въ 510 году его изгнали, и рѣшено было не назначать болѣе царя. Но такъ какъ царь былъ издревле представителемъ общины передъ богами, то имя его было сохранено за однимъ изъ жрецовъ (rex sacrificulus).

Управленіе республики.

Остальныя права царя были переданы *двумъ консуламъ.* Но въ полномъ объемѣ консулы получали власть только въ походѣ. Въ городѣ и на тысячу шаговъ вокругъ него они потеряли право казнить гражданъ или подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Гражданинъ, которому грозила смерть или палочные удары, обращался къ суду народа въ центуріатныхъ комиціяхъ (lex Valeria de provocatione). Внѣшнимъ знакомъ такого ограниченія консульской власти служило то обстоятельство, что въ чертѣ города служители консуловъ, ликторы, носили только связку прутьевъ (fasces) и только за чертой вкладывали въ нее топоръ. Консуловъ выбирали тѣ же центуріатныя комиціи, а утверждали во власти куріи (lex curiata de imperio). Власть передавалась только на одинъ годъ, по истеченіи котораго выбывшіе изъ

должности могли быть подвергнуты отвѣтственности за свои дѣйствія. Обоимъ консуламъ принадлежала одинаковая власть, и одинъ могъ помѣшать другому дѣйствовать, могъ стать ему на дорогѣ (intercessio).

Въ случаѣ тяжкой опасности для государства, когда требовалось энергичное сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ, сенатъ поручалъ одному изъ консуловъ назначить *диктатора*. Послѣдній получалъ полную власть по образцу прежней царской, но съ опредѣленнымъ порученіемъ и не дольше, какъ на 6 мѣсяцевъ. Онъ самъ избиралъ себѣ помощника — *начальника конницы* (magister equitum). Кромѣ консуловъ, была учреждена еще магистратура *двухъ квесторовъ*. Въ ихъ рукахъ находилась казна государства, хранившаяся въ храмѣ Сатурна.

Отъ раздробленія власти и ея срочности больше всего выигралъ *сенатъ*. Въ него вступали магистраты[1]), отбывшіе съ почетомъ должность. Члены его сохраняли свой санъ до смерти, если не совершали какого-нибудь позорящаго дѣла. *Мнѣнія такой корпораціи имѣли, естественно, громадный вѣсъ:* они направляли дѣятельность магистратовъ и сильно вліяли на народъ, который имѣлъ только право выборовъ и огульнаго принятія или отверженія законовъ. А что касается до сношеній съ иностранными государствами, то эта *внѣшняя политика, распространившая могущество Рима на міръ, во все время республики велась сенатомъ.*

Борьба сословій.

Но первое время послѣ сверженія царской власти дѣла новой республики шли неблагопріятно. Этруски отняли у ней всѣ владѣнія на правомъ берегу Тибра и даже занимали самый Римъ. Съ латинянами пришлось послѣ ожесточенной борьбы заключить союзъ на условіи само-

---

[1]) Магистратомъ римляне называли лицо, получившее власть по выбору народа. Консулы, квесторы были магистратами.

стоятельности латинскихъ городовъ и равноправности ихъ съ Римомъ. *Главное, внутри страны началась ожесточенная борьба сословій.* Вслѣдствіе перехода власти отъ царей къ патриціанскимъ родамъ плебеи попали еще въ бо́льшую зависимость, чѣмъ прежде. Ихъ разоряли постоянные походы, которые патриціи, какъ болѣе достаточные, переносили легче. А между тѣмъ долговое право было такъ же жестоко, какъ въ Аѳинахъ до Солона: не уплатившаго должника кредиторъ бралъ въ *кабалу — могъ сковать и запереть, чтобы онъ не убѣжалъ.* Доведенные до отчаянія плебеи рѣшили въ 494 г. совсѣмъ бросить Римъ и основать новый городъ. Они выселились всей массой на Священную гору, за рѣкой Аніо.

Въ виду такой рѣшимости патриціи принуждены были сдѣлать серьезныя уступки. Они уговорили плебеевъ вернуться и за то *признали особое плебейское общество внутри города.* Во главѣ этого общества стали выборныя должностныя лица — *трибуны* и *эдилы.* Трибуны, которыхъ сначала было два, а скоро стало 10, должны были вступаться за плебеевъ, если ихъ подвергали насилію при наборѣ войска, долговыхъ взысканіяхъ и т. п. (ius auxilii). Личность трибуна была неприкосновенна (sacrosanctus); его заступничество долженъ былъ уважать въ предѣлахъ городской черты даже консулъ. Эдилы были такими же казначеями plebs'a, какъ квесторы казначеями государства. Довѣренныя имъ суммы составлялись изъ штрафовъ, наложенныхъ за проступки противъ plebs'a и хранились въ храмѣ Цереры. Трибунами и эдилами можно было избирать только плебеевъ[1]); выборы были переданы особому *собранію плебса, въ которомъ голоса подавались по трибамъ, т. е. по городскимъ и сельскимъ округамъ*[2]). По тѣмъ же самымъ округамъ собирался

[1]) Впослѣдствіи были учреждены еще такъ называемые курульные эдилы, завѣдывавшіе играми и постройками; эту должность могли занимать и патриціи.

[2]) Число этихъ округовъ мало-по-малу возросло до 35.

plebs, когда его созывали трибуны для совѣщанія и рѣшенія касающихся его дѣлъ (plebiscita). Опираясь на уступленныя плебеямъ права, трибуны стали расширять свое вмѣшательство въ государственную жизнь и скоро добились права останавливать магистратовъ во всякомъ ихъ дѣйствіи и препятствовать рѣшеніямъ сената. Они при этомъ произносили слово «veto» — запрещаю. Собранія трибъ присвоили себѣ судъ надъ всѣми гражданами, провинившимися противъ plebs'a.

Это выдѣленіе плебса и организація его, какъ замкнутой общины, составляетъ очень важный фактъ въ исторіи Рима. Развитіе этого города тутъ начинаетъ значительно расходиться съ развитіемъ Аѳинъ, которое сначала было такъ похоже на римское: въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, демосъ никогда не обособлялся, и сословная борьба не была споромъ между двумя самостоятельными и строго дисциплинированными обществами.

Новое устройство не обезпечивало спокойствія городу: патриціанское и плебейское общество стояли другъ противъ друга и соединялись только для борьбы съ врагами. Да и эта борьба шла плохо вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Случалось, что плебеи отказывались итти въ походъ, и патриціанскіе роды иногда вели войну въ одиночку, на свой страхъ. Въ одной изъ такихъ войнъ погибъ цѣлый родъ Фабіевъ, за исключеніемъ одного ребенка. Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ патриціевъ — Кай Марцій Коріоланъ предложилъ своимъ товарищамъ по сословію отнять у плебеевъ трибунатъ. Онъ подвергся за это осужденію собранія трибъ, бѣжалъ къ врагамъ Рима — вольскамъ и вмѣстѣ съ ними чуть не взялъ городъ. Другой патрицій Спурій Кассій пробовалъ, наоборотъ, устранить раздоръ уравненіемъ патриціевъ и плебеевъ въ пользованіи государственными землями (ager publicus); за это предложеніе патриціи обвинили его въ стремленіи къ единовластію и убили.

Децемвиры и законы XII таблицъ.

Плебейское общество, несмотря на свою крѣпкую боевую организацію, находилось въ невыгодномъ положеніи, потому что богослуженіе и власть въ городской

общинѣ попрежнему принадлежали патриціямъ. По всѣмъ дѣламъ о спорахъ и обидахъ судили патриціанскіе магистраты, и судили по обычаямъ, которые толковали и примѣняли по собственному усмотрѣнію. *Плебеи стали требовать писанныхъ, точныхъ и всѣмъ извѣстныхъ законовъ* (ср. реформу Дракона). Не сразу согласились на это патриціи, но въ 451 г. составлена была, наконецъ, комиссія изъ десяти лицъ (децемвиры), которой поручено было записать и измѣнить право. Чтобы никто не могъ препятствовать ей въ исполненіи порученія, всѣ обыкновенныя должности — консулы, трибуны и др. — были устранены, и правительственная власть всецѣло передана децемвирамъ. Полномочія комиссіи были возобновлены на 450 годъ; и на этотъ разъ въ ея составъ было избрано нѣсколько плебеевъ. Законодательная работа пошла успѣшно. Децемвиры воспользовались не только стародавними обычаями Рима, но также собрали *свѣдѣнія о правѣ* греческихъ городовъ, въ особенности Аѳинъ. Они исправили календарь по образцу аттическаго, измѣнили чеканку монеты, установили основы права семейнаго, имущественнаго, уголовнаго, надзора за благоустройствомъ въ городѣ и поляхъ, надзора за нравами. Составленные законы были записаны на двѣнадцати бронзовыхъ доскахъ или таблицахъ и выставлены на форумѣ. Они сдѣлались основой древняго римскаго права. Но ихъ постановленія не измѣнили по существу приниженнаго положенія плебеевъ: браки, напр., между патриціями и плебеями попрежнему были запрещены; долговое право осталось очень строгимъ, личная кабала не была уничтожена. Патриціи были также недовольны децемвирами. Во главѣ послѣднихъ сталъ Аппій Клавдій, представитель даровитаго, честолюбиваго и своенравнаго дома Клавдіевъ. Получивъ власть, онъ не думалъ выпускать ее изъ рукъ и убѣдилъ товарищей не сдавать своихъ полномочій по истеченіи второго года. Незаконной властью онъ и пользовался незаконно и совершалъ

насилія надъ гражданами. Онъ дошелъ до того, что пытался отнять у одного гражданина Виргинія дочь, утверждая, что она была продана въ рабство. Отецъ, не желая отдавать дочь Аппію, собственноручно убилъ ее на форумѣ, и это неслыханное дѣло послужило сигналомъ къ возстанію. Плебеи опять выступили изъ города на Священную гору. Децемвиры принуждены были покориться. Аппій Клавдій самъ покончилъ съ собою въ тюрьмѣ. Консульство было возстановлено, и выбранные консулы Л. Валерій и М. Горацій устроили новое соглашеніе съ плебеями (leges Valeriae Horatiae). Самымъ существеннымъ изъ его условій было то, что трибы получили право составлять обязательныя для всей общины постановленія, тогда какъ прежде это право имѣли только центуріатныя комиціи[1]). Патриціямъ пришлось вступить въ трибутныя собранія, чтобы получить хотя какое-нибудь вліяніе на рѣшенія этого важнаго учрежденія; такимъ образомъ, *изъ плебейскаго оно стало народнымъ и получило названіе комицій (comitia tributa)*. Опираясь на свое численное превосходство на этихъ собраніяхъ, плебеи получили возможность успѣшно проводить свои требованія. Потому почти тотчасъ прошло разрѣшеніе заключать законные браки между патриціями и плебеями. Затѣмъ поставленъ былъ на очередь вопросъ о допущеніи плебеевъ къ консульству. Патриціи только тѣмъ предотвратили немедленную уступку этой позиціи, что добились учрежденія новой магистратуры — *военныхъ трибуновъ съ консульской властью*[2]) (tribuni militum consulari potestate), которыми могли сдѣлаться и плебеи. Сенату предоставлялось рѣшить, когда народу выбирать консуловъ и когда трибуновъ съ консульской властью. При этомъ отъ консульской власти были отдѣлены *цен-*

[1]) За послѣдними, однако, осталось исключительное право избирать магистратовъ и судить гражданъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ грозила смертная казнь.

[2]) Ихъ было шесть.

зорскія обязанности — составленіе списка гражданъ по классамъ и трибамъ, а также списка сенаторовъ, оцѣнка имущества частныхъ лицъ въ виду несенія повинностей и зачисленія въ классы, управленіе государственными имуществами, наблюденіе за нравами. Цензорами выбирали двоихъ изъ патриціевъ, срокомъ на полтора года. Эта должность пріобрѣла очень большое значеніе, такъ какъ отъ цензора зависѣло допущеніе въ римское гражданство, удаленіе изъ него, пополненіе сената и т. п.

Нашествіе кельтовъ.

Нѣкоторый перерывъ въ сословной борьбѣ вызвали внѣшнія событія. Въ теченіе V вѣка въ Италію стали проникать кельтскія племена, которыя постепенно заняли долину По и сильно стѣснили этрусковъ. Сначала это распространеніе кельтовъ было выгодно для римлянъ, такъ какъ ослабляло этрусковъ. Въ 396 году диктаторъ М. Фурій Камиллъ взялъ послѣ продолжительной осады самый могущественный изъ этрусскихъ городовъ—Вейи. Но рано или поздно надвигавшіеся кельты должны были столкнуться съ римлянами. Это случилось въ 390 году. при рѣчкѣ Алліи римское войско было смято неистовымъ натискомъ кельтовъ. Вслѣдъ затѣмъ варвары заняли самый Римъ, который при этомъ сгорѣлъ. Пришлось откупиться отъ нихъ большой суммой золота.

Исходъ сословной борьбы.

Къ счастью, кельты не могли, да и не думали завоевывать окончательно Этрурію и Лаціумъ. Они ушли съ своей добычей и впослѣдствіи дѣлали набѣги только ради добычи. Римляне скоро оправились, обстроились и вновь принялись за сословную борьбу. *Въ 376 г. трибуны К. Лициній Столонъ и Л. Секстій Латеранъ внесли въ трибутныя комиціи рѣшительныя предложенія, имѣвшія цѣлью улучшить какъ государственное, такъ и хозяйственное положеніе плебсевъ:* 1. впредь должны избираться

не военные трибуны, а консулы, и одинъ изъ нихъ непремѣнно изъ плебеевъ; 2. проценты, уплаченные по долговымъ обязательствамъ, зачисляются въ уплату капитала; 3. никто не имѣетъ права занимать болѣе 500 югеровъ государственной земли и выгонять на государственные выгоны болѣе 100 штукъ рогатаго скота или 500 овецъ. Послѣдняя мѣра была направлена противъ расхищенія патриціями обширныхъ казенныхъ земель. Понятно, что патриціи сопротивлялись изо всѣхъ силъ: назначали диктаторовъ, подговаривали трибуновъ, товарищей Лициніи и Секстія, чтобы они останавливали ихъ предложенія своимъ veto. Но десять лѣтъ подъ рядъ народъ избиралъ въ трибуны Лициніи и Секстія, и десять лѣтъ подъ рядъ они вносили свои проекты въ комиціи. Кончилось тѣмъ, что въ 366 году патриціи прекратили сопротивленіе, выговоривъ только отдѣленіе отъ консульства судебной власти, которая была передана патриціанскому *претору*. Первымъ консуломъ изъ плебеевъ былъ Л. Секстій Латеранъ.

Принятіемъ вышеупомянутыхъ предложеній собственно заканчивалась борьба между сословіями, и недаромъ престарѣлый Камиллъ открылъ въ 366 г. храмъ въ честь «Согласія». Но плебеи все-таки принуждены были добиваться мало-по-малу доступа къ другимъ магистратурамъ и жреческимъ должностямъ. Только мѣста жреца-царя (rex sacrificulus) и еще трехъ жрецовъ главныхъ божествъ (flamines) до конца сохранились за патриціями. Одинъ изъ послѣднихъ ударовъ сословнымъ привилегіямъ патриціевъ былъ нанесенъ цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ, который дѣйствовалъ въ пользу уравненія такъ же энергично и смѣло, какъ его предки дѣйствовали противъ него. *Онъ принялъ въ число гражданъ множество вольноотпущенниковъ, а сенатъ пополнилъ плебеями* (312).

Ходъ и исходъ сословной борьбы одинаково поучительны. *Въ ней сказались вполнѣ упорство и привычка къ дисциплинѣ, свойственныя римлянамъ:* патриціи отстаивали съ напряженіемъ всѣхъ силъ каждую позицію, плебеи отвоевывали ихъ одну за другой, не смущаясь

задержками и пораженіями. Несмотря на тягостное матеріальное положеніе, плебеи настолько дорожатъ своими политическими правами, настолько увѣрены въ томъ, что при ихъ посредствѣ могутъ всего достигнуть, *что не прибѣгаютъ къ возстаніямъ и не поддерживаютъ тиранніи, которая играла такую роль въ Греціи.* Патриціи подозрѣвали въ стремленіи къ тиранніи и погубили нѣсколько выдающихся дѣятелей (Спурій Кассій, Мелій, М. Манлій), но никто изъ послѣднихъ не имѣлъ достаточной поддержки среди народа, чтобы сдѣлаться опаснымъ для республики. *Какъ бы громоотводомъ служилъ въ данномъ случаѣ самый трибунатъ*, въ которомъ плебеи имѣли законное представительство своихъ интересовъ.

Пораженіе патриціата объясняется не только необходимостью такъ или иначе поладить съ массою народа, изъ которой набиралось войско, но также вымираніемъ многихъ патриціанскихъ родовъ и усиленіемъ многихъ плебейскихъ. *Но послѣдствіемъ уравненія сословій въ правахъ было никакъ не господство народной массы, а образованіе новой аристократіи:* этотъ „*нобилитетъ*“ составился изъ членовъ наиболѣе достаточныхъ семействъ, какъ патриціанскихъ, такъ и плебейскихъ, которыя, благодаря своему богатству, имѣли возможность занимать магистратуры безвозмездно, только ради власти и почета, съ ними связанныхъ. Черезъ магистратуры проходили и въ сенатъ. Разъ сложился извѣстный кругъ такихъ магистратскихъ семействъ, члены его стали поддерживать другъ друга и устранять постороннихъ. *Нобилитетъ не былъ однако замкнутымъ, чисто наслѣдственнымъ сословіемъ; онъ основанъ былъ исключительно на замѣщеніи должностей*, къ которымъ иногда проникали предпріимчивые и заслуженные люди изъ низшихъ классовъ (homines novi). Но практическое значеніе его было громадное. Народъ охотно подчинялся его руководству, потому что привыкъ на службѣ въ легіонахъ къ предводительству извѣстныхъ лицъ и семействъ и, кромѣ того, самъ, благодаря комиціямъ, имѣлъ большое вліяніе на правительство. *А образованіе такого правительственнаго класса несомнѣнно содѣйствовало искусному, послѣдовательному, энергическому веденію внѣшнихъ дѣлъ римской республики.*

Глава IV.

Завоеваніе Италіи.

Когда въ половинѣ IV вѣка состоялось, наконецъ, примиреніе сословій, римскій народъ образовался окончательно и получилъ возможность начать наступательныя дѣйствія противъ сосѣдей. Къ этому времени сложилось и его военное устройство. *Главную силу римскаго войска составляла пѣхота легіоновъ, набиравшаяся преимущественно изъ свободныхъ крестьянъ*, жившихъ по деревнямъ вокругъ Рима и сбиравшихся въ городъ только въ рыночные дни и для важныхъ голосованій въ комиціяхъ. Это крестьянское ополченіе не могло поспорить въ атлетической подготовкѣ съ воспитанниками греческихъ гимназій или въ солдатской удали и ловкости съ наемными войсками, которыя появились въ это время по берегамъ Средиземнаго моря; но зато его отличали горячая любовь къ родинѣ, необыкновенная стойкость и выносливость, желѣзная дисциплина и готовность каждаго жертвовать собой для общаго дѣла. Боевой строй значительно разошелся съ греческимъ, хотя пошелъ отъ той же фаланги. Между тѣмъ какъ греки развивали особенности каждаго рода войска массу тяжелой пѣхоты дѣлали все болѣе сплошной и глубокой, а, съ другой стороны, стали обращать большое вниманіе на усовершенствованіе легковооруженной пѣхоты и кавалеріи и даже ввели въ боевой строй слоновъ, — *римляне сосредоточили всѣ усилія на созданіи пѣхоты, годной для дѣйствія во всякой мѣстности и при всѣхъ возможныхъ условіяхъ*. Надо было сдѣлать эту пѣхоту подвижной и самостоятельной въ ея мельчайшихъ частяхъ. Ради этого ее, во-первыхъ, раздѣлили на взводы (манипулы), между которыми оставлены были промежутки. Затѣмъ вся масса была раздѣлена на три линіи—впереди стояли hastati, затѣмъ principes, наконецъ, отборные старые солдаты—triarii. Римскіе полководцы вводили вторую линію

въ бой, только когда первая была обезсилена, а резервъ пускали въ ходъ только при крайней необходимости; это *бережливое и постепенное расходованіе силъ* много содѣйствовало успѣху. Вооружены были легіоны метательными копьями (pilum), которыя они бросали въ непріятеля на близкомъ разстояніи, чтобы затѣмъ дѣйствовать короткимъ мечомъ. Очень важнымъ условіемъ въ римскихъ походахъ было образцовое устройство *лагеря*. Войско всегда располагалось и окапывалось по одному точно опредѣленному плану. Каждый зналъ свое мѣсто и держался его. Въ случаѣ неудачи или значительнаго перевѣса силъ непріятеля такой лагерь становился крѣпостью.

Латиняне и самниты.

Чтобы выяснить себѣ причины быстрыхъ завоеваній Рима, надо имѣть въ виду, кромѣ военныхъ качествъ и устройства римскаго народа, его положеніе въ латинской области. Римъ сдѣлался главнымъ городомъ ея еще при царяхъ. Спурій Кассій заключилъ съ латинянами договоръ, по которому обѣ стороны выставляли въ поле одинаковое число воиновъ; завоеванныя мѣстности раздѣлялись поровну. Предлагалось даже назначать полководцевъ по очереди изъ римлянъ и латинянъ. *Предводительство однако скоро перешло къ Риму, и онъ вообще захватилъ въ свои руки общія дѣла. Латиняне терпѣли это, потому что дѣла эти шли хорошо, и союзъ ихъ сдѣлался главной силой въ средней Италіи.* Послѣ столкновенія съ этрусками и кельтами ему пришлось встрѣтиться съ самнитами, которымъ было тѣсно въ ихъ горахъ. Молодежь ихъ давно уже привыкла уходить на военную службу въ южно-итальянскіе города, въ Сицилію и даже въ Карѳагенъ; этими наемниками вездѣ дорожили за ихъ храбрость. Въ IV вѣкѣ самнитскія общины стали сами расширять свои границы на счетъ сосѣдей и столкнулись съ римлянами въ богатой и плодородной Кампаніи, гдѣ

римляне заступились противъ нихъ за Капую. Уже первая война (343 г.) показала, что съ этимъ противникомъ будетъ трудно справиться. Римляне одержали побѣду въ полѣ, но единственнымъ ея послѣдствіемъ было занятіе Капуи. Самниты также утвердились въ Кампаніи. Хуже всего было то, что упорная война возбудила въ латинянахъ желаніе вновь уравняться съ Римомъ. Они потребовали учрежденія общаго правительства, при чемъ половина сената и одинъ изъ консуловъ должны были избираться изъ латинянъ. Если бы римляне согласились на эти требованія, то вся дальнѣйшая исторія сильно измѣнилась бы: *вмѣсто пріобрѣтенія одной городской общиной господства надъ другими, получилось бы сліяніе нѣсколькихъ общинъ въ федеративное (союзное) государство*; но римляне уже привыкли къ своему первенству и нисколько не расположены были дѣлить его. При Везувіи консулъ Т. Манлій Торкватъ разбилъ латинянъ, и ихъ города вернулись въ подчиненіе.

Быстрое примиреніе объяснялось, между прочимъ, необходимостью стоять заодно противъ самнитовъ, которые не прекращали своихъ захватовъ въ южной Италіи. Къ римлянамъ стали обращаться за помощью греческіе города и племена Луканіи и Апуліи.

Вторая самнитская война.

Вторая война началась крупной неудачей. Самнитскій полководецъ Понцій заманилъ римское войско въ тѣсное Кавдинское ущелье и заперъ ему всѣ выходы (321 г.). Попытка пробиться не привела ни къ чему, и консулы сдались подъ условіемъ, что войско будетъ отпущено въ Римъ и что будетъ заключенъ миръ. Легіоны сложили оружіе и въ знакъ покорности прошли подъ игомъ. Но сенатъ объявилъ, что консулы не имѣли права заключать такой договоръ, выдалъ ихъ самнитамъ, нарушилъ всѣ условія и немедленно выставилъ въ поле войска. Несмотря на то, что къ самнитамъ примкнули этруски,

римляне съ успѣхомъ дѣйствовали противъ разрозненныхъ враговъ. Въ 305 г. они проникли въ самую глубь Самніума и заставили самнитовъ принять миръ. Вторая война отдала во власть римлянъ Кампанію. Цензоръ Аппій Клавдій закрѣпилъ это пріобрѣтеніе устройствомъ прекрасной дороги изъ Рима въ Капую (via Appia), которая давала возможность въ случаѣ надобности быстро двинуть войска на югъ. Понятно, что дорога эта сдѣлалась также важнымъ средствомъ для торговыхъ сношеній. *Это была первая попытка Рима въ проведеніи сѣти дорогъ*; слѣды этой сѣти сохранились до сихъ поръ, и она немало содѣйствовала распространенію римскаго господства и римской культуры.

Третья самнитская война.

Война скоро возгорѣлась вновь. Италійскіе народы начинали сознавать, что Римъ опасенъ для всѣхъ, и потому самнитамъ удалось образовать около себя обширную коалицію[1]), къ которой примкнули этруски, умбрскія племена и даже кельты сѣверной Италіи. Сторону римлянъ держали латиняне и жители южной Италіи, которые болѣе всего боялись самнитовъ. При Сентинумѣ римское войско одержало верхъ, несмотря на отчаянную храбрость самнитовъ и кельтовъ. Побѣду приписывали одному изъ консуловъ П. Децію Мусу, который обрекъ себя въ жертву богамъ преисподней, чтобы добиться ихъ помощи своему народу: его самого убили въ самомъ началѣ сраженія, но зато римляне побѣдили. Это пораженіе разстроило общіе планы союзниковъ; каждый продолжалъ защищаться у себя, и римляне одолѣли всѣхъ поодиночкѣ. Самниты и тутъ оказались наиболѣе опасными противниками и даже нанесли римлянамъ чувствительное пораженіе. Но непоколебимая энергія римлянъ и искусное веденіе дѣлъ сенатомъ взяли, наконецъ, верхъ. *Самнитамъ болѣе всего*

[1]) Союзъ, составленный для веденія войны.

недоставало сосредоточенія силъ — ихъ слабо связанныя области не въ состояніи были бороться съ крѣпко сплоченной римской общиной. Наконецъ, въ 290 г. М. Курій Дентатъ, образцовый римлянинъ, твердый, равнодушный къ удобствамъ жизни, всецѣло преданный государству, подчинилъ Самніумъ римскому владычеству.

Война съ Пирромъ.

Вслѣдъ за средней Италіей наступила очередь южной. Какъ прежде самниты, такъ затѣмъ римляне стали вмѣшиваться въ распри южно-итальянскихъ племенъ и греческихъ городовъ. Богатый Тарентъ, главный торговый центръ на югѣ полуострова, думалъ остановить завоевателей, нанявъ себѣ въ помощь эпирскаго царя Пирра. Это былъ смѣлый и даровитый искатель приключеній; явился онъ на призывъ тарентинцевъ съ большимъ и отличнымъ войскомъ, обученнымъ по всѣмъ правиламъ македонскаго военнаго искусства. Крестьянскому ополченію Рима впервые пришлось встрѣтиться съ арміей эллинскаго Востока, и первое столкновеніе показало, что римляне должны еще многому учиться. Фаланга и слоны Пирра одержали рѣшительную побѣду надъ легіонами (при Гераклеѣ въ 280 г.).

Пирръ считалъ войну поконченною и послалъ въ Римъ своего приближеннаго Кинеаса, который пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе и ловкость, чтобы добиться мира. На рѣшительное засѣданіе въ сенатъ явился престарѣлый, слѣпой Аппій Клавдій, цензоръ 312 г., и громовою рѣчью разрушилъ всѣ хитросплетенія грека. Война возобновилась, и Пирръ опять одержалъ побѣду, но съ такимъ трудомъ и потерями, что признался: «еще такая побѣда — и у меня не останется войска». Главное, ему надоѣло тратить время и силы на безплодную и тяжелую борьбу съ небогатымъ первобытнымъ народомъ. Онъ вдругъ бросился въ Сицилію и провелъ тамъ три года въ постоянныхъ битвахъ съ туземцами и греками. Когда онъ съ

порѣдѣвшимъ войскомъ вернулся въ 275 г. въ Италію, римляне встрѣтили его уже подготовленные: *ихъ пѣхота научилась отгонять слоновъ и пользоваться тяжеловѣсностью фаланги, которой было очень трудно дѣйствовать въ неровныхъ мѣстностяхъ.* При Беневентѣ побѣдитель самнитовъ М. Курій Дентатъ разбилъ Пирра; тотъ немедленно оставилъ Италію и отправился въ Пелопоннесъ доканчивать свою бурную карьеру.

Организація Италіи.

Такимъ образомъ, Римъ постепенно овладѣвалъ всей Италіей къ югу отъ Рубикона. Подобно Спартѣ и Аѳинамъ, онъ не стремился безусловно подчинить покоренныя области. Въ обращеніи съ подчиненными сенатъ держался весьма различной политики. Нѣкоторыя мѣстности прямо становились собственностью народа римскаго; эти *общественныя поля (ager publicus)* раздавались во временное пользованіе отдѣльнымъ римлянамъ (ср. законы Лициніи и Секстія) или сдавались за арендную плату съ торговъ, при чемъ выручка шла государству; наконецъ, на такой конфискованной землѣ учреждались *колоніи*, т. е. поселенія римскихъ гражданъ, которые получали земельные надѣлы и составляли городскія общины, совершенно похожія на Римъ. Такими колоніями занимали преимущественно важные въ военномъ или торговомъ отношеніи пункты покоренныхъ областей, и граждане ихъ сохраняли право подавать голосъ на римскихъ комиціяхъ. Рядомъ съ этимъ стояли *муниципіи*—городскія общины, сами избиравшія своихъ магистратовъ, но не допущенныя къ полному праву римскаго гражданства. Ихъ жители не имѣли голоса въ комиціяхъ (cives sine suffragio) и были подчинены нѣкоторымъ ограниченіямъ относительно торговли. Большая часть латинскихъ городовъ и колоній имѣла муниципальное право. Наконецъ, послѣдній разрядъ составляли *союзники (socii);* къ нимъ принадлежали, напр., самниты. Они сохраняли свое прежнее устройство, но подчинялись

Риму на различныхъ условіяхъ, смотря по заключенному съ ними договору. Они еще болѣе, чѣмъ муниципіи, были стѣснены въ торговомъ отношеніи и совершенно отстранены отъ римскаго гражданства, которое считалось въ то время величайшимъ преимуществомъ. *Общее назначеніе описанной организаціи было раздробить Италію на множество мелкихъ частей и помѣшать этимъ всякому опасному для Рима союзу покоренныхъ народовъ.* Всѣ подвластные города и племена были безусловно подчинены Риму въ сношеніяхъ съ иностранцами, и всѣ обязаны помогать ему на войнѣ.

Глава V.

Завоеваніе Средиземнаго моря.

Карѳагенъ.

Нѣсколько разъ въ теченіе своей исторіи римляне приходили въ соприкосновеніе съ могущественнымъ торговымъ государствомъ, основаннымъ финикіянами въ сѣверной Африкѣ. Карѳагенъ воспользовался упадкомъ Сидона и Тира, чтобы собрать подъ своею властью колоніи этихъ городовъ въ западныхъ моряхъ. При этомъ ему пришлось бороться съ этрусками и, главное, съ греками. Но могущество первыхъ было сокрушено кельтами и Римомъ, вторые стали ослабѣвать вслѣдствіе упадка нравовъ и безпорядка въ управленіи. Поэтому уже въ началѣ III вѣка Карѳагенъ былъ сильнѣйшею морской державой тогдашняго міра[1]). *Всѣмъ заправлялъ въ немъ многочисленный кругъ богатыхъ купцовъ:* главныя должности по суду и финансовому управленію покупались; народное собраніе имѣло второстепенное значеніе. Всѣ силы народа были направлены на торговлю; военное дѣло было

[1]) Карѳагеняне господствовали по сѣверному берегу Африки — къ западу отъ Египта, въ Сардиніи и западной Сициліи. Кромѣ того, у нихъ были колоніи въ Испаніи.

передано наемнымъ арміямъ, составлявшимся чуть не изъ всѣхъ племенъ западной Европы.

Первая пуническая война.

Пріобрѣтеніе греческихъ портовъ въ южной Италіи ставило Римъ лицомъ къ лицу съ Карѳагеномъ. За узкимъ Мессинскимъ проливомъ открывалась хлѣбородная, богатая Сицилія, унизанная карѳагенскими — «пуническими» — поселеніями. Захватъ пролива римлянами сдѣлался поводомъ къ войнѣ (264 г.). Первое время Риму не пришлось существенно измѣнять своего образа дѣйствій. Война велась, какъ продолженіе прежнихъ итальянскихъ походовъ. На сторону римлянъ и противъ Карѳагена, какъ давняго врага, стали греческіе города съ Сиракузами во главѣ. Сицилійскія племена внутри страны также оказывали содѣйствіе, потому что Римъ прекратилъ разбои наемныхъ солдатъ. Карѳагеняне потеряли цѣлый рядъ колоній на островѣ, между прочимъ Акрагасъ, ихъ главный опорный пунктъ на южномъ берегу. Но, несмотря на эти успѣхи, скоро стало выясняться одно условіе, которое требовало перехода на совершенно новую дорогу. Пунійцы господствовали на морѣ, постоянно безпокоили итальянскіе берега и чрезвычайно затрудняли сообщеніе сицилійской арміи съ Римомъ: при какой-нибудь случайной неудачѣ или измѣнѣ она могла оказаться отрѣзанной и погибнуть, подобно сицилійской экспедиціи аѳинянъ.

Римъ принужденъ былъ начать совершенно необычное для него дѣло — изъ континентальной державы превратиться въ морскую. Онъ располагалъ уже флотами греческихъ портовъ, но этого оказывалось недостаточно. Приступлено было къ постройкѣ большихъ боевыхъ кораблей съ пятью рядами гребцовъ (пентеры). Чтобы не терять времени, римскихъ и латинскихъ крестьянъ учили дѣйствовать веслами уже на сушѣ, на устроенныхъ для этого подмосткахъ. Противъ всякаго ожиданія, новому флоту выпалъ на долю успѣхъ: въ 260 г. консулъ Дуплій

разбилъ карѳагенскую эскадру. Побѣдой своей онъ былъ обязанъ, впрочемъ, не ловкости моряковъ, а необычайному для пунійцевъ способу боя: римскіе корабли сцѣплялись съ пуническими, и начинался бой на палубахъ, въ которомъ можно было воспользоваться испытанной римской пѣхотой.

Римляне сами понимали, что ихъ побѣда нисколько не обезпечиваетъ имъ перевѣса на морѣ. Чтобы покончить войну, они рѣшились на рискованное предпріятіе — на высадку войска въ самой Африкѣ. *Расчетъ былъ тотъ, что, если только легіонамъ удастся пробраться до Карѳагена, передъ ними не устоитъ никакая сухопутная армія пунійцевъ.* Снаряжено было 40 000 одной пѣхоты; начальство надъ экспедиціей было поручено Атилію Регулу (256 г.). Карѳагенскій флотъ, пытавшійся задержать высадку, былъ разбитъ. Первыя дѣйствія въ Африкѣ были также вполнѣ успѣшны. Карѳагенская купеческая олигархія оказывалась совершенно неспособной вести эту необычайную войну; но съ другой стороны, и Римъ еще не былъ готовъ для такихъ дальнихъ и продолжительныхъ походовъ. Сразу взять Карѳагенъ было нельзя. *Приходилось оставить армію въ Африкѣ на неопредѣленный срокъ; а это невозможно было сдѣлать безъ разоренія мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ*, съ которыхъ взяты были солдаты легіоновъ. Сенатъ принужденъ былъ вернуть назадъ большую часть войска и оставить Регулу отрядъ только въ 15 000 человѣкъ. Пунійцы между тѣмъ набрали новую армію наемниковъ и поставили ее подъ начальство опытнаго грека, спеціалиста военнаго дѣла Ксантиппа. Римляне были не только разбиты — они очутились на африканскомъ берегу, какъ въ западнѣ. Только жалкіе остатки удалось подобрать на корабли и увезти домой.

Послѣ гибели Регула римляне принуждены были ограничить кругъ своихъ дѣйствій Сициліей. Война разбилась на рядъ осадъ и мелкихъ нападеній по берегамъ острова. Въ общемъ она шла въ пользу римлянъ, хотя флоты ихъ подъ начальствомъ совершенно неопытныхъ въ

морскомъ дѣлѣ консуловъ и преторовъ терпѣли одно крушеніе за другимъ. Морская побѣда консула Лутація Катулла при Эгатскихъ островахъ (241 г.) положила конецъ войнѣ. Обѣ стороны были истощены до крайности: *римляне ничего не въ состояніи были предпринять въ Африкѣ, пунійцы отчаялись въ защитѣ Сициліи.* Рѣшено было, что островъ перейдетъ къ Риму и что Карѳагенъ уплатитъ большую военную контрибуцію.

И тому и другому противнику было немало дѣла у себя дома: Карѳагенъ едва справился съ возстаніемъ наемныхъ войскъ; Римъ принужденъ былъ водворять порядокъ въ сѣверной Италіи, откуда постоянно угрожали безпокойныя галльскія племена. *Пользуясь раздорами кельтовъ, римляне легко овладѣли всей долиной По.* Это завоеваніе имѣло непосредственное значеніе для разореннаго пунической войной мелкаго люда: по предложенію трибуна Фламинія, обѣднѣвшимъ крестьянамъ были розданы земли въ сѣверной Италіи. Для обезпеченія вновь пріобрѣтенныхъ областей были основаны колоніи и проведена къ По военная дорога *(via Flaminia)*. Въ то же время подготовлялась новая борьба между Римомъ и Карѳагеномъ. Римляне заняли Сардинію и Корсику и этимъ сильно подорвали пунійскую торговлю въ западныхъ водахъ Средиземнаго моря. *Зато пуніецъ Гамилькаръ создалъ новое царство для Карѳагена покореніемъ племенъ южной Испаніи.* Этотъ успѣхъ былъ особенно важенъ потому, что иберскія племена Испаніи дали Гамилькару и его сыну Ганнибалу великолѣпныхъ солдатъ. Разрывъ между Римомъ и Карѳагеномъ произошелъ вслѣдствіе того, что Ганнибалъ взялъ союзную римлянамъ греческую колонію Сагунтъ, а карѳагенскій сенатъ поддержалъ своего полководца.

Вторая пуническая война.

Римляне разсчитывали высадиться въ Африкѣ и уже собрали для этого армію въ Сициліи. Но имъ пришлось

сразу почувствовать, что они имѣютъ дѣло уже не съ неумѣлымъ карѳагенскимъ сенатомъ, а съ геніальнымъ полководцемъ: вмѣсто того, чтобы выжидать нападенія въ Испаніи и Африкѣ, Ганнибалъ рѣшился на необычайное дѣло — *пройти сухимъ путемъ изъ южной Испаніи въ сѣверную Италію*, гдѣ онъ надѣялся поднять только что побѣжденныхъ римлянами кельтовъ. Для этого надо было пробиться среди дикихъ и воинственныхъ народовъ Испаніи и Галліи, перейти Пиренейскія горы, Рону и, наконецъ, Альпы. Пуническая армія должна была оторваться отъ всѣхъ сообщеній съ южной Испаніей и Африкой, вступить въ малоизвѣстныя страны съ суровымъ, особенно для южанъ, климатомъ, и разсчитывать единственно на свою непоколебимую силу. Пять мѣсяцевъ шелъ Ганнибалъ отъ Эбро до Турина и при этомъ потерялъ половину своего войска. Особенно ужаснымъ оказался переходъ черезъ Альпы (вѣроятно, черезъ Малый С. Бернардъ): въ сентябрѣ въ горахъ уже началъ падать снѣгъ, слоны и люди летѣли въ пропасти; борьба съ туземными дикарями, которые загораживали тропинки и валили камни на проходившія войска, оказалась кровопролитнѣе правильныхъ сраженій. 20 000 человѣкъ ливійской и иберской пѣхоты, 6000 нумидійской[1]) конницы вывелъ Ганнибалъ въ долину По — повидимому, силу ничтожную по сравненію съ могуществомъ Рима, располагавшаго средствами всей Италіи. Но его невѣроятный походъ сослужилъ ему сразу великую службу: онъ совершенно перепуталъ всѣ соображенія и мѣропріятія римлянъ. *Врагъ оказался въ тылу и, кромѣ того, въ плохо покоренной кельтской области.* Пришлось наскоро поворачивать войска — армію одного изъ консуловъ изъ Сициліи переправлять на сѣверъ. Въ первомъ же столкновеніи при Тицинѣ африканская кавалерія совершенно смяла римскую, и консулъ Публій Корнелій Сципіонъ наскоро отступилъ на соединеніе съ Тиберіемъ

[1]) Нумидія — область сѣверной Африки, населенная воинственными кочевыми племенами.

Семпроніемъ Лонгомъ, который шелъ изъ Сициліи. Составилась большая римская армія. Лонгъ рѣшилъ безъ замедленія напасть. Ганнибалъ сталъ за рѣкой Требіей, такъ что легіонамъ въ сильный холодъ пришлось переходить ее въ бродъ. Римляне были совершенно разбиты. Побѣда при Требіи вызвала отпаденіе отъ Рима кельтскихъ племенъ. Ихъ отрядами Ганнибалъ пополнилъ пробѣлы своего небольшого войска. Между тѣмъ къ нему навстрѣчу подвигалась третья римская армія подъ начальствомъ народнаго любимца Фламинія. Новый консулъ былъ человѣкъ предпріимчивый и даже самонадѣянный, но уроки, данные при Тицинѣ и Требіи, и на него произвели нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ занялъ укрѣпленную позицію противъ карѳагенянъ и не выходилъ въ поле. Между тѣмъ положеніе Ганнибала было таково, *что ему надо было вновь и вновь побѣждать, чтобы держаться:* онъ былъ въ чужой странѣ и не могъ разсчитывать на прочную поддержку непостоянныхъ кельтовъ. Онъ опять рѣшился на дѣло, которое всякій другой счелъ бы невозможнымъ, — прошелъ мимо Фламинія черезъ тосканскія болота. Четыре дня шли его люди по горло въ водѣ, пробираясь между трясинами; появились болѣзни въ войскѣ, самъ Ганнибалъ потерялъ глазъ, но дѣло все-таки было сдѣлано. Пунійцы очутились въ тылу консула, на открытой дорогѣ въ Римъ. Фламиній бросился за ними и при Тразименскомъ озерѣ попалъ въ засаду. Самъ онъ былъ убитъ, а войско его потерпѣло полное пораженіе.

Битва при Каннахъ.

Въ Римѣ взяла верхъ партія, настаивавшая на осторожномъ веденіи войны. Представитель ея Фабій Максимъ былъ назначенъ диктаторомъ и своими распоряженіями заслужилъ прозвище «Кунктатора» (Медлителя). Онъ неуклонно держался одного плана — избѣгать сраженія въ открытомъ полѣ и отстаивать укрѣпленныя мѣста. Такая война была, дѣйствительно, неудобна для Ганнибала,

который со своимъ небольшимъ войскомъ не имѣлъ никакой возможности заниматься осадой городовъ. Его главная надежда теперь была на возстаніе подвластныхъ Риму народовъ. Чтобы поднять это возстаніе, онъ прошелъ въ Апулію. Въ 216 г. римляне дали ему новый случай показать свое превосходство надъ ихъ полководцами. Консулы Теренцій Варронъ и Эмилій Павелъ отступили отъ выжидательнаго образа дѣйствій Кунктатора. Первый изъ нихъ, сынъ мясника, былъ въ ссорѣ со своимъ знатнымъ товарищемъ и хотѣлъ рѣшительнымъ ударомъ добиться славы. Онъ надѣялся на побѣду въ виду того, что римляне были гораздо многочисленнѣе пунійцевъ. При Каннахъ произошло сраженіе. Кельты Ганнибала, стоявшіе въ серединѣ, подались назадъ, но на флангахъ одолѣли иберы и ливійцы, а нумидійская конница заѣхала въ тылъ легіоновъ. Римляне потерпѣли такое пораженіе, какого не испытывали со времени галльскаго погрома: изъ 80 000 спаслась только треть. Казалось, пунійцамъ оставалось только итти на Римъ и закончить кровавую войну взятіемъ города. Но Ганнибалъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. *Тяжелая невзгода только подняла духъ римлянъ, заставила ихъ забыть всѣ личные счеты и раздоры и сомкнуться грудью за родину.* Сенатъ послалъ благодарность Варрону за то, что онъ собралъ остатки войскъ и не отчаялся въ спасеніи отечества. Все мужское населеніе, начиная съ 17-лѣтняго возраста, было призвано къ оружію; изъ рабовъ навербовано два легіона. Сенаторы на свой счетъ снарядили флотъ. Во главѣ войска были поставлены Фабій Кунктаторъ и одинъ изъ героевъ кельтской войны, Клавдій Марцеллъ.

Вторичное завоеваніе Италіи римлянами.

Ганнибалъ прекрасно зналъ свои силы и не сдѣлалъ попытки напасть на Римъ. *Его расчетъ на возстаніе италиковъ какъ будто начиналъ осуществляться:* отъ Рима отпали Сиракузы, Капуя и самниты. Но это отпа-

деніе было особаго свойства: конечно, важно было, что Римъ не могъ болѣе получить помощи изъ возставшихъ противъ него областей и что ему приходилось заботиться объ ихъ покореніи; но Ганнибалъ не въ силахъ былъ возбудить противъ римлянъ новую самнитскую войну, не могъ даже замѣнить свои убывавшія войска этими италиками. Къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Рима его новые союзники, за исключеніемъ кельтовъ, оказывались малоспособными, такъ какъ они все еще не поправились отъ погрома самнитскихъ войнъ, и вяло поддерживали пунійцевъ. Война затягивалась, и римляне успѣли оправиться. Противъ Ганнибала они оборонялись со всей осторожностью, зато поодиночкѣ наказывали его союзниковъ. Уже въ 212 г. Марцеллъ взялъ Сиракузы, въ 211 была покорена Капуя. Для Ганнибала возникалъ роковой вопросъ о поддержкѣ со стороны — собственными силами онъ, очевидно, не въ состояніи былъ одолѣть Римъ. *Карѳагенскій сенатъ все время относился къ борьбѣ почти безучастно, какъ будто она велась не ради Карѳагена.* Кое-какія подкрѣпленія были отправлены только въ Испанію. Зато Ганнибалъ возлагалъ надежды на своего брата Гасдрубала, который велъ упорную борьбу съ римскими войсками въ Испаніи. Дѣйствовавшій тамъ молодой полководецъ Публій Корнелій Сципіонъ побѣдилъ Гасдрубала, но не могъ помѣшать ему уйти въ Италію тою же дорогой, которой раньше прошелъ Ганнибалъ.

Въ Галліи Гасдрубалъ пополнилъ свои иберскія войска новыми наборами и въ 207 г. вступилъ въ Италію. Опасность была крайняя, но римляне искусно воспользовались тѣмъ, что находились въ серединѣ между двумя братьями, и разобщали ихъ. Консулъ, стоявшій противъ Ганнибала въ южной Италіи, Клавдій Неронъ, перехватилъ гонцовъ, посланныхъ извѣстить Ганнибала о прибытіи подмоги. Онъ тотчасъ рѣшился на смѣлый шагъ: тайно ушелъ изъ своего лагеря съ лучшими войсками, форсированнымъ маршемъ прошелъ черезъ Италію и явился на помощь къ

своему товарищу, заграждавшему дорогу Гасдрубалу. *Войско Гасдрубала было уничтожено, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшена была участь Ганнибала.* Еще нѣсколько лѣтъ держался онъ въ Италіи, но около него все суживался кругъ римскихъ силъ. Гдѣ онъ не присутствовалъ самъ, тамъ появлялись и укрѣплялись римляне. Подконецъ пунійское войско было стѣснено въ крайнемъ углу — въ Бруттіумѣ, хотя противники все еще не рѣшались сразиться съ Ганнибаломъ въ открытомъ полѣ.

Война въ Африкѣ.

Смертельный ударъ Ганнибалу былъ нанесенъ со стороны, изъ той же Испаніи, гдѣ составилась его армія. Публій Корнелій Сципіонъ совершенно разрушилъ тамъ карѳагенское господство и выхлопоталъ у сената разрѣшеніе высадиться въ Африкѣ. Популярность молодого полководца была такъ велика, что сенатъ отнесся къ нему даже съ нѣкоторой завистью и предоставилъ въ его распоряженіе только сицилійскія войска, главную часть которыхъ составляли остатки разбитыхъ при Каннахъ легіоновъ. Но Сципіона поддержали добровольцы и добровольныя приношенія и не только изъ Рима, но также изъ колоній и муниципіевъ, оставшихся вѣрными Риму. *Высадка его въ Африкѣ застала карѳагенскій сенатъ врасплохъ, точно такъ же, какъ высадка Регула.* Карѳагеняне не нашли другого средства защиты, какъ вызвать на помощь Ганнибала. Съ горечью въ сердцѣ оставилъ великій полководецъ итальянскую землю, которую прошелъ изъ конца въ конецъ и теперь потерялъ, не понесши ни одного пораженія. Ветераны его большею частью полегли въ походахъ, и когда Ганнибалъ явился въ Африку, то не могъ уже разсчитывать на свои силы. Онъ попытался даже вступить въ переговоры со Сципіономъ, но безуспѣшно. При Замѣ встрѣтились побитые при Каннахъ легіоны со своими прежними побѣдителями. Старые африканскіе и иберскіе солдаты Ганнибала поддержали свою славу и

долго оспаривали успѣхъ битвы. Но вновь набранные люди не могли мѣряться съ римлянами и только помѣшали своимъ. Дѣло кончилось полнымъ пораженіемъ пунійцевъ. Карѳагенъ тотчасъ принялъ миръ, хотя ему были поставлены тяжелыя условія: громадная контрибуція, сдача флота и подчиненіе Риму на правахъ союзнаго города (202 г.).

Вторая пуническая война оказалась поучительной во многихъ отношеніяхъ. *Она ясно показала, что въ великихъ войнахъ рѣшающее значеніе имѣютъ не столько дарованія вождя, сколько духъ и строй народовъ.* Геніальность Ганнибала обнаружилась тѣмъ сильнѣе, что онъ въ сущности одинъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ воевалъ съ Римомъ. Но окончательный исходъ отъ этого не измѣнился: Карѳагенъ оказался не на высотѣ своего положенія, а Римъ проявилъ несокрушимую силу патріотизма и твердости. Поведеніе италійскихъ племенъ также было крайне характерно и важно. Война въ Италіи была тяжелой пробой ихъ настроенія. Живыя, дѣятельныя силы держались Рима; отпавшіе отъ него кельты, самниты, кампанцы, южные италики были уже настолько ослаблены и разрознены римскимъ завоеваніемъ, что не оказали значительной поддержки своему освободителю.

Македонскія войны.

Побѣда надъ Карѳагеномъ сдѣлала римскую республику самымъ сильнымъ государствомъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Какое впечатлѣніе производила сила Рима въ это время, можно видѣть изъ того, что еще до окончательной побѣды надъ Ганнибаломъ, въ самый разгаръ пунической войны, египтяне, въ виду попытокъ македонскаго царя Филиппа III и Селевкида Антіоха III овладѣть Египтомъ, признали Римъ опекуномъ малолѣтняго Птоломея Епифана. *Римъ былъ призванъ, такимъ образомъ, къ вмѣшательству въ дѣла восточно-греческихъ монархій, возникшихъ изъ царства Александра Великаго.* Филиппъ и Антіохъ соединились противъ Рима, но дѣйствовали не единодушно, такъ что удалось сражаться съ ними поодиночкѣ. Въ 196 г. Титъ Квинкцій Фламининъ

нанесъ пораженіе Филиппу при Киноскефалахъ, и въ 190 г. Луцій Сципіонъ, братъ побѣдителя при Замѣ, разбилъ Антіоха при Магнезіи. Побѣжденныя области не были присоединены къ Риму, а вступили съ нимъ въ союзъ, при чемъ, конечно, должны были слѣдовать указаніямъ сената въ важнѣйшихъ вопросахъ, особенно по внѣшней политикѣ. Во всякомъ случаѣ имъ было предоставлено право вѣдать самимъ свои внутреннія дѣла, и Фламининъ могъ поэтому провозгласить Грецію «свободной». *Всѣ побѣды этого времени были одержаны людьми изъ круга Сципіоновъ* (къ нему принадлежалъ и Фламининъ). Стоявшій во главѣ этого круга Публій получилъ прозваніе Африканскаго братъ его Луцій — Азіатскаго. Но преобладаніе ихъ было далеко не безспорное. Необыкновенное возвышеніе дома Корнеліевъ Сципіоновъ возбуждало опасенія и зависть. Римлянамъ стараго закала, приверженцамъ простоты, строгости нравовъ, узкаго эгоистическаго патріотизма, не нравилось дружелюбное отношеніе Сципіоновъ къ иноземцамъ, ихъ преклоненіе передъ греческой образованностью. Особенно выдвинулся борьбой противъ нововведеній, роскоши и иностранныхъ вліяній Маркъ Порцій Катонъ, одинъ изъ самыхъ строгихъ цензоровъ римскаго народа. На время значеніе Сципіоновъ настолько поколебалось, что Луція осудили въ народномъ собраніи по обвиненію въ казнокрадствѣ; самъ Публій съ трудомъ избѣжалъ такого же приговора и совершенно удалился отъ дѣлъ.

Но кружокъ Сципіоновъ трудно было отстранить окончательно: къ нему принадлежали самые способные люди тогдашняго Рима, и безъ ихъ участія дѣла, особенно иностранныя, шли плохо. Въ 168 г., послѣ цѣлаго ряда неудачъ, римляне принуждены были послать въ Македонію противъ Персея, сына Филиппа III, одного изъ видныхъ дѣятелей этого кружка — Эмилія Павла. Онъ быстро покончилъ войну побѣдой при Пиднѣ. Сынъ его былъ усыновленъ Сципіономъ Африканскимъ и получилъ имя

Сципіона Эмиліана. Къ нему обратились въ третьей пунической войнѣ, возгорѣвшейся вслѣдствіе невыносимыхъ придирокъ и притѣсненій римлянъ: сенатъ поддерживалъ противъ Карѳагена нумидійскихъ вождей, а старикъ Катонъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ повторялъ, что Карѳагенъ надо разрушить[1]). Доведенные до крайности карѳагеняне защищались съ храбростью отчаянія, и война шла вначалѣ неудачно для Рима. Но Сципіонъ Эмиліанъ послѣ трехдневнаго боя взялъ и разрушилъ Карѳагенъ (146 г.). Въ этомъ же году римляне подавили возстаніе грековъ, и полководецъ ихъ Муммій сжегъ Коринѳъ.

Провинціи.

Вслѣдствіе этихъ побѣдъ Римъ сдѣлался владыкой всего Средиземнаго моря. Были, правда, народы, не подчиненные ему — часть испанскихъ и галльскихъ племенъ еще сохраняли независимость — но они не имѣли большого значенія въ жизни тогдашняго міра. Были союзныя государства, сохранявшія самоуправленіе — Египетъ, Пергамъ, Нумидія, но ихъ политика должна была сообразоваться съ указаніями сената. *Арядъ важнѣйшихъ областей перешелъ прямо во владѣніе народа римскаго.* Сицилія была его первой *провинціей* внѣ Италіи; затѣмъ присоединились цизальпинская Галлія (т. е. Галлія по сю сторону Альпъ—теперешняя Ломбардія и Піемонтъ), Сардинія съ Корсикой, Испанія, Македонія, Ахея (Греція), Африка (карѳагенскія владѣнія). *Вся почва провинцій признавалась собственностью народа римскаго;* часть земель прямо поступала въ казну или занималась колоніями; на остальныхъ продолжало жить прежнее населеніе, но уже не по праву собственниковъ, а какъ арендаторы, обязанные платить Риму оброкъ (vectigal). Управленіе провинціей всецѣло принадлежало магистратамъ или бывшимъ магистратамъ (проконсулы, пропре-

[1]) Ceterum censeo Carthaginem esse delendam.

торы), посланнымъ туда сенатомъ. *Римскій намѣстникъ, пока онъ находился въ провинціи, былъ полнымъ господиномъ жизни и имущества всего населенія.* По возвращеніи въ Римъ можно было жаловаться на него въ сенатъ или даже возбудить преслѣдованіе въ судѣ за вымогательство (repetundarum, de pecuniis repetundis), но провинціаламъ не легко было добиться правосудія противъ вліятельныхъ римлянъ, и намѣстники обыкновенно сильно злоупотребляли своей громадной властью—грабили народъ и совершали всевозможныя насилія. Нечего и говорить, что пріобрѣтеніе провинцій усилило сенатъ, такъ какъ изъ его членовъ назначались намѣстники.

Но на сенатскую аристократію было наложено одно очень существенное ограниченіе: *лицамъ, которыя занимали должности, запрещено было участвовать въ торговыхъ дѣлахъ.* Сенаторы не могли поэтому ни снаряжать кораблей, ни арендовать обширные участки казенной земли, ни снимать съ торговъ право собирать подати и оброки провинціи. А между тѣмъ вслѣдствіе завоеваній Рима открывались случаи для громадныхъ и чрезвычайно выгодныхъ предпріятій. Торговля въ Средиземномъ морѣ и по его берегамъ оживилась оттого, что римское владычество полагало конецъ войнамъ между прибрежными государствами. Вслѣдствіе завоеванія провинцій быстро возрастало государственное землевладѣніе, постоянно увеличивались взимавшіеся съ провинціаловъ оброки и подати; римскіе цензоры отдавали на откупъ хозяйство въ казенныхъ имѣніяхъ, сборъ податей и оброковъ, и аукціонъ цензоровъ сдѣлался рынкомъ, на которомъ оцѣнивались достатки и распредѣлялись подати почти всего образованнаго міра. На этихъ денежныхъ оборотахъ можно было быстро составить колоссальное богатство, и естественно, что къ нимъ стремились римляне, имѣвшіе нѣкоторое состояніе. Такъ какъ сенаторы и вообще члены должностной знати (нобилитета) были устранены отъ прямого участія въ этихъ оборотахъ, то они старались

обходить законъ, поручая свои капиталы отпущеннымъ на волю рабамъ, которые должны были вести дѣла какъ бы отъ себя. Благодаря этому, вольноотпущенные получили большое значеніе въ городѣ и часто очень наживались. Но, кромѣ того, образовалось цѣлое сословіе людей, которые посвящали себя исключительно денежнымъ предпріятіямъ и крупной торговлѣ; для того, чтобы дѣйствовать вполнѣ свободно, они уклонялись отъ должностей. *Такимъ образомъ рядомъ съ правительственной аристократіей, занимавшей магистратуры и сенатъ, появилась денежная аристократія, ворочавшая капиталами всего міра.* Цензоры записывали этихъ богачей во всадническія центуріи перваго класса, и потому все сословіе стало называться *всадниками* (equites).

Переворотъ въ римскомъ гражданствѣ.

Войны III и II вѣковъ и завоеваніе Средиземнаго моря вызвали еще другія печальныя измѣненія въ бытѣ римскаго народа. *Римъ былъ обязанъ необыкновенными успѣхами своего оружія, главнымъ образомъ, патріотизму и стойкости свободнаго крестьянства.* Несравненная пѣхота легіоновъ составлялась изъ владѣльцевъ мелкихъ участковъ въ какіе-нибудь 7, 10, 15 югеровъ, которые привыкли къ упорному труду на своемъ полѣ, но не стыдились своего труда и скромнаго достатка, а съ гордостью сознавали себя свободными гражданами великаго Рима. Но такія войны, какъ вторая пуническая, или продолжительные походы за море въ Македонію, Сирію, Испанію, подрывали силы и бытъ римскаго крестьянства. Мелкое хозяйство, заброшенное владѣльцемъ, разстраивалось; *самъ владѣлецъ изъ крестьянина обращался въ солдата, привыкалъ искать прокормленія не въ хлѣбопашествѣ, а въ жалованьѣ и добычѣ.*

Правда, послѣ каждаго завоеванія часть нуждающихся гражданъ получала надѣлы въ колоніяхъ, но благодаря

этому, римляне и латиняне переходили мало-по-малу на новыя и дальнія мѣста псселенія, а римская область и Лаціумъ пустѣли. Самъ городъ Римъ привлекалъ массу жителей изъ всѣхъ частей Италіи и изъ провинцій, но толпа, которая все росла въ немъ, отличалась всѣми дурными свойствами черни большихъ городовъ. *Тамъ все увеличивалось число людей, искавшихъ легкой наживы на счетъ государства и богатыхъ*, граждане, торговавшіе своими голосами на выборахъ, искатели приключеній изъ Греціи и съ востока, праздношатающійся людъ, питавшійся даровыми раздачами отъ города и подачками сенаторовъ и всадниковъ, — весь этотъ народъ, конечно, не могъ замѣнить прежняго простого и выдержаннаго крестьянства. Надо прибавить еще одинъ фактъ для довершенія картины: *завоеванія вдругъ увеличили до чрезвычайной степени число рабовъ:* особенно много ихъ нахлынуло изъ Азіи. *Богатые люди покупали ихъ массами и устраивали съ помощью ихъ труда большія хозяйства (latifundia)*; это довершало разореніе мелкихъ крестьянъ. Они не могли посылать на рынокъ такой же хорошій скотъ, какъ ихъ богатые сосѣди, располагавшіе обширными пастбищами и многочисленными пастухами изъ рабовъ; еще труднѣе было воздѣлывать хлѣбъ за такія ничтожныя цѣны, какъ въ хлѣбородной Сициліи или Африкѣ. Поэтому мелкіе владѣльцы стали охотно продавать участки богатымъ людямъ, бросать хозяйство и уходить въ города; тамъ открывалась плохо обезпеченная, но веселая и бездѣльная жизнь *пролетарія*[1]).

Такимъ образомъ, побѣды римскаго народа далеко не улучшили его внутренняго состоянія; напротивъ, замѣчался быстрый упадокъ, противъ котораго трудно было найти подходящія средства.

---

[1]) Человѣкъ, не имѣющій опредѣленныхъ средствъ къ жизни.

Глава VI.

Эпоха гражданскихъ смутъ.

Испанская война.

Вырожденіе Рима стало обнаруживаться не только въ измѣненіяхъ быта и нравовъ, а даже *въ ослабленіи боевой готовности.* Девять лѣтъ (съ 149 г.) тянулась утомительная война съ испанскими племенами, и римляне не только не въ состояніи были покорить ихъ, но сплошь и рядомъ терпѣли позорныя пораженія. Особенно отличался въ этой борьбѣ лузитанецъ Виріатъ, отъ котораго удалось избавиться только при помощи подосланныхъ убійцъ; но и послѣ его смерти твердыня иберовъ Нуманція оказывала непреодолимое сопротивленіе. Въ походѣ противъ нея армія консула Манцина попала въ то же самое положеніе, какъ войско, которое сдалось самнитамъ въ Кавдинскомъ ущельѣ. Его окружили со всѣхъ сторонъ въ горахъ, и его квестору Тиберію Гракху стоило большого труда выхлопотать свободный пропускъ, подъ условіемъ заключенія мира и сдачи всего имущества римской арміи.

Сенатъ поступилъ совершенно такъ же, какъ въ самнитской войнѣ, — не утвердилъ мира и выдалъ Манцина непріятелю. Въ Испанію послали Сципіона Эмиліана, какъ лучшаго полководца республики, и ему, наконецъ, удалось поднять дисциплину римскихъ войскъ и взять Нуманцію. Въ это же самое время было подавлено страшное возстаніе рабовъ въ Сициліи.

Тиберій Гракхъ.

Но гораздо важнѣе этихъ событій были внутреннія реформы того же самаго Тиберія Гракха, который сыгралъ такую важную роль въ войскѣ Манцина. Онъ происходилъ изъ знатнаго плебейскаго рода Семпроніевъ. Отецъ его, консулъ и цензоръ, заслужилъ общее уваженіе своимъ безупречнымъ, строгимъ поведеніемъ, справедливостью и гуманностью. Мать, Корнелія, была дочерью побѣдителя

при Замѣ; она передала сыновьямъ гордость и честолюбіе своего дома — благородное стремленіе отличаться передъ всѣми любовью къ отечеству и заслугами. Тиберій былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ, что римляне его времени недостойны своихъ предковъ и что необходимо бороться противъ зла, пока еще не поздно.

Его планъ реформы окончательно сложился въ то время когда на пути въ Испанію онъ проѣзжалъ по Этруріи и наблюдалъ запустѣлыя поля и рабское населеніе, которое гнѣздилось на нихъ вмѣсто прежняго свободнаго крестьянства. *Съ тѣхъ поръ онъ поставилъ цѣлью своего существованія возродить крестьянскій классъ, истинную основу успѣховъ и величія Рима.*

Въ 133 г. Тиберія выбрали трибуномъ. Онъ внесъ въ комиціи предложеніе аграрнаго закона[1]), который долженъ былъ создать новое сословіе мелкихъ собственниковъ. Государственныя земли въ Италіи были уже расхватаны, и, повидимому, негдѣ было взять полей для новыхъ владѣльцевъ. Но занятіе казенной земли (ager publicus) совершилось незаконнымъ путемъ захватовъ, при которыхъ богатые граждане присвоили себѣ громадные участки. Гракхъ возобновилъ правило законовъ Лицинія и Секстія, что никто не долженъ держать болѣе извѣстнаго числа югеровъ государственной земли; Гракхъ опредѣлилъ это число въ 1000 югеровъ. *Всѣ излишки вернулись обратно въ казну и обращались въ надѣлы для бѣдныхъ гражданъ, по 30 югеровъ въ каждомъ.* Надѣлы эти раздавались за небольшой оброкъ, и ихъ запрещено было продавать, чтобы помѣшать скупкѣ участковъ богатыми. Завѣдываніе всѣми дѣлами по возвращенію и раздачѣ казенныхъ земель было передано *комиссіи изъ трехъ лицъ* (triumvirі agris dandis assignandis), по ежегодному выбору народа. Сенаторы, конечно, болѣе всѣхъ другихъ должны были потерпѣть отъ предложенія Гракха, такъ какъ въ ихъ рукахъ находилась большая часть государственной земли;

[1]) Законъ о владѣніи землей.

притомъ они нисколько не желали, чтобы низшіе классы вдругъ усилились вслѣдствіе увеличенія числа мелкихъ, но независимыхъ собственниковъ. Они подговорили товарища Гракха по трибунату Октавія остановить законопроектъ Гракха своимъ запрещеніемъ (veto). Противъ законности этого запрещенія ничего нельзя было возразить, и Тиберію оставалось только или подчиниться и отложить свой планъ, или же устранить своего противника, во что бы то ни стало. Онъ предпочелъ послѣднее и внесъ второе, неслыханное предложеніе, а именно — поставилъ вопросъ, можетъ ли трибунъ, который дѣйствуетъ противъ желанія народа, сохранять свою должность? Въ день голосованія народъ со всѣхъ сторонъ и въ величайшемъ возбужденіи сбѣжался въ Римъ. Тиберій открылъ голосованіе и, когда семнадцать трибъ[1]) сказали «нѣтъ» (т. е. не можетъ), пріостановилъ подачу голосовъ и обратился къ Октавію съ трогательнымъ увѣщаніемъ не принуждать его къ крайнимъ мѣрамъ и уступить волѣ народа. Тотъ остался при своемъ, и Гракхъ довелъ голосованіе до конца. Октавія смѣнили; назначенный на его мѣсто трибунъ примкнулъ къ Гракху, и аграрный законъ прошелъ черезъ комиціи. Тріумвирами были избраны самъ Тиберій, его братъ Кай и тесть Аппій Клавдій.

Но трудности реформы становились все чувствительнѣе. Тріумвирамъ приходилось пересматривать условія землевладѣнія во всей Италіи и отбирать множество земель, которыя долгіе годы были въ частныхъ рукахъ. Возникло множество жалобъ и неудовольствій. Для того, чтобы продолжать начатое дѣло, Тиберію необходимо было сохранить за собою могущественное положеніе трибуна, а между тѣмъ избраніе на второй годъ было въ то время запрещено законами. *Тиберій опять рѣшился нарушить законъ и выступилъ кандидатомъ на выборахъ на 132 годъ.* Сенаторы были до крайности ожесточены. Въ день выбо-

[1]) Всѣхъ трибъ было 35, значитъ — 18 составляли большинство.

ровъ аристократы ворвались на форумъ, разогнали народъ и убили Тиберія и триста его сторонниковъ. Но законъ Гракха не рѣшились уничтожить. Комиссіи тріумвировъ продолжали дѣйствовать и увеличили число свободныхъ землевладѣльцевъ на 80,000 человѣкъ. При этомъ выяснилось однако, что усиленное надѣленіе римлянъ часто приводило къ захватамъ у латинянъ и союзниковъ; а между тѣмъ и тѣ и другіе не менѣе римлянъ несли тяжесть военной службы, и какъ разъ среди нихъ особенно много сохранилось независимыхъ и воинственныхъ крестьянъ.

Кай Гракхъ.

Это обстоятельство принялъ во вниманіе братъ Тиберія, Кай (123). Младшій Гракхъ посвятилъ себя продолженію дѣла, предпринятаго старшимъ. Онъ былъ еще рѣшительнѣе и предпріимчивѣе брата. Участь Тиберія не устрашила его, а заставила думать о томъ, *чтобы найти противъ сената союзниковъ въ разныхъ частяхъ общества.* Этою цѣлью объясняются его первыя мѣры. Онъ провелъ предложеніе о продажѣ хлѣба по низкой цѣнѣ изъ государственныхъ магазиновъ бѣднѣйшимъ гражданамъ въ Римѣ *(lex frumentaria):* этимъ онъ склонилъ на свою сторону городскихъ пролетаріевъ. Сельское населеніе онъ привлекъ закономъ объ *устройствѣ новыхъ дорогъ (lex de viis muniendis)*, вслѣдствіе котораго онъ сталъ во главѣ общественныхъ работъ во всей Италіи. И для того и для другого класса представляло выгоды предложеніе объ *устройствѣ новыхъ колоній.* Наконецъ, Гракхъ нанесъ тяжелый ударъ сенатской аристократіи, отнявъ у нея *судъ въ дѣлахъ о вымогательствахъ.* Судъ этотъ былъ переданъ всадникамъ, которые такимъ образомъ получили контроль надъ дѣйствіями провинціальныхъ намѣстниковъ. Самые различные классы общества были такимъ образомъ заинтересованы въ поддержкѣ Кая Гракха и его реформъ. Самъ онъ, какъ трибунъ, тріумвиръ для раздачи государственныхъ земель (по закону Тиберія

Гракха), устроитель новыхъ колоній и руководитель дорожныхъ работъ, занялъ невиданное дотолѣ въ республикѣ положеніе. Но власть привлекала его не сама по себѣ — она нужна была ему для проведенія великой мѣры, которая должна была совершенно измѣнить весь составъ римскаго народа. Онъ не хотѣлъ уже ограничиться надѣленіемъ обѣднѣвшихъ гражданъ землей, а задумалъ *даровать римское гражданство союзникамъ*, которые давно уже служили Риму и представляли запасъ здоровыхъ силъ, значительно растраченныхъ въ самомъ Римѣ. Законъ о дарованіи гражданства союзникамъ (lex de civitate sociis danda) встрѣтилъ однако мало сочувствія среди членовъ римскихъ комицій, которые очень дорожили привилегированнымъ положеніемъ среди италиковъ. Сенатской аристократіи всѣ реформы Кая Гракха и его необыкновенное положеніе казались началомъ конца для республики, и она вооружилась противъ нихъ еще съ большимъ озлобленіемъ, чѣмъ противъ законовъ Тиберія Гракха. Сенаторы дѣйствовали очень ловко. Если Кай пустилъ въ ходъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы пріобрѣсти расположеніе различныхъ слоевъ общества, то сенатъ, съ своей стороны, позаботился о томъ, чтобы выставить противъ него противника, который отбилъ бы у него популярность. Съ этой цѣлью одинъ изъ товарищей Гракха, трибунъ Ливій Друзъ, выступилъ съ предложеніемъ основать двѣнадцать колоній въ Италіи и сложить съ владѣльцевъ участковъ на государственной землѣ наложенные на нихъ оброки. Этимъ способомъ удалось нѣсколько отвлечь народъ отъ Кая Гракха, а главный его законъ — о союзникахъ, самый важный изъ всѣхъ, былъ и безъ того не по душѣ комиціямъ. Каю не удалось провести его во второй годъ своего трибуната, а когда онъ выступилъ въ 121 году кандидатомъ въ третій разъ на ту же должность, то народъ его не выбралъ. Гракхъ оставался однако тріумвиромъ по устроенію колоніи на мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде Карѳагенъ. Послѣ его пораженія на выборахъ сенаторы и въ

этомъ отношеніи стали по возможности мѣшать ему. Кай, подобно Тиберію, не удержался отъ незаконныхъ дѣйствій въ защиту своихъ реформъ: его сторонники заняли съ оружіемъ Авентинъ. Только такого повода и недоставало сенату, чтобы окончательно сразить противника. Консулъ Опимій взялъ Авентинъ штурмомъ, и Кай Гракхъ погибъ во время преслѣдованія.

Нѣтъ сомнѣнія, что планы Гракховъ были проникнуты глубокимъ политическимъ смысломъ и что полное осуществленіе ихъ надолго обновило бы силы государства. Но даже для того, чтобы провести ихъ отчасти, пришлось главныя мѣры обставить другими, разсчитанными на то, чтобы понравиться народу, но по существу очень сомнительными. *Затѣмъ, оказалось, что нѣтъ никакой возможности провести реформы обычными и законными путями.* Гракхи нарушили законы и поплатились за это жизнью, но главная отвѣтственность за неудачу ихъ обширныхъ и патріотическихъ замысловъ падаетъ, конечно, на близорукость и эгоизмъ какъ сенатской аристократіи, такъ и народа, который не сумѣлъ понять и поддержать своихъ вождей.

Югуртинская война.

Мѣры Гракховъ, поскольку онѣ осуществились, подновили нѣсколько римское гражданство, но далеко недостаточно, чтобы пріостановить его упадокъ. Почти немедленно послѣ убійства Кая Гракха начались безпорядки въ союзномъ нумидійскомъ царствѣ, гдѣ одинъ изъ князей Югурта расправился со всѣми своими старшими родственниками — перебилъ ихъ одного за другимъ, несмотря на заступничество Рима. Коварный нумидіецъ получилъ возможность дѣйствовать такъ успѣшно потому, что *подкупалъ самыхъ вліятельныхъ въ Римѣ сенаторовъ.* Когда, наконецъ, противъ него начали войну, то она пошла не лучше, чѣмъ въ свое время испанская: полководцы смѣняли одинъ другого безъ всякихъ результатовъ, а иногда Югуртѣ удавалось наносить римлянамъ весьма чувствительныя пораженія. Дѣло стало опаснымъ, когда

въ самый разгаръ африканской войны въ недавно пріобрѣтенной трансальпинской Галліи[1]) появились первыя полчища германцевъ. Приходилось напрягать всѣ силы, чтобы поскорѣе окончить войну въ Африкѣ и приготовиться къ отпору варваровъ на сѣверѣ. Окончательная побѣда надъ Югуртой удалась консулу К. Марію, человѣку совершенно безродному и необразованному, выдвинувшемуся исключительно своими военными дарованіями. Югурта былъ взятъ въ плѣнъ квесторомъ Марія Луціемъ Корнеліемъ Суллой.

Кимвры и тевтоны.

Окончаніе нумидійской войны развязывало руки для энергическихъ дѣйствій на сѣверѣ. Вся Галлія и альпійскія области находились въ волненіи вслѣдствіе напора арійскаго племени — германцевъ, которые старались проникнуть въ благословенныя южныя страны. Впереди двигались кимвры и тевтоны. Они переселялись цѣлыми народами, съ женами и дѣтьми, на безчисленныхъ повозкахъ. Высокій ростъ, свирѣпый видъ и воинственность этихъ варваровъ нагоняли страхъ даже на кельтовъ, которые однако сами всегда отличались мужествомъ. Многія кельтскія племена пристали къ движенію; сопротивлявшихся пришельцы одолѣли. У римлянъ они требовали земель для поселенія и хлѣба и, конечно, получили отказъ. Въ первыхъ столкновеніяхъ варвары имѣли рѣшительный перевѣсъ: они были плохо вооружены, но очень многочисленны и обрушивались на легіоны съ такимъ изступленіемъ, что, подобно кельтамъ при Алліи, разбивали сомкнутые ряды римлянъ. Три римскихъ арміи были побѣждены ими въ разное время въ теченіе нумидійской войны. Въ четвертый разъ, при Оранжѣ на Ронѣ, противъ нихъ выставлено было цѣлыхъ два войска, болѣе ста тысячъ человѣкъ. Но римскіе полководцы дѣйствовали несо-

[1]) Галлія по ту сторону Альпъ — теперешній Провансъ (provincia).

гласно, и арміи ихъ были почти уничтожены. Спасеніемъ было то, что *варвары совершенно не умѣли пользоваться своими побѣдами.* Послѣ битвы при Оранжѣ они вмѣсто того, чтобы вторгнуться въ Италію, почему-то повернули въ Испанію и два года грабили ее. Этимъ временемъ римляне воспользовались, чтобы собраться съ силами и выставить противъ нашествія своего лучшаго полководца К. Марія.

Въ 102 г. громадныя полчища германцевъ и кельтовъ двумя дорогами двинулись на Италію. Тевтоны шли по берегу Средиземнаго моря, кимвры пошли съ сѣвера черезъ Альпы и спустились въ долину По. Марій сталъ на Ронѣ противъ западнаго отряда, а противъ восточнаго выступилъ другой консулъ Лутацій Катулъ. При Эксѣ (Aquae Sextiae) Марій встрѣтилъ тевтоновъ. Ему удалось выдержать первый натискъ, которымъ особенно грозны были варвары. Легіоны медленно тѣснили назадъ массу тевтоновъ; высланный въ обходъ отрядъ довершилъ побѣду римлянъ. Послѣ страшной рѣзни Марій пошелъ на помощь своему товарищу, который съ трудомъ держался противъ кимвровъ. При Верцеллахъ соединенныя арміи Марія и Катулла одержали побѣду послѣ упорнаго сраженія. Кимврскія женщины гнали отступавшихъ мужчинъ назадъ въ бой и сами съ ожесточеніемъ защищали лагерь. *Дисциплина и организація образованнаго народа однако одержала верхъ надъ безпорядочной храбростью варваровъ.*

Военная реформа Марія.

Побѣды Марія имѣли значеніе не только потому, что онѣ избавили Римъ отъ великой опасности: онѣ были одержаны легіонами, составленными иначе, чѣмъ прежнія римскія войска. До сихъ поръ военная служба лежала исключительно на достаточныхъ классахъ общества, а пролетаріи были освобождены отъ нея. При ослабленіи свободнаго крестьянства становилось однако все труднѣе

и труднѣе набирать достаточное число солдатъ для тяжелыхъ и продолжительныхъ походовъ. Марій произвелъ коренное измѣненіе: *онъ началъ вербовать свои легіоны изъ пролетаріевъ*. Они охотно шли на службу и въ рукахъ хорошаго полководца становились хорошими солдатами. Въ долгихъ походахъ они имѣли несомнѣнное преимущество передъ землевладѣльцами, потому что имъ нечего было безпокоиться объ оставленномъ дома хозяйствѣ. Но духъ войска все-таки очень измѣнился къ худшему. Легіоперы потеряли привязанность къ гражданскому строю своей родины; они чувствовали себя прежде всего солдатами, а не гражданами; *войско было имъ дороже города, вождь-побѣдитель (imperator) — выше сената и комицій*. Къ правительству, которое распоряжалось ихъ кровью и трудами изъ безопаснаго отдаленія, въ мирной обстановкѣ Рима, они относились съ презрѣніемъ; въ оплату за сраженія и походы они требовали добычи, богатства. Счастливый полководецъ имѣлъ въ такихъ войскахъ страшное оружіе для удовлетворенія своего властолюбія, но и за полководцемъ ветераны шли только потому, что онъ служилъ ихъ прихотямъ и корысти.

Аппулей Сатурнинъ.

Первая же армія, составленная по новому образцу, вполнѣ обнаружила этотъ характеръ. Тотчасъ послѣ тріумфа Марія трибунъ Аппулей Сатурнинъ внесъ въ комиціи *предложенія, которыя должны были вознаградить ветерановъ нумидійской и сѣверной войнъ за ихъ труды и заслуги*. Каждый изъ нихъ долженъ былъ получить 100 югеровъ. Кромѣ того, было предложено вывести новыя колоніи, а завѣдываніе всѣмъ дѣломъ предоставлялось Марію. Но маріанцы дѣйствовали такъ грубо и насильственно, что, несмотря на страхъ передъ ветеранами, противъ нихъ соединились всѣ городскія партіи — сенатъ, всадники, даже мелкое населеніе. Сатурнинъ прогналъ трибуновъ, запрещавшихъ его предложенія; на выборы

онъ призвалъ отставныхъ солдатъ, которые вступали въ драку съ противниками наконецъ — занялъ Капитолій. Эта попытка погубила его, какъ занятіе Авентина погубила Кая Гракха. Сатурнина и его сторонниковъ окружили и побили камнями.

Такимъ образомъ, первый опытъ солдатъ предписать законы городу окончился неудачей. Но зло не было устранено — ветераны Марія остались безпокойнымъ, недовольнымъ элементомъ[1]) общества, всегда готовымъ поднять безпорядки или воспользоваться ими.

Ливій Друзъ.

Поведеніи Марія и его солдатъ настолько напугало сенатъ, что лучшіе его члены начали признавать необходимость какъ разъ тѣхъ мѣръ, за которыя погибъ Кай Гракхъ. *Чтобы уйти отъ господства вооруженнаго пролетаріата, надобно было возстановить способное носить оружіе крестьянство, а матеріалъ для этого можно было найти только у союзниковъ.* Эти соображенія сдѣлались настолько очевидны, что изъ среды сенатской аристократіи было выставлено предложеніе о дарованіи права гражданства союзникамъ. Трибунъ Ливій Друзъ, сынъ того Друза, который боролся противъ Кая Гракха, внесъ въ 91 г. рядъ предложеній, частью измѣнявшихъ, частью пополнявшихъ реформу 123 г. Съ одной стороны, было предложено отнять суды у всадниковъ и возвратить ихъ сенаторамъ, съ другой, — распространить право римскаго гражданства на италійскихъ союзниковъ. Кромѣ того, предполагалось пополнить сенатъ 300 членами изъ всадническаго сословія. Противъ Друза соединились весьма различные элементы — часть сенатской аристократіи, опасавшаяся всякихъ реформъ, всадники, чрезвычайно дорожившіе своимъ господствомъ въ судахъ, значительная часть римской черни. Въ одно утро Друза нашли убитымъ въ постели.

Союзническая война.

Между тѣмъ союзники, которые со времени Кая Гракха надѣялись на расширеніе своихъ правъ, потеряли терпѣніе

[1]) Элементъ — составная часть.

и составили обширный заговоръ, въ которомъ особенно дѣятельное участіе принимали самниты и другія горныя племена. Любопытно, что возставшіе не стремились возвратить себѣ просто прежнюю самостоятельность, а хотѣли образовать общее италійское государство съ равными правами для всего населенія полуострова и съ правительствомъ по образцу римскаго. Столицей новаго государства они сдѣлали Корфиніумъ подъ названіемъ Италики, а власть передали сенату изъ 500 членовъ отъ всѣхъ племенъ и выборнымъ консуламъ и преторамъ. Долгое и славное господство Рима произвело настолько сильное впечатлѣніе на подвластныя ему племена, что, даже возставая противъ него, они старались усвоить себѣ его устройство. Началась тяжелая и кровопролитная борьба между народами, которые привыкли дѣйствовать заодно въ цѣломъ рядѣ походовъ. На сторонѣ римлянъ была ихъ испытанная организація, между тѣмъ какъ италики должны были создавать свое устройство заново. Но союзники были такъ сильны, что *Римъ едва ли одолѣлъ бы въ открытой борьбѣ, если бы ему не удалось разъединить противниковъ*. Это было достигнуто прямыми уступками. Сначала было дано право гражданства всѣмъ общинамъ, которыя еще не отдѣлились отъ Рима. Затѣмъ оно было обѣщано всѣмъ, кто въ двухмѣсячный срокъ положитъ оружіе. Этимъ путемъ римляне добились отдѣленія отъ союзниковъ Этруріи и Умбріи. Лаціумъ съ самаго начала остался вѣренъ Риму. Самниты и нѣкоторыя южныя племена однако продолжали борьбу, и побѣда надъ ними стоила немалыхъ усилій (88 г.). Главная заслуга при усмиреніи мятежа выпала на долю Л. Корнелія Суллы, прежняго квестора Марія, служившаго затѣмъ въ войскѣ Лутація Катулла противъ кимвровъ. Къ нему же обратился сенатъ для веденія новой трудной войны, открывшейся на востокѣ.

При распаденіи державы Селевкидовъ въ Азіи, по Черному морю образовалось понтійское царство, которое сохранило самостоятельность и послѣ того, какъ пергамское было обращено въ римскую провинцію подъ названіемъ Азіи (во время Тиберія Гракха). Въ началѣ I вѣка царемъ Понта былъ Митридатъ, неутомимый воинъ, который въ другое время, навѣрное, создалъ бы монархію въ родѣ ассирійской или персидской. Даже испытанное могущество Рима не пугало его.

Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Рима во время союзнической войны, онъ захватилъ азіатскія провинціи и безпощадно истребилъ попавшихъ въ его руки римскихъ гражданъ и солдатъ; всего было перебито 80 000 человѣкъ Изъ Азіи онъ двинулся въ Грецію, которая подчинилась ему почти безъ сопротивленія. Оставалось только идти въ Италію, и Митридатъ уже приготовился къ этому походу. Сенатъ собралъ армію изъ шести легіоновъ и поручилъ командованіе надъ нею Суллѣ. Это было тяжкимъ ударомъ для Марія, который все еще былъ знаменитѣйшимъ воиномъ Рима и разсчитывалъ въ войнѣ съ Митридатомъ вернуть утраченное вліяніе. Соревнованіе между двумя полководцами особенно усилилось тѣмъ, что Марій былъ человѣкъ выслужившійся (homo novus), а Сулла принадлежалъ къ старинному патриціанскому роду и не скрывалъ своего презрѣнія къ низшимъ классамъ и выходцамъ изъ нихъ.

Марій ловко воспользовался недовольными элементами общества — завистью своихъ ветерановъ къ солдатамъ Суллы, разочарованіемъ примирившихся союзниковъ, которыхъ, правда, приняли въ число гражданъ, но записали въ восемь новыхъ трибъ, подававшихъ голоса только вслѣдъ за 35 старыми и потому большею частью остававшихся безъ голоса[1]). Трибунъ Сульпицій Руфъ провелъ постановленіе, что новымъ гражданамъ и воль-

[1]) Припомнимъ, что голосованіе прекращалось, какъ только опредѣлялось большинство въ комиціяхъ.

неотпущенникамъ разрѣшается записываться въ какую угодно трибу. Другое его предложеніе, чтобы ни одинъ сенаторъ не имѣлъ права дѣлать долговъ болѣе, чѣмъ на 2000 динаріевъ, было направлено противъ распущенныхъ и разорившихся аристократовъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Сулла.

Сторонникъ Марія трибунъ Сульпицій добился того, что Суллѣ приказано было оставить командованіе, а начальникомъ войскъ противъ Митридата былъ назначенъ Марій. Легіоны Суллы не стерпѣли этого оскорбленія; вмѣсто того, чтобы ожидать новаго вождя, они двинулись на Римъ. Всѣ главные офицеры бросили взбунтовавшуюся армію, но Сулла послѣ нѣкотораго колебанія сталъ во главѣ ея. Послѣ упорной борьбы на улицахъ Марій бѣжалъ; Сульпиція убили. *Въ первый разъ въ римской имперіи законное правительство города было свергнуто возмутившимися солдатами.*

Война съ Митридатомъ.

Послѣ этого Сулла отправился противъ Митридата. Какъ военный человѣкъ, онъ былъ, дѣйствительно, великъ — неустрашимъ, находчивъ и энергиченъ. Дѣла были запущены до крайности, и Суллѣ стоило большого труда удержаться въ Аѳинахъ и остановить дальнѣйшія завоеванія Митридата. Наконецъ, въ Бэотіи ему удалось дважды разбить противниковъ, несмотря на ихъ громадный численный перевѣсъ. Благодаря этимъ побѣдамъ, онъ очистилъ Грецію, немедленно перешелъ въ Азію и окончательно выгналъ Митридата изъ римскихъ владѣній. *Онъ однако не успѣлъ уничтожить могущество царя* и поспѣшно заключилъ съ нимъ миръ, потому что итальянскія дѣла опять требовали его присутствія.

Марій и Цинна.

Во все время войны съ Митридатомъ, въ Римѣ господствовали маріанцы. Самъ старикъ Марій послѣ различныхъ приключеній вернулся изъ изгнанія и вмѣстѣ съ

консуломъ Корнеліемъ Цинной отнялъ Римъ у небольшого отряда, оставленнаго Суллой въ распоряженіе сената. Это вторичное взятіе Рима ознаменовалось страшной рѣзней. Маріанцы грабили и убивали безъ разбора. Побѣдитель кимвровъ и тевтоновъ достигъ цѣли своихъ стремленій — его въ седьмой разъ выбрали консуломъ, но черезъ нѣсколько дней послѣ избранія онъ умеръ. Господиномъ въ городѣ остался Цинна. *Главною его цѣлью было удовлетворить корыстолюбіе ветерановъ Марія и привлечь на свою сторону новыхъ гражданъ изъ союзниковъ.* Во всякомъ случаѣ продолжительное отсутствіе Суллы дало возможность маріанцамъ довольно прочно утвердиться въ Римѣ и Италіи, и когда новый любимецъ солдатъ вернулся съ своими побѣдоносными легіонами изъ Азіи, передъ нимъ открылась весьма нелегкая задача (82 г.). Пока Сулла пытался обложить сына Марія въ Пренесте, а его сторонникъ Кн. Помпей дѣйствовалъ на восточной сторонѣ Апеннинскаго хребта, войско самнитовъ и южныхъ италіковъ, державшее сторону Марія, неожиданно прошло до самаго Рима. Сулла нагналъ его у Коллинскихъ воротъ, успѣлъ продвинуться между нимъ и городомъ и немедленно началъ нападеніе. Крыло, которое велъ самъ Сулла, было отбито самнитами и оттѣснено въ Римъ. Но на другомъ крылѣ Лициній Крассъ одержалъ верхъ и рѣшилъ сраженіе въ пользу Суллы. Побѣдитель вступилъ въ Римъ съ открытымъ намѣреніемъ передѣлать государственный строй и наказать своихъ враговъ. Онъ началъ съ послѣдняго. Спачала рѣзали безъ суда и порядка, подобно тому, какъ въ свое время рѣзали маріанцы. Затѣмъ начались *проскрипціи*. Сулла вывѣшивалъ таблицы съ сотнями именъ; всѣ названные въ таблицахъ попадали въ опалу — каждый могъ и долженъ былъ убивать ихъ; имущество ихъ отбиралось въ казну. По всей Италіи началась охота на людей, а въ Римѣ Сулла съ невозмутимымъ хладнокровіемъ заносилъ все новыя и новыя имена на свои таблицы. Помимо политической мести, тутъ сказывалось простое корыстолюбіе

— богатыхъ людей преслѣдовали доносами и казнили, чтобы захватить ихъ имущество. Сулла передъ всѣмъ народомъ назвалъ конфискаціи «своей добычей» и самъ предсѣдательствовалъ при продажѣ съ аукціона отнятыхъ имѣній. Весь этотъ грабежъ былъ необходимъ, чтобы вознаградить ветерановъ Суллы, которые, подобно ветеранамъ Марія, смотрѣли на римское общество, какъ на доставшуюся имъ золотую розсыпь. Для 23 легіоновъ было образовано болѣе ста тысячъ новыхъ надѣловъ. Страшный 82 годъ заключился назначеніемъ Суллы диктаторомъ на неопредѣленный срокъ для преобразованія республики (reipublicae constituendae).

Реформы Суллы.

Л. Корнелій Сулла могъ считать себя владыкой міра. Никто не оспаривалъ у него власти въ Римѣ — онъ стеръ съ лица земли своихъ враговъ. Его прозвали счастливымъ (Felix), и онъ самъ твердо вѣрилъ въ свою звѣзду. Но оставалось доказать, что онъ не только замѣчательный полководецъ и безпощадный мститель: надо было преобразовать государство, очистить его отъ великихъ золъ, проявившихся въ гражданскихъ смутахъ. Для этого Суллѣ недоставало многаго. Онъ глубоко презиралъ людей и, несмотря на свое утонченное образованіе, выше всего цѣнилъ грубыя чувственныя наслажденія. По происхожденію и связамъ онъ былъ аристократъ; но главную роль въ его жизни сыграла армія пролетаріевъ, такихъ же безпокойныхъ и алчныхъ, какъ маріанцы.

На первый взглядъ, главной цѣлью его реформы была передача власти аристократической корпораціи[1]) *— сенату.* Уничтожена была *цензура*, имѣвшая такое значительное вліяніе на составъ корпораціи, почти уничтоженъ былъ *трибунатъ* — за нимъ осталось только право заступаться за отдѣльныхъ гражданъ (ius auxilii). Сами

[1]) Корпораціей называется учрежденіе, которое состоитъ изъ многихъ членовъ и постановляетъ свои рѣшенія большинствомъ голосовъ этихъ членовъ.

комиціи были поставлены въ полную зависимость отъ сената: онѣ должны были заручаться для всѣхъ предложеній его предварительнымъ одобреніемъ *(auctoritas)*. У всадниковъ былъ отнятъ *судъ надъ бывшими магистратами* и переданъ сенаторамъ. Однимъ словомъ, сенатъ становился главнымъ учрежденіемъ въ государствѣ. *И между тѣмъ уваженіе къ этому учрежденію было съ самаго начала подорвано тѣмъ, что Сулла пополнилъ его тремя-стами новыхъ членовъ, набранныхъ безъ малѣйшаго разбора изъ людей всякаго рода*, частью завѣдомо негодныхъ и призванныхъ въ сенатъ только потому, что они готовы были служить Суллѣ.

При Суллѣ окончательно установилась по всей Италіи замѣчательная организація римскаго гражданства, которая *стала необходимостью вслѣдствіе принятія въ число гражданъ многочисленныхъ итальянскихъ союзниковъ*. Всюду образовались муниципіи съ выборными магистратами — двумя для суда и двумя для наблюденія за постройками и полиціей (duoviri iuridicundo, duoviri aediles), съ сенатомъ изъ наиболѣе состоятельныхъ гражданъ и комиціями.

Это устройство имѣло благодѣтельное вліяніе особенно въ томъ отношеніи, что пріостановило переселеніе въ Римъ и содѣйствовало поддержанію мѣстной самостоятельности, и въ то же самое время всюду проникло *разлагающее вліяніе разселенныхъ по Италіи ветерановъ:* они разучились хозяйничать, мало интересовались мѣстными дѣлами и всегда готовы были вновь принять участіе въ безпорядкахъ, лишь бы они обѣщали выгоду. Наконецъ, Сулла создалъ цѣлый новый классъ — такъ называемыхъ *Корнеліевъ*. Это были рабы, отпущенные на волю сторонниками Суллы или имъ самимъ, причемъ, главнымъ образомъ, отпускали тѣхъ рабовъ, господа которыхъ подверглись проскрипціямъ. Эти Корнеліи проникли въ большомъ числѣ въ муниципальныя должности, и вообще мѣстное управленіе было искажено тѣмъ, что его захватила въ руки ради своихъ политическихъ цѣлей партія Суллы.

Послѣ реформы диктаторъ сложилъ свои полномочія — ему надоѣла политическая дѣятельность; онъ чувство-

валъ себя пресыщеннымъ и удалился на покой. Это однако не мѣшало ему держать въ страхѣ поставленное имъ правительство и при случаѣ умерщвлять какого-нибудь неугоднаго ему дѣятеля. Послѣ одной изъ такихъ расправъ его самого настигла смерть (78).

Реформой Суллы заканчивается пятидесятилѣтній періодъ смутъ изъ-за состава и правъ гражданства. *Смѣлыя идеи Гракховъ, повидимому, осуществились:* множество неимущихъ гражданъ получило надѣлы; большинство италійскихъ союзниковъ получило гражданство. Но обѣ реформы были достигнуты при условіяхъ, которыя подрывали благодѣтельное значеніе преобразованій. *Надѣлы достались преимущественно распущеннымъ и отвыкшимъ отъ труда солдатамъ: союзникамъ были дарованы гражданскія права послѣ кровопролитной войны,* истребившей какъ разъ самыя здоровыя италійскія племена. Главное, постоянныя смуты оказали самое дурное вліяніе на нравственность и право: законъ правительство, народная свобода — всѣ эти священныя основы римскаго строя были втоптаны въ грязь. *Каждый изъ вождей нарушалъ законъ, ниспровергалъ правительство, злоупотреблялъ свободой.* Грубая сила, разбойничья жадность и удаль замѣнили прежній самоотверженный патріотизмъ. И вотъ, несмотря на кажущійся успѣхъ праграммы Гракховъ, гражданскія смуты привели *не къ возрожденію крестьянства, а къ господству войска.*

Глава VII.

Паденіе Республики.

Защита устройства Суллы.

Страхъ передъ Суллой поддерживалъ установленный имъ порядокъ, но едва диктаторъ успѣлъ умереть, какъ подняли голову всѣ побѣжденныя имъ силы. *При этомъ защита сложившагося порядка, естественно, перешла къ главному военному помощнику Суллы — Кнею Помпею.* Въ главѣ маріанцевъ сталъ Серторій, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ Марія, человѣкъ справедливый и благородный. Онъ воспользовался волненіями среди воинственныхъ

лузитанцевъ, чтобы основать въ Испаніи какъ бы новый Римъ. Высланные противъ него полководцы всѣ потерпѣли пораженіе; самъ Помпей ничего не могъ достигнуть въ трудной горной войнѣ. Къ счастію для него, нашелся въ арміи Серторія измѣнникъ, который убилъ этого героя, чтобы занять его мѣсто. Послѣ смерти Серторія лузитанское государство тотчасъ распалось. Пока Помпей былъ занятъ въ Испаніи, на югѣ Италіи вспыхнуло страшное *возстаніе рабовъ*. Ѳракіецъ Спартакъ бѣжалъ изъ казармы гладіаторовъ, въ которой приготовляли бойцовъ для кровавыхъ состязаній передъ народомъ. Его успѣхи противъ римскихъ отрядовъ собрали вокругъ него массу бѣглыхъ рабовъ, которыхъ онъ обучилъ военному строю. Армія его достигла до 120 000 человѣкъ и три года держала въ страхѣ всю Италію. М. Лицинній Крассъ, наконецъ, разбилъ ее въ Луканіи, а остатки уничтожилъ возвращавшійся изъ Испаніи Помпей.

Кн. Помпей.

Хотя, такимъ образомъ, удалось отстоять римское общество въ томъ видѣ, какъ его устроилъ Сулла, но сами его защитники чувствовали, что нельзя поддерживать созданную имъ крайнюю аристократію. *Въ 70 г., по почину Помпея, были возстановлены въ прежнемъ видѣ трибунатъ и цензура, а къ суду наравнѣ съ сенаторами были допущены всадники и выборные изъ низшаго класса.* Эти уступки и военные успѣхи Помпея сдѣлали его самымъ популярнымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Трибунъ Габиній воспользовался возстановленнымъ трибунатомъ, чтобы провести черезъ комиціи предложеніе, сдѣлавшее Помпея распорядителемъ военныхъ силъ въ государствѣ. *Законъ Габинія предоставлялъ Помпею командованіе во всемъ Средиземномъ морѣ* и по его берегамъ на 10 миль отъ моря противъ морскихъ разбойниковъ, которые во время гражданскихъ смутъ захватили въ свои руки господство на водахъ, устроили правильные флоты

и рядъ крѣпостей по берегамъ и по произволу обращались съ купеческими судами. Помпей оказался во главѣ 500 кораблей и 120 000 солдатъ. Онъ быстро и энергично исполнилъ возложенное на него порученіе: мѣсяца въ три очистилъ море отъ разбойниковъ, разрушилъ ихъ замки, а самихъ частью истребилъ, частью выселилъ. *Онъ не поддался искушенію удержать за собою предоставленную ему исключительную власть*, а сложилъ ее и возвратился въ частную жизнь, въ ожиданіи новаго военнаго порученія. Оно не замедлило представиться — опять-таки въ видѣ дополненія къ дѣлу, начатому Суллой. Митридатъ былъ побѣжденъ, но не смирился и, когда Виѳинія, подобно Пергаму, была обращена въ римскую провинцію, опять началъ войну. Римскій полководецъ Л. Лукуллъ, правда, нанесъ ему и его зятю, армянскому царю Тиграну, нѣсколько пораженій, но легіоны отказались идти въ глубь Арменіи. Своеволіе солдатъ было такъ велико, что Лукуллъ принужденъ былъ отступить, а Митридатъ послѣдовалъ за нимъ по пятамъ и уничтожилъ оставленные римлянами гарнизоны. Тогда веденіе войны было поручено Помпею, который сумѣлъ возстановить дисциплину, разбилъ Митридата, покорилъ Понтъ и Арменію и обратилъ Сирію въ римскую провинцію. Особенно важно было то, что противъ Митридата возсталъ его собственный сынъ, и тотъ въ отчаяніи самъ наложилъ на себя руки; римскій народъ, наконецъ, избавился отъ упорнаго и опаснаго врага.

Катилина и Цицеронъ.

Пока Помпей воевалъ въ Азіи и приводилъ въ порядокъ ея устройство, въ Римѣ произошли новыя смуты. Л. Сергій Катилина, человѣкъ недюжинныхъ способностей, прославившійся своимъ распутствомъ и злодѣяніями, устроилъ *обширный заговоръ среди разорившейся молодежи*. Предполагалось зажечь Римъ, умертвить консуловъ и большую часть сената, захватить власть, воспользоваться

ею для уничтоженія долговъ и ограбленія богатыхъ. Катилина съ необыкновенной дерзостью дѣлалъ свои приготовленія въ самомъ Римѣ, на виду у правительства. Въ Этруріи онъ уже собралъ цѣлое войско и вступилъ въ сношенія съ кельтскимъ племенемъ аллоброговъ, чтобы побудить его къ нападенію на Италію. Въ самомъ сенатѣ были у него и сообщники, и люди, которые, не принимая прямого участія въ заговорѣ, разсчитывали воспользоваться имъ, чтобы выдвинуться впередъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ вліятельный и заслуженный Крассъ и честолюбивый, но пока занимавшій второстепенное положеніе К. Юлій Цезарь. Честь спасенія отечества въ это время принадлежитъ консулу 63 г. М. Туллію Цицерону.

Цицеронъ происходилъ, какъ и Марій, изъ мелкой муниципальной семьи. Выдвинулся онъ, благодаря своему краснорѣчію. Военныхъ заслугъ и таланта у него не было, но и въ судахъ и въ провинціи онъ показалъ себя не только искуснымъ адвокатомъ и первокласснымъ ораторомъ, но и честнымъ гражданиномъ, способнымъ рисковать собой ради общей пользы и справедливости: въ первой же рѣчи, напр., ему пришлось выступить противъ одного изъ страшныхъ доносчиковъ, любимцевъ Суллы. Главный свой судебный успѣхъ онъ пріобрѣлъ въ процессѣ противъ вліятельнаго пропретора Верреса, который долго безнаказанно притѣснялъ сицилійцевъ. Въ борьбѣ съ Катилиной ему удалось соединить порядочныхъ людей въ сенатѣ противъ преступниковъ и честолюбцевъ. Катилина принужденъ былъ бѣжать къ своему войску, переписка его съ аллоброгами была перехвачена, и Цицеронъ увлекъ сенатъ на незаконное, но совершенно необходимое для самообороны дѣйствіе: сообщниковъ Катилины казнили, не доводя дѣло до процесса передъ комиціями. Этотъ рѣшительный актъ лишилъ заговорщиковъ ихъ главныхъ вождей, а самъ Катилина погибъ въ сраженіи съ посланными противъ него правительственными войсками. Цицерона привѣтствовали въ сенатѣ, какъ «отца отечества»

(pater patriae); но для того, чтобы держаться въ борьбѣ партій того времени, надобны были другія свойства и силы, чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ. Онъ не былъ побѣдителемъ на полѣ битвы; *за нимъ не стояли грозные ветераны, а потому успѣхъ его былъ минутный.* Оставшіеся въ живыхъ покровители и сообщники Катилины безъ труда нашли поводъ для нападенія на Цицерона: онъ казнилъ римскихъ гражданъ безъ суда. Обвиненія были на столько опасны, что «отецъ отечества» принужденъ былъ вскорѣ послѣ своей побѣды удалиться въ изгнаніе.

Первый тріумвиратъ.

Возникалъ вопросъ, какъ воспользуется своей силой тотъ, кто стоялъ въ то время во главѣ войска, — Помпей, возвращавшійся въ Римъ послѣ покоренія Азіи. Въ этомъ случаѣ Помпей еще разъ показалъ, что онъ не понимаетъ своего времени и не умѣетъ пользоваться своими силами: *онъ былъ слишкомъ благонамѣренный человѣкъ, чтобы захватить власть, хотя она уже во второй разъ сама давалась ему въ руки.* Но, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ сначала предъявить свои требованія и настоять на нихъ, а затѣмъ уже разоружиться. Вмѣсто этого онъ, къ удивленію всѣхъ, тотчасъ послѣ высадки въ Италію распустилъ свою армію и, въ качествѣ частнаго человѣка, обратился къ сенату и народу съ просьбами — утвердить его самовольныя распоряженія въ Азіи и наградить его ветерановъ земельными раздачами. И тутъ за свою близорукую довѣрчивость онъ получилъ чувствительный урокъ. Ему разрѣшили великолѣпный тріумфъ[1]), но отказали во всѣхъ существенныхъ пунктахъ. И по-

[1]) Тріумфъ — торжественный въѣздъ побѣдителя-полководца (imperator) въ Римъ. Процессія двигалась отъ porta triumphalis къ храму Юпитера на Капитолійскомъ холмѣ. Побѣдитель ѣхалъ на колесницѣ, запряженной четырьмя конями; на немъ былъ лавровый вѣнокъ и пурпуровый плащъ (тога). Впереди вели плѣнныхъ, несли добычу; за колесницей шли войска.

бѣдителю Азіи пришлось прибѣгнуть къ совсѣмъ мелкимъ и неблаговиднымъ маневрамъ, чтобы избѣжать позорнаго нарушенія своихъ распоряженій и обѣщаній: чтобы сломить сопротивленіе сената, онъ вступилъ въ соглашеніе съ Лициніемъ Крассомъ, какъ представителемъ богачей — всадниковъ, и съ Юліемъ Цезаремъ, какъ представителемъ народной партіи. Это соглашеніе между вождями партій получило названіе перваго тріумвирата (60 г.).

Юлій Цезарь.

Благодаря тріумвирату, окончательно выдвинулся самый замѣчательный государственный человѣкъ этой эпохи — Кай Юлій Цезарь. Происходилъ онъ изъ древняго патриціанскаго рода, но по семейнымъ связямъ принадлежалъ къ маріанской партіи (его тетка Юлія была за мужемъ за Маріемъ; самъ онъ женатъ былъ въ первомъ бракѣ на дочери Цинны). Во время проскрипцій Суллы его пощадили во вниманіе къ его молодости, но связи съ маріанцами долго мѣшали ему въ жизни. Ему приходилось ограничиваться второстепенными военными должностями, изученіемъ греческой литературы и краснорѣчія, кутежами, которые скоро разстроили его состояніе и ввели въ неоплатные долги. Впервые онъ пріобрѣлъ популярность въ бытность эдиломъ, потому что устроилъ необыкновенно роскошныя игры для народа и вывелъ на бой множество прекрасно обученныхъ гладіаторовъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался однимъ изъ вождей городского пролетаріата и, какъ уже было сказано, очень близко стоялъ къ заговору Катилины. Онъ былъ однако слишкомъ уменъ, чтобы связать себя съ этимъ отчаяннымъ человѣкомъ, и такъ ловко держалъ себя во время борьбы между Цицерономъ и заговорщиками, что не только не погибъ, а, напротивъ, получилъ претуру и затѣмъ командованіе въ одной изъ испанскихъ провинцій. Тутъ онъ впервые обнаружилъ свои военныя дарованія. *Но широкая историческая дѣятельность открылась для него уже по возвра-*

щеніи въ Римъ вслѣдствіе смѣшного положенія, въ которое попалъ Помпей. Можно сказать, что Цезарь самъ вырасталъ вмѣстѣ съ расширеніемъ своихъ задачъ. Цезарь былъ избранъ консуломъ на 59-й г. вмѣстѣ съ нѣкіимъ Бибуломъ,котораго затмилъ до такой степени, что въ Римѣ въ шутку называли консулами Юлія и Цезаря. Согласно уговору, онъ провелъ утвержденіе распоряженій Помпея и законъ о раздачѣ гражданамъ государственныхъ земель въ Кампаніи, по которому награждены были ветераны азіатской арміи.

Галльскія войны Цезаря.

Въ отплату за услуги Цезарю досталось, наконецъ, важное военное командованіе: онъ отправился въ Галлію, которой грозило новое германское нашествіе, не менѣе страшное, чѣмъ нападеніе кимвровъ и тевтоновъ. Цѣлая группа германскихъ народовъ, такъ называемые свевы, двигались съ востока на западъ, разгоняя и покоряя встрѣчныя племена: ея передовыя массы уже перешли Рейнъ, разбили кельтовъ и образовали на галльской почвѣ новое постоянно разраставшееся государство, во главѣ котораго стоялъ Аріовистъ. При первомъ же появленіи въ трансальпинской провинціи Цезарь наткнулся на кельтское племя гельветовъ, которое, уходя отъ германцевъ, выселилось въ полномъ составѣ изъ Швейцаріи и направилось въ область эдуевъ въ центральной Галліи. Побѣдой при Бибракте (теперь Autun) Цезарь принудилъ ихъ отойти на старыя мѣста. Затѣмъ онъ нанесъ въ теперешнемъ Эльзасѣ рѣшительное пораженіе Аріовисту. Послѣ этого начался цѣлый рядъ войнъ, приведшихъ къ покоренію всѣхъ галльскихъ областей, отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго и отъ Атлантическаго океана до Рейна. Сначала были побѣждены белги, при чемъ оказавшіе особенно храброе сопротивленіе нервіи были почти совершенно уничтожены; затѣмъ завоеванъ былъ западный берегъ; самъ Цезарь дѣйствовалъ противъ венетовъ въ Бре-

тани, а его легаты покорили Аквитанію, къ югу отъ Гаронны. Для устрашенія сосѣднихъ съ Галліей варваровъ Цезарь переправился черезъ проливъ въ Великобританію и два раза переходилъ Рейнъ; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ не имѣлъ въ виду прочныхъ пріобрѣтеній и тотчасъ возвращался назадъ. Тяжелые галльскіе походы образовали для него образцовую по храбрости, стойкости и выносливости армію а самъ онъ проявилъ въ нихъ истинную геніальность: въ самыхъ большихъ опасностяхъ онъ сохранялъ полное присутствіе духа и при случаѣ рисковалъ жизнью, какъ простой солдатъ; *въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ тотчасъ схватывалъ сущность дѣла*, однимъ взглядомъ и съ непзмѣнной вѣрностью опредѣлялъ сильныя и слабыя стороны противника, особенности мѣстности, цѣли дѣйствій. А разъ цѣль была намѣчена, онъ шелъ къ ней съ неудержимой энергіей[1]). Много помогали ему, конечно *недостатки кельтовъ и ихъ государственнаго строя*. По характеру кельты были народомъ способнымъ, но неустойчивымъ, легкомысленнымъ. Обширная страна не имѣла общей организаціи. Она распадалась на множество враждовавшихъ племенъ, а въ каждомъ племени масса народа находилась въ тяжкой зависимости отъ родовой аристократіи, члены которой не умѣли подчиняться твердой государственной власти. Сословіе жрецовъ, *друидовъ*, правда, имѣло большое вліяніе на дѣла и поддерживало сношенія по всей Галліи и даже за Ламаншемъ, въ Великобританіи, но оно не годилось для руководства военными дѣйствіями и вообще не опиралось на достаточную силу, чтобы образовать государство. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ кельты долго оказывали Цезарю хотя и храброе, но разрозненное сопротивленіе. Борьба съ иноземцами даже ихъ научила необходимости сомкнуться, и въ послѣдней попыткѣ отстоять свою самостоятель-

[1]) Цезарь оставилъ самъ описаніе своихъ войнъ. Это такъ называемые Комментаріи — сочиненіе образцовое по ясности мысли и изложенія.

ность они дѣйствовали заодно подъ руководствомъ настоящаго героя — арверна Верцингеторикса. Возстаніе 52 г. едва не погубило римлянъ. При Герговіи Цезарь потерпѣлъ свою первую неудачу: кельтская конница смяла римскую, и только стойкость легіоновъ и опора укрѣпленнаго лагеря спасли войско отъ полнаго истребленія. И какъ разъ въ это время полководецъ обнаружилъ самымъ блестящимъ образомъ свое умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ и измѣнять сообразно съ ними способъ веденія войны: вмѣсто прежнихъ сраженій въ открытомъ полѣ онъ пустилъ въ ходъ противъ кельтовъ устройство окоповъ и укрѣпленныхъ лагерей. Римскіе солдаты въ совершенствѣ производили земляныя работы, а кельты при такомъ способѣ веденія войны не могли воспользоваться въ полной мѣрѣ первымъ натискомъ, который они всегда производили съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Осторожными и искусными маневрами Цезарю удалось запереть Верцингеторикса въ Алезіи. Римляне окопались съ обѣихъ сторонъ и отбили какъ вылазки осажденныхъ, такъ и нападенія племенъ, старавшихся прорвать кольцо осады съ внѣшней стороны. Верцингеториксъ принужденъ былъ сдаться, и съ его плѣненіемъ прекратились всѣ попытки сопротивленія. У Цезаря были развязаны руки для дѣйствій въ Италіи.

Ссора Цезаря съ Помпеемъ.

За десять лѣтъ его отсутствія тамъ сложилось очень натянутое положеніе. Тріумвиратъ распался вслѣдствіе погибели Красса, который отправился противъ парѳянъ, неосторожно углубился въ пустыню и былъ уничтоженъ съ большей частью своей арміи (53 г.). *Помпей завидовалъ успѣхамъ Цезаря и принималъ отъ времени до времени исключительныя полномочія.*

Въ 57 г. ему поручено было завѣдываніе хлѣбной торговлей всего римскаго міра для устраненія застоя и дороговизны; въ 55 г. онъ взялъ на себя управленіе Испаніей, но не поѣхалъ въ провинцію, а поручилъ ее

своимъ легатамъ[1]); въ 52 г. его избрали единственнымъ консуломъ для умиротворенія Италіи и въ особенности Рима, гдѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ дѣйствовали организованныя шайки. Предводители ихъ Клодій и Милонъ грабили частныхъ людей, запугивали комиціи при выборахъ и вступали другъ съ другомъ въ правильныя сраженія. Помпей управился съ разбойниками и провелъ строгіе законы противъ насилія и подкуповъ на выборахъ.

Сенатъ, который долго не довѣрялъ Помпею, подконецъ убѣдился, что онъ гораздо менѣе страшенъ, чѣмъ Цезарь, и вступилъ съ нимъ въ тѣсное соглашеніе противъ послѣдняго. *Наоборотъ, народъ, т. е. масса низшихъ классовъ, съ возраставшимъ восторгомъ относился къ побѣдителю Галліи.* Окончательный разрывъ произошелъ, когда сенатъ потребовалъ отъ Цезаря сдачи провинціи и легіоновъ. Въ отвѣтъ на это подкупленный Цезаремъ трибунъ Куріонъ поставилъ вопросъ о сдачѣ испанскихъ провинцій Помпеемъ. Сенатъ однако отстранилъ это требованіе и, несмотря на запрещеніе двухъ трибуновъ, Куріона и М. Антонія, послалъ Цезарю приказаніе сдать Галлію. Трибуны бѣжали къ послѣднему и дали ему поводъ обвинить противниковъ въ нарушеніи закона. Цезарь нисколько не расположенъ былъ отдать себя безъ оружія во власть враговъ; его легіоны ждали награды. Въ началѣ 49 г. авангардъ галльской арміи перешелъ Рубиконъ, границу цизальпинской Галліи, и тѣмъ самымъ началъ вторую междоусобную войну.

Междоусобная война.

Несмотря на долгія приготовленія къ разрыву, Помпей оказался неготовымъ, и въ Италіи у него не было достаточныхъ силъ, хотя онъ располагалъ всѣми военными средствами республики на западѣ, востокѣ и югѣ. При этихъ условіяхъ выставлять къ сѣверу сравнительно небольшой отрядъ было прямой ошибкой, которую однако

[1]) Такъ назывались состоявшіе при полководцѣ помощники.

сдѣлали; Цезарь вынудилъ этотъ отрядъ къ сдачѣ и въ два мѣсяца занялъ всю Италію. Это имѣло не только великое нравственное значеніе, но и первостепенную важность съ военной точки зрѣнія, потому что Цезарь оказался въ серединѣ между арміями Помпея и получилъ возможность разобщить ихъ. Помпей принужденъ былъ выбирать между востокомъ и западомъ и рѣшился въ пользу востока. Вмѣстѣ съ большинствомъ сенаторовъ онъ переправился въ Грецію, а Цезарь тѣмъ временемъ повернулъ на западъ, окружилъ испанскіе легіоны и заставилъ ихъ перейти на свою сторону. Несмотря на всѣ ошибки, на сторонѣ Помпея все-таки оставалось численное превосходство. Армія его, наконецъ, собралась на иллирійскомъ берегу, и туда, не теряя времени, переправился и Цезарь, хотя ему пришлось перевозить солдатъ почти безъ припасовъ и багажа, чтобы собрать немедленно на противоположномъ берегу достаточное для дѣйствій войско. Удалось обмануть господствовавшій на морѣ флотъ Помпея и высадиться тамъ, гдѣ противники не ожидали. Но положеніе было все-таки крайне опасно. Цезарь обложилъ Диррахіумъ, главный портъ иллирійскаго берега и складъ запасовъ враждебной арміи. Получилось то же расположеніе силъ, какъ при Алезіи. Вокругъ города укрѣпилось на обѣ стороны войско Цезаря, а за нимъ сталъ Помпей. Но теперь пришлось имѣть дѣло не съ кельтами, а съ римскими легіонами. Послѣ неудачнаго столкновенія съ Помпеемъ Цезарь принужденъ былъ снять осаду. Онъ пошелъ на востокъ, въ надеждѣ уничтожить помпеянскій отрядъ, шедшій изъ Македоніи. Помпей послѣдовалъ за противникомъ, и при Фарсалѣ, въ Θессаліи, произошло генеральное сраженіе (48 г.). Пѣхота легіоновъ сражалась съ одинаковой храбростью на той и на другой сторонѣ. Кавалерія Помпея была гораздо многочисленнѣе и стала заѣзжать въ тылъ боевой линіи Цезаря. Но на этотъ случай были приняты мѣры. На помпеянцевъ вдругъ бросилось нѣсколько отборныхъ

когортъ[1]), которыя Цезарь держалъ въ запасѣ. Пораженіе довершили германскіе всадники навербованные Цезаремъ во время галльскихъ походовъ. При первыхъ признакахъ бѣгства Помпей уѣхалъ съ поля сраженія. Онъ отправился въ Египетъ, но былъ тамъ убитъ, по приказанію царя Птоломея. Цезарь съ незначительнымъ отрядомъ послѣдовалъ за Помпеемъ въ Египетъ и чуть не погибъ самъ. Онъ вмѣшался въ распрю между Птоломеемъ и его сестрой Клеопатрой въ пользу послѣдней. Населеніе Александріи окружило его со всѣхъ сторонъ, и онъ пять мѣсяцевъ съ величайшимъ трудомъ отбивался въ царскомъ замкѣ и театрѣ, пока къ нему не пришло подкрѣпленіе изъ Малой Азіи. Во время этой борьбы сгорѣла знаменитая александрійская библіотека.

Послѣ побѣды надъ египтянами въ нѣсколько дней былъ оконченъ походъ противъ сына Митридата Фарнака, который вторгся въ римскія провинціи[2]). Затѣмъ предстояло уничтожить значительныя силы помпеянцевъ, собравшіяся въ Африкѣ. При Тапсѣ онѣ были разбиты, и всѣ предводители сами покончили съ собою, въ томъ числѣ Катонъ Младшій, послѣдній представитель стараго республиканскаго духа. Еще разъ собрались помпеянцы въ Испаніи подъ начальствомъ сыновей Помпея и бывшаго легата Цезаря Лабіена. При Мундѣ Цезарь далъ свое послѣднее сраженіе, и побѣда досталась ему труднѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ лично велъ въ атаку свои когорты и одержалъ верхъ, только благодаря нумидійской конницѣ (45 г.).

Реформы Цезаря.

По возвращеніи въ Римъ Цезарь занялся устройствомъ разстаннаго смутами государства. Ему была передана

---

[1]) Когорта — отрядъ въ 500 человѣкъ; въ легіонѣ десять когортъ.

[2]) Къ этой войнѣ относится знаменитое донесеніе Цезаря сенату: veni, vidi, vici.

сенатомъ и народомъ власть еще болѣе исключительная, чѣмъ та, которою пользовался Сулла. Онъ былъ назначенъ диктаторомъ и цензоромъ на всю жизнь, консуломъ на десять лѣтъ; ему былъ предоставленъ титулъ вождя-побѣдителя — императора, какъ собственное имя, а вмѣстѣ съ тѣмъ начальство надъ всѣми войсками республики. Особѣ его была присвоена священная неприкосновенность трибуна (sacrosanctus). Онъ получилъ право носить постоянно лавровый вѣнокъ и пурпурную мантію тріумфатора. *Въ силу своихъ разнообразныхъ полномочій Цезарь могъ коснуться своими преобразованіями всѣхъ сторонъ жизни* и обнаружилъ при этомъ не меньшую энергію и геніальную прозорливость, нежели въ своихъ походахъ.

Послѣ ужасныхъ примѣровъ маріанскихъ избіеній и прокрипцій Суллы Римъ и Италія съ трепетомъ ожидали рѣзни и насилій. Побѣдитель не только самъ проявилъ великодушіе, но отказался отъ всякой мести и старался всѣми мѣрами привлечь къ себѣ помпеянцевъ и республиканцевъ; *онъ сумѣлъ сдержать своихъ солдатъ* — подвигъ почти невѣроятный, въ виду одичанія и своеволія войска. При этомъ ему пришлось даже ссориться съ ветеранами. Между прочимъ, взбунтовался знаменитый десятый легіонъ, лучшая часть войска Цезаря. Но императоръ настоялъ на своемъ и не допустилъ никакихъ злодѣяній. Конечно, онъ наградилъ ветерановъ, но главная награда — надѣленіе землей — была поставлена въ связь съ *колонизаціонными мѣрами*, которыя касались не однихъ солдатъ. Въ данномъ случаѣ Цезарь продолжалъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ политику, намѣченную всей исторіей республики и въ особенности сказавшуюся *въ реформѣ Тиберія Гракха*. До 80.000 недостаточныхъ гражданъ были направлены въ колоніи. Эта эмиграція[1]), съ одной стороны, устранила значительную часть вреднаго пролетаріата, а съ другой — сильно спо-

[1]) Выселеніе.

собствовала романизаціи провинцій — проникновенію ихъ римскимъ образованіемъ и порядками. Дальнѣйшее развитіе получила также *идея Кая Гракха о дарованіи права гражданства народностямъ, принявшимъ римскую культуру.* Галлія по сю сторону По пріобрѣла полное уравненіе съ римлянами; остальная цизальпинская Галлія получила такъ называемое латинское право, т. е. то же гражданство съ нѣкоторыми ограниченіями. *Такимъ образомъ, намѣчался великій планъ постепеннаго распространенія римскаго права на весь міръ въ зависимости отъ распространенія римской образованности.* Кругозоръ Цезаря былъ слишкомъ широкъ для того, чтобы подчинить интересы міра эгоизму одного города или одной области. Самую римскую образованность онъ понималъ, не какъ исключительное господство чисто римскихъ началъ: въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ онъ признавалъ *превосходство эллинизма* и содѣйствовалъ его усвоенію самими римлянами[1]). Онъ даже заботился *о возрожденіи культурныхъ и торговыхъ центровъ, разрушенныхъ римскимъ оружіемъ.* Имѣлось въ виду возстановить Коринѳъ и Карѳагенъ въ прежнемъ величіи. Тѣмъ не менѣе Цезарь цѣнилъ значеніе римскихъ учрежденій и права. Его муниципальный законъ (lex Jula municipalis) представлялъ тщательный пересмотръ городского устройства и *много содѣйствовалъ развитію муниципальной общины*, распространеніе и вліяніе которой сдѣлалось самымъ могущественнымъ средствомъ для перенесенія римской культуры въ провинціи. Для обузданія произвола провинціальныхъ намѣстниковъ были изданы строгія правила противъ вымогательствъ и насилій. Наконецъ, Цезарь составилъ обширные *планы для того, чтобы поднять благосостояніе* различныхъ областей и въ особенности Италіи. Имѣлось въ виду проложить новыя дороги, устроить водопроводы, осушить болота.

[1]) При помощи александрійскихъ ученыхъ Цезарь произвелъ, между прочимъ, исправленіе календаря. Юліанскій календарь, какъ извѣстно, до сихъ поръ дѣйствуетъ у насъ въ Россіи.

По сравненію съ этими великими мѣрами и предпріятіями *дѣятельность Цезаря въ самомъ Римѣ представляется второстепенной.* Стѣснены были раздачи хлѣба, изданы постановленія противъ роскоши и насилій (lex Julia sumptuaria, lex Julia de vi). Сенатъ, уже много потерявшій во время гражданскихъ войнъ, былъ поставленъ въ совершенно зависимое положеніе: число членовъ его было сразу увеличено до 900. Въ него было записано много незнакомыхъ съ государственными дѣлами офицеровъ и только что получившихъ гражданство провинціаловъ. Очевидная цѣль Цезаря была — *отнять у сената его прежнее значеніе и обратить его въ государственный совѣтъ при себѣ.* Комиціи были сохранены, хотя выборы магистратовъ и законодательство направлялись указаніями Цезаря. И въ сохраненіи комицій, и въ самомъ характерѣ присвоенной побѣдителемъ власти — въ соединеніи нѣсколькихъ республиканскихъ должностей — сказывалось могущественное вліяніе вѣковыхъ преданій республики. *Цезарь былъ и диктаторомъ, и консуломъ, и цензоромъ, и императоромъ, но не былъ царемъ.* Его статую поставили рядомъ со статуями царей; его сторонникъ М. Антоній предлагалъ ему на форумѣ царскую корону. Но Цезарь не рѣшился ее взять въ виду ропота народа. Это отреченіе было, впрочемъ, только отсрочкой. Цезарь подготовлялъ мало-по-малу почву для возстановленія царской власти. Онъ собирался въ походъ на парѳянъ и по этому случаю распространялъ предсказаніе, что надъ парѳянами одержитъ побѣду царь. *Но республика коренилась не въ одномъ настроеніи простого народа: отъ нея трудно было отказаться руководящимъ семьямъ и людямъ*, которые привыкли привыкли управлять государствомъ, а не подчиняться государю. Среди сенаторовъ составился заговоръ, въ которой вступило около шестидесяти человѣкъ, помилованныхъ приверженцевъ Помпея, надѣявшихся выдвинуться послѣ паденія диктатора. Во главѣ стояли: хитрый, завистливый Кассій и безукоризненно честный

М. Юній Брутъ, котораго Цезарь особенно полюбилъ и приблизилъ въ послѣднее время. Успѣху заговора содѣйствовало презрѣніе Цезаря ко всякимъ мелкимъ мѣрамъ предосторожности. Какъ многіе великіе люди, онъ вѣрилъ въ свое историческое назначеніе и былъ фаталистомъ[1]) относительно своей личной жизни. Онъ былъ выше мести и выше подозрѣній. Но какъ ни великъ человѣкъ, его смертная личность подвергается всѣмъ случайностямъ обыкновеннаго людского существованія. Цезарю предсказывали смерть въ «иды марта», ему было дано нѣсколько предостереженій, но онъ не обратилъ на нихъ вниманія, и въ «иды марта» (15 марта) 44 года отправился въ сенатъ. Заговорщики убили его тамъ кинжалами.

Второй тріумвиратъ.

Смерть Цезаря произвела въ первое время всеобщее смятеніе и полный безпорядокъ: всѣ приниженныя имъ силы и второстепенные дѣятели поднялись со своими притязаніями. Всѣ и каждый преслѣдовали свою особую политику: убійцы Цезаря, умѣренная партія среди сенаторовъ, Маркъ Антоній, какъ ближайшій къ убитому императору военачальникъ, девятнадцатилѣтній Октавіанъ, какъ племянникъ и пріемный сынъ Цезаря[2]) — сражались и вступали въ соглашенія между собою. Но мало-по-малу выяснилось одно главное условіе. *Императоръ былъ убитъ, но его войско осталось, и оно требовало утвержденія его распоряженій и наказанія убійцъ.* На этой почвѣ составился второй тіумвиратъ (43 г.) между Антоніемъ, Октавіаномъ и М. Лепидомъ, проконсуломъ Испаніи и южной Галліи. Въ отличіе отъ перваго этотъ второй тріумвиратъ *не былъ простымъ частнымъ соглашеніемъ*, а признанъ былъ народомъ, который въ комиціяхъ передалъ тріумвирамъ полномочіе устроить государство (tri-

[1]) Человѣкъ, который считаетъ, что жизнь направляется не планами и мѣрами людей, а не зависящей ни отъ кого судьбой.

[2]) Сынъ родной племянницы и К.-Октавія.

umviri reipublicae constituendae). Главная сила все-таки была въ войскѣ, и если Цезарю удалось сдержать свою армію въ повиновеніи и порядкѣ, то этого не въ состояніи были сдѣлать тріумвиры. При томъ они не прочь были нагнать страхъ на общество, такъ какъ великодушіе Цезаря оказалось гибельнымъ. *Первымъ послѣдствіемъ союза были проскрипціи*, которыя ужаснымъ кровопролитіемъ и грабежомъ мало уступали расправѣ Суллы. Затѣмъ обратились противъ убійцъ Цезаря. Собравшееся въ Греціи подъ начальствомъ Брута и Кассія республиканское войско было разбито тріумвирами при Филиппахъ, и оба вождя его сами покончили съ собою (42 г.). Послѣ этой побѣды оставалось только дѣлить міръ. Незначительнаго Лепида скоро устранили, Октавіанъ взялъ Западъ съ Италіей, Антоній — Востокъ съ Греціей. Первый уничтожилъ послѣдніе остатки помпеянцевъ побѣдой надъ Секстомъ Помпеемъ, сыномъ тріумвира, утвердившимся было въ Сициліи и Сардиніи; затѣмъ онъ усмирилъ полудикія племена въ восточныхъ Альпахъ и Дальмаціи. Антоній хуже воспользовался своей властью. Это былъ человѣкъ даровитый, но грубый и чувственный. Онъ такъ увлекся египетской царицей Клеопатрой, что ради ея пренебрегалъ важнѣйшими государственными дѣлами. Попытался онъ покорить парѳянъ, но не сумѣлъ справиться съ затрудненіями похода и повернулъ назадъ. Отношенія его къ Октавіану становились съ года на годъ все болѣе натянутыми. *Когда онъ сталъ раздаривать римскія провинціи своимъ дѣтямъ отъ Клеопатры, произошелъ открытый разрывъ.* Антоній располагалъ громаднымъ войскомъ и большими матеріальными средствами, но Октавіанъ помимо арміи имѣлъ за себя непобѣдимое имя Цезаря. Военными дѣйствіями руководилъ за него отличный полководецъ М. Випсаній Агриппа, которому онъ былъ уже обязанъ побѣдой надъ С. Помпеемъ. Въ рѣшительномъ морскомъ сраженіи при Акціумѣ (31 г.) Клеопатра со своими галерами послѣ перваго же столкновенія

обратилась въ бѣгство. Антоній бросился за нею. Оставшійся безъ начальника флотъ былъ, конечно, разбитъ. Сухопутное войско семь дней простояло въ ожиданіи Антонія, а затѣмъ перешло на сторону Цезаря Октавіана. Послѣднему осталась только легкая задача покоренія Египта, а Антоній и Клеопатра покончили самоубійствомъ. Такимъ образомъ, было возстановлено единство римскаго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ единовластіе Цезаря.

Паденіе республики.

Паденіе республики было вызвано не случайнымъ успѣхомъ какого-нибудь честолюбца, а силою обстоятельствъ. Совершилось оно несразу: диктатура Суллы, исключительныя полномочія Помпея подготовили императорскую власть Цезаря и его пріемнаго сына. Главнымъ орудіемъ противъ республики было, конечно, войско, поставившее своего полководца выше государственныхъ учрежденій. Но войско рѣшилось на это не изъ однихъ своекорыстныхъ побужденій. Чтобы вести міровыя войны въ родѣ галльской или борьбы съ Митридатомъ, сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ было, дѣйствительно, лучше, чѣмъ постоянныя смѣны командованія подъ вліяніемъ измѣнчиваго настроенія сената и комицій. Самое понятіе римскаго гражданства получило совершенно новый смыслъ, благодаря колонизаціонной политикѣ и принятію союзниковъ въ римское общество. Связь между гражданскими правами и участіемъ въ комиціяхъ по необходимости разрушилась, когда громадное большинство римлянъ очутилось вдали отъ Рима и потеряло возможность подавать свой голосъ. Комиціи, какъ собраніе развращенной столичной черни, сенатъ, какъ собраніе немногочисленныхъ столичныхъ аристократовъ или случайно набранныхъ пособниковъ какого-нибудь полководца, не имѣли никакого нравственнаго права на господство въ государствѣ. *Геніальный Цезарь вполнѣ угадалъ сущность совершившагося переворота, когда въ противоположность интересамъ римскаго города выдвинулъ пользы и нужды римскаго міра.* Въ лицѣ республики пало правительство столичнаго города. Оставалось посмотрѣть, въ какой степени вышедшая изъ войска императорская власть справится съ задачей управленія міромъ.

Глава VIII.
Принципатъ.

Власть Августа.

Побѣда при Акціумѣ передала власть въ руки человѣка, мало похожаго на великаго Цезаря. Октавіанъ былъ совсѣмъ не геній, не обладалъ ни быстротой мысли, ни изобрѣтательностью, ни кипучей энергіей. Но это былъ все-таки крупный и умный дѣятель, который бралъ здравымъ смысломъ, расчетливостью, постоянствомъ и неутомимой рабочей силой. Въ устроеніи государства онъ держался постоянно одного основного направленія — *онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ существенныя права монарха, но не уничтожилъ республиканскихъ формъ*, а сохранилъ даже дѣйствительное значеніе за многими республиканскими учрежденіями, подчинивъ ихъ своему общему надзору. Монархія Октавіана такъ же, какъ и единовластіе Цезаря, произошла вслѣдствіе того, что побѣдоносному полководцу было передано нѣсколько высшихъ магистратуръ и чрезвычайныхъ полномочій.

Въ 27 г. онъ возвратилъ сенату и народу переданную ему, еще какъ тріумвиру, власть «устраивать государство». Въ благодарность сенатъ далъ ему названіе *Августа*[1]) которое должно было обозначать его величіе, или какъ теперь говорятъ въ обращеніи къ монархамъ: «Величество»[2]) Затѣмъ, новый монархъ, конечно, сохранилъ *титулъ и права императора*, т. е. главнаго начальника римскихъ войскъ. Все финансовое управленіе, поскольку оно касалось главнаго государственнаго расхода — содержанія арміи, перешло къ нему. Кромѣ того, онъ распоряжался въ силу той же военной власти государственными землями для надѣленія ветерановъ и вывода колоній. *Въ гражданскомъ управленіи постоянной основой монархіи сдѣлалась трибунская власть*, поставленная выше обыкновеннаго трибуната. Въ силу ея Августъ могъ созывать сенатъ и народъ, останавливать дѣйствія магистратовъ, помогать

[1]) Отъ одного корня съ augeo — умножаю.

[2]) Ср. выраженіе «Августѣйшій», которое до сихъ поръ употребляется относительно особы Государя и членовъ царствующаго дома.

обиженнымъ. Когда требовалось произвести народную перепись, пополненіе сената, оцѣнку имущества, *Августъ принималъ цензорскую власть*. Консульствомъ онъ пользовался рѣдко. Какъ всякій магистратъ, онъ имѣлъ *право суда*, но не обязанъ былъ при этомъ держаться опредѣленныхъ рамокъ въ выборѣ дѣлъ, а могъ рѣшать окончательно всякія дѣла, какъ гражданскія[1]) такъ и уголовныя[2]). Опять-таки, какъ всякій магистратъ, онъ могъ издавать *обязательныя постановленія*, и никто не имѣлъ права отмѣнить или стѣснить эти постановленія, которыя поэтому имѣли значеніе закона, съ той разницей однако, что они дѣйствовали только, пока правилъ издавшій ихъ императоръ.

Республиканскія учрежденія.

Такая власть, была, конечно, громадна, и не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Августъ есть глава государства. *Но сенатъ и комиціи сохраняли при немъ опредѣленныя права. Прежде всего, управленіе провинцій было подѣлено между императоромъ и сенатомъ.* Первый взялъ на себя только тѣ провинціи, которыя находились въ осадномъ положеніи, напр., Галлію, которой угрожали германцы, Сирію съ защитой противъ парѳянъ, сѣверную Испанію, въ которой бунтовали иберскія племена. Кромѣ того, онъ присвоилъ себѣ различныя царства, которыя, какъ, напр., Египетъ, были присоединены Римомъ, но не обращены въ римскую провинцію, а оставлены при старомъ порядкѣ. Большая половина провинцій была оставлена въ завѣдываніи сената, и императоръ вмѣшивался въ ихъ управленіе только въ исключительныхъ случаяхъ. Затѣмъ, сенатъ пріобрѣлъ значеніе уголовнаго судилища, котораго не имѣлъ во время республики. Для общаго веденія дѣлъ императоръ постоянно совѣтовался съ нимъ или съ комиссіей избранныхъ изъ него 15—20 членовъ. *Что касается до народнаго собранія, то его права были сведены скорѣе на формальность.* Комиціи попрежнему

[1]) Т. е. споры о правѣ.
[2]) Т. е. преслѣдованія за обиды и нарушенія правъ.

имѣли право выбора магистратовъ и утвержденія законовъ, но выборы направлялись рекомендаціей императора, да и въ законодательномъ отношеніи приходилось слѣдовать его указаніямъ.

Хотя Августъ оставилъ себѣ, такимъ образомъ, львиную долю и никто не могъ тягаться съ нимъ въ государствѣ, но его власть подвергалась все-таки существеннымъ и своеобразнымъ ограниченіямъ: *все-таки онъ оставался магистратомъ, т. е. поставленникомъ римскаго народа.* Власть свою онъ получилъ по внѣшности отъ сената и комиціи, а по существу отъ войска, которое смотрѣло на себя, какъ на вооруженный народъ. *Оттого эта власть все время сохраняла непрочный, исключительный характеръ.*

Ее возобновляли черезъ каждыя десять лѣтъ новыми народными рѣшеніями, и *не могло быть рѣчи о наслѣдственности.* Чтобы обезпечить ея переходъ къ лицу изъ своего дома, Августъ долженъ былъ позаботиться о передачѣ ему подобныхъ же чрезвычайныхъ полномочій еще при своей жизни. Очень замѣчательно, что новая монархія не имѣла опредѣленнаго *имени* — какъ разъ потому, что она состояла изъ нѣсколькихъ магистратуръ. Слово «императоръ» обозначало только одну ея часть, хотя и важную. Самымъ обыкновеннымъ обозначеніемъ сталъ титулъ princeps, который собственно указывалъ только на первенство среди римскихъ гражданъ[1]). Наконецъ, вслѣдствіе страннаго соединенія монархіи и республики *государь не имѣлъ въ своемъ распоряженіи необходимаго ему служебнаго состава исполнителей.* Большая часть должностей попрежнему замѣщалась сенаторами, а этотъ классъ, несмотря на всѣ пораженія и униженія, сохранилъ большой запасъ самостоятельности. Въ противоположность этимъ сенаторскимъ должностямъ, Августъ начинаетъ выдвигать вполнѣ зависѣвшее отъ него сословіе чиновниковъ, пополнявшееся изъ всадниковъ, плебеевъ и вольноотпущенныхъ; но въ данномъ случаѣ онъ положилъ только начало. Точно также намѣчаются при немъ первые признаки другого важнаго явленія.

---

[1]) Princeps civium Romanorum. Ср. princeps senatus — первый изъ сенаторовъ.

Императору начинаютъ воздавать божескія почести, какъ сверхъестественной силѣ, отъ которой зависитъ порядокъ и благосостояніе общества. Въ этомъ сказывались не только лесть и низкопоклонство: съ точки зрѣнія римскаго политеизма это было естественно, такъ какъ божественность придавалась всѣмъ главнымъ явленіямъ природы и человѣческой жизни. Сначала причислили къ богамъ великаго Цезаря, котораго стали называть Divus Iulius. А затѣмъ въ Римѣ и особенно въ муниципіяхъ и провинціяхъ стали поклоняться генію Августа, т. е. божеству-покровителю Августа. Отсюда былъ легокъ переходъ къ обоготворенію самого Августа, и онъ совершился еще при его жизни.

Внутреннее управленіе.

Августъ пользовался своей громадной властью для блага подданныхъ. Онъ неустанно трудился на пользу государства и положилъ основанія политикѣ послѣдующихъ императоровъ. Главными помощниками его были: Агриппа — для военныхъ дѣлъ и управленія, Цильній Меценатъ — для примиренія партій и образованія новаго круга высшаго общества. Значеніе послѣдняго было очень велико, хотя онъ не имѣлъ никакого офиціальнаго положенія и даже не вступилъ въ сенатъ, а остался всадникомъ. Благодаря ему, главнымъ образомъ, домъ Августа сдѣлался литературнымъ центромъ, къ которому примкнули талантливые писатели, поэты и историки. Этотъ *блескъ образованности* много содѣйствовалъ тому, что остатки республиканской аристократіи примирились со своимъ подчиненнымъ положеніемъ и втягивались въ жизнь при дворѣ новаго государя. Много было сдѣлано также для того, чтобы *укрѣпить религію*, пришедшую въ упадокъ въ смутное время. *Но особенное вниманіе было обращено, по примѣру Цезаря, на подъемъ матеріальнаго благосостоянія и производительныхъ силъ.* Установленіе мира и порядка вокругъ Средиземнаго моря оказалось въ

данномъ случаѣ несравненнымъ благодѣяніемъ: римскій миръ (pax Romana) обезпечивалъ плодотворныя сношенія между областями съ ихъ различными способностями, привычками, продуктами и богатствами. Послѣ тяжкихъ междоусобныхъ войнъ наступило время производительнаго труда и живого обмѣна. Помимо того, что установленъ былъ твердый порядокъ, Августъ много содѣйствовалъ хозяйственному процвѣтанію проведеніемъ цѣлой сѣти прекрасныхъ дорогъ и учрежденіемъ надзора за нѣкоторыми важнѣйшими отраслями промышленности и торговли. Въ особенности заботилось государство о хлѣбной торговлѣ, водоснабженіи и общественныхъ постройкахъ. Великое значеніе ваннъ въ образѣ жизни итальянскаго населенія вызвало, между прочимъ, постройку цѣлаго ряда «*термъ*», въ которыхъ, кромѣ роскошныхъ банъ, устроены были сады и портики[1]) для гулянья.

Внѣшняя дѣятельность.

Забота о провинціяхъ выражалась строгимъ наблюденіемъ за губернаторами и распространеніемъ среди варваровъ римскихъ порядковъ и учрежденій. Особенно много было сдѣлано въ этомъ отношеніи *для Галліи. Изъ полудикаго состоянія она быстро превратилась въ совершенно римскую страну.* Агриппа разбилъ ее на шестьдесятъ областей, городскіе центры которыхъ сохранили свое значеніе даже въ современной Франціи. *Тяжелой обязанностью была оборона культурнаго міра противъ напора варваровъ.* Для этой цѣли служила армія въ 250 000 человѣкъ, расположенная, главнымъ образомъ, по Рейну, Дунаю и Евфрату. Этого числа было достаточно для обороны, но для завоеваній слишкомъ мало. Поэтому Августъ ограничился покореніемъ придунайскихъ странъ и окончательнымъ усмиреніемъ Испаніи. Противъ главныхъ враговъ Рима — парѳянъ и германцевъ — онъ ограничивался обороной. Для поддержанія страха между

[1]) Крытыя колоннады.

германцами пасынки Августа Друзъ и Тиберій нѣсколько разъ совершали удачные походы внутрь Германіи. Но въ 9 г. по Р. Х. римская армія Квинтилія Вара была въ Тевтобургскомъ лѣсу совершенно уничтожена германцами, которыми начальствовалъ херускъ Арминій. Несмотря на то, что Тиберій и сынъ умершаго Друза Германикъ жестоко отомстили за это пораженіе, *римская граница была окончательно отведена къ Рейну и Дунаю*[1]).

Семья Августа.

При великомъ значеніи личности императора въ управленіи крайне важнымъ являлся вопросъ о томъ, къ кому перейдетъ его власть. Семейная жизнь Августа сложилась несчастливо. Сыновей у него не было, а между внуками — сыновьями дочери Юліи и М. Випсанія Агриппы, съ одной стороны, третьей женой Ливіей и ея сыномъ Тиберіемъ[2]), съ другой — начались раздоры, которые кончились смертью внуковъ, какъ говорили въ Римѣ, — отъ яда. Августъ не любилъ Тиберія, но принужденъ былъ признать его административныя[3]) и военныя способности, и въ старости намѣтилъ его своимъ преемникомъ, даровавъ ему трибунскую и проконсульскую власть.

Тиберій.

Въ 14 г. по Р. Х. умеръ Августъ, и Тиберій, по приглашенію сената и послѣ нѣкотораго притворнаго колебанія, вступилъ въ его права. Легіоны на Рейнѣ и Дунаѣ дали при этомъ почувствовать, что они смотрятъ на себя, какъ на главную основу правительства. Солдаты

---

[1]) За исключеніемъ юго-западнаго угла Германіи (отъ Регенсбурга до Майнца), который былъ защищенъ укрѣпленіями и засѣками. Это — такъ называемые agri decumates.

[2]) Либія была сначала за-мужемъ за Т. Клавдіемъ Нерономъ и имѣла отъ этого брака сыновей Тиберія и Друза. Послѣдній умеръ еще при жизни Августа.

[3]) Администрація — управленіе.

потребовали сокращенія сроковъ службы, прибавки жалованья, а рейнская армія собиралась даже провозгласить императоромъ своего полководца Германика; подавленіемъ этого опаснаго движенія Тиберій былъ обязанъ, главнымъ образомъ, самому Германику. Въ государственномъ управленіи Тиберій оказался достойнымъ преемникомъ Августа — осторожнымъ, бережливымъ, внимательнымъ къ нуждамъ провинцій и хорошо знакомымъ съ ихъ особенностями. Не измѣняя по существу правительственной власти, онъ устранилъ нѣкоторыя противорѣчія между новой монархіей и остатками республики: *выборы магистратовъ были переданы изъ комицій въ сенатъ*; *законодательство было сведено на постановленія сената и указы императора*. Поэтому со времени Тиберія комиціи окончательно потеряли значеніе, а сенатъ, напротивъ, получилъ еще большую важность, чѣмъ при Августѣ. Къ сожалѣнію, Тиберій соединялъ съ несомнѣнными достоинствами подозрительность и жестокость. Едва онъ сдѣлался императоромъ, какъ начались въ сенатѣ *процессы объ оскорбленіи величества*. Было два-три случая, что члены знатныхъ семействъ, въ особенности родственники дома Цезарей, увлекались честолюбивыми замыслами и составляли заговоры противъ Тиберія; но большею частью преслѣдованія возникали изъ за необдуманнаго поступка или неосторожнаго слова. Одного всадника обвинили въ томъ, что онъ продалъ вмѣстѣ съ имѣніемъ статую Августа; историка Кремуція Кодра осудили за то, что онъ съ уваженіемъ высказался о Брутѣ и Кассіи. Политическими обвиненіями занимались доносчики, которые готовы были изъ корысти погубить всякаго, такъ какъ въ награду за доносъ имъ доставалась часть конфискованнаго имущества жертвы. Главнымъ пособникомъ Тиберія въ этихъ кровавыхъ расправахъ былъ префектъ преторія (начальникъ гвардіи) Сеянъ. Но онъ самъ возмечталъ породниться съ императоромъ и получить право на наслѣдованіе; тогда Тиберій послалъ сенату приказаніе заключить его въ тюрь-

му, и сенаторы, только что преклонявшіеся передъ Сеяномъ, съ удовольствіемъ приказали казнить его. Послѣдніе годы Тиберій не жилъ въ Римѣ — онъ поселился на живописномъ островѣ Капри, противъ Неаполя, и оттуда сносился по дѣламъ съ сенатомъ. Люди стали ему ненавистны, и онъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не выходилъ изъ дому. Семейныя отношенія Тиберія сложились не лучше, чѣмъ у Августа: сынъ Друзъ умеръ, племянникъ Германикъ, военнымъ успѣхамъ и популярности котораго онъ самъ завидовалъ, также внезапно скончался въ Египтѣ; вдова его Агриппина, внучка Августа[1]), подозрѣвала Тиберія въ убійствѣ мужа и относилась къ нему съ нескрываемой ненавистью. Тиберій заточилъ ее на пустынный островъ, гдѣ она сама себя уморила голодомъ; старшіе сыновья ея были умерщвлены. Третьяго сына Германика и Агриппины — Кая Калигулу Тиберій приблизилъ однако къ себѣ и назначилъ своимъ преемникомъ.

Кай Калигула.

Въ 37 г. умеръ Тиберій; сенатъ немедленно провозгласилъ императоромъ Калигулу. Новый государь скоро показалъ, что онъ понимаетъ свое положеніе совершенно иначе, нежели его предшественникъ. Тотъ отказался отъ божескихъ почестей; *Калигула больше всего гордился тѣмъ, что по прямой линіи происходитъ отъ Цезаря и Августа, считалъ себя богомъ* и проявлялъ свою божественность произволомъ и сумасбродствомъ въ обращеніи съ людьми и дѣлами. Особенно охотно называлъ онъ себя латинскимъ Юпитеромъ (Iupiter Latiaris). Жизнь и честь подданныхъ не имѣли для него никакого значенія; казни и убійства сдѣлались еще болѣе частыми, чѣмъ при Тиберіи, и производились съ какой-то дерзкой насмѣшливостью; разъ, напримѣръ, Калигула велѣлъ казнить утромъ одного молодого человѣка, а къ обѣду пригласилъ его отца. Но

[1]) Родителями ея были М. Випсаній Агриппа и Юлія, дочь Августа.

сумасбродный тиранъ властвовалъ только четыре года. Противъ него составился заговоръ, и онъ былъ убитъ.

Клавдій.

На этотъ разъ новаго императора провозгласилъ не сенатъ, а преторіанцы. Они выбрали Клавдія, брата Германика, кропотливаго ученаго, который до тѣхъ поръ старательно держался вдали отъ опасныхъ государственныхъ дѣлъ. Сдѣлавшись императоромъ, онъ сталъ заниматься управленіемъ такъ же добросовѣстно, какъ прежде своими книгами. Во внѣшней политикѣ онъ оставилъ память устройствомъ римской провинціи въ *Великобританіи*; во внутренней — при немъ усовершенствовалась *императорская канцелярія*, многочисленныя дѣла которой распредѣлились между вольноотпущенными. Великимъ зломъ оказались опять интриги и преступленія въ семьѣ императора. Первая его жена Мессалина проводила время въ позорныхъ кутежахъ, которыхъ не замѣчалъ одинъ Клавдій. Дерзость ея дошла до того, что она даже обвѣнчалась съ однимъ римскимъ всадникомъ. Вольноотпущенники, наконецъ, донесли обо всемъ Клавдію, и онъ велѣлъ ее казнить. Во второй разъ онъ женился на своей племянницѣ Агриппинѣ Младшей, дочери Германика и Агриппины Старшей. Тутъ повторилась исторія Ливіи. Агриппина отстранила отъ Клавдія его сына отъ перваго брака и побудила его усыновить ея сына отъ перваго мужа[1]).

Неронъ.

Послѣ смерти Клавдія преторіанцы провозгласили этого пріемнаго сына императоромъ подъ именемъ Нерона. Безчеловѣчный произволъ Калигулы соединялся въ немъ съ легкомысленнымъ тщеславіемъ. Онъ отравилъ Британника, погубилъ мать, жену, своего воспитателя Сенеку, префекта преторіанцевъ, которому былъ обязанъ своимъ

[1]) Сына Агриппины и Домиція Агенобарба.

возвышеніемъ, и тысячи другихъ, менѣе извѣстныхъ лицъ, вызывавшихъ его гнѣвъ или корыстолюбіе. *Его злодѣянія отзывались не только на приближенныхъ или римлянахъ, но и на провинціяхъ.* Послѣ пожара, уничтожившаго большую часть Рима, онъ выстроилъ городъ въ гораздо лучшемъ видѣ, но для этого подвергъ провинціи всевозможнымъ вымогательствамъ. Высшимъ честолюбіемъ этого изверга было одерживать побѣды въ состязаніи колесницъ и прослыть великимъ пѣвцомъ. Увѣряли, что во время римскаго пожара онъ любовался имъ съ крыши своего дворца и при этомъ воспѣвалъ разрушеніе Трои. Римскій императоръ открыто предпочиталъ римлянамъ грековъ за то, что послѣдніе умѣли лучше цѣнить его артистическія дарованія. Заговоры въ столицѣ не имѣли сначала успѣха, но возстаніе испанскихъ и галльскихъ легіоновъ вызвало отпаденіе преторіанцевъ, и тогда сенатъ объявилъ Нерона врагомъ отечества. Неронъ тотчасъ обратился въ бѣгство и, когда его стала настигать погоня, покончилъ съ собою. Вмѣстѣ съ нимъ прекратилась династія императоровъ изъ дома Юліевъ и Клавдіевъ (68 г.).

Флавіи.

Несмотря на злодѣянія императоровъ, все населеніе римскаго міра было проникнуто сознаніемъ, что императорская власть необходима для поддержанія порядка. Вопросъ былъ только въ томъ, кому удастся захватить бразды правленія. Сенатъ провозгласилъ императоромъ испанскаго проконсула Гальбу, преторіанцы выставили Оттона, германскіе легіоны — Вителлія, сирійскіе легіоны — Т. Флавія Веспасіана; послѣ смутъ, продолжавшихся около года, послѣдній одержалъ верхъ. Принципатъ его былъ утвержденъ сенатомъ и комиціями въ формѣ опредѣленнаго закона (lex regia), по которому Веспасіанъ получилъ власть Цезаря, Августа и Клавдія. О Каѣ Калигулѣ и Неронѣ упомянуто не было. Новый государь принялъ названія Цезаря и Августа, какъ обозначенія

своего достоинства. Онъ былъ незнатнаго происхожденія и выдвинулся службою въ легіонахъ. Какъ правитель, онъ принесъ великую пользу, потому что *возстановилъ порядокъ и поправилъ финансы*. На его денежныя взысканія жаловались, но они были необходимы. При немъ окончилась упорная іудейская война. Палестина со временіи Помпея находилась въ зависимости отъ Рима, но сохранила собственное управленіе. Военная власть принадлежала династіи Иродовъ, но Іерусалимъ и его храмъ, какъ народныя святилища, находились въ завѣдываніи священническаго сословія. Религія являлась самой могущественной силой въ жизни народа, и, хотя по практическимъ соображеніямъ евреи принуждены были примиряться съ властью римскаго Цезаря и подчиняться проконсуламъ и прокураторамъ[1]), но они презирали языческое многобожіе, и время отъ времени ненависть ихъ къ чужеземному господству прорывалась возстаніями. Вымогательства Нерона и сирійскихъ проконсуловъ вызвали самое сильное изъ этихъ возстаній, которое сначала ознаменовалось пораженіями римлянъ. Но, конечно, маленькая Іудея не могла успѣшно сопротивляться силѣ Рима. Веспасіанъ покорилъ страну и стѣснилъ населеніе въ Іерусалимѣ. Когда онъ сдѣлался императоромъ, войну продолжалъ его сынъ Титъ, и послѣ отчаяннаго сопротивленія взялъ Іерусалимъ. Даже послѣ того, какъ римляне ворвались въ городъ, его защитники продолжали отбиваться въ храмѣ и сіонскомъ замкѣ. Они не принимали пощады; послѣдніе оставшіеся сами убивали себя и бросались на копья римлянъ. Раздраженные побѣдители разрушили храмъ и городъ (70 г.).

Другой важный успѣхъ былъ одержанъ надъ возставшими прирейнскими племенами галловъ и германцевъ. Вызвано было это движеніе безпорядками во время борьбы

[1]) Прокураторами назывались управляющіе императора; имъ порученъ былъ сборъ его доходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могли быть переданы военныя и судебныя полномочія. Понтій Пилатъ былъ прокураторомъ Тиберія въ Іудеѣ и Галилеѣ.

за императорскую власть, когда рейнскіе легіоны, поддержавшіе Вителлія, оставили границу и двинулись въ Италію. Во главѣ возставшихъ стоялъ батавъ Цивилисъ, долго командовавшій германскимъ отрядомъ въ римскомъ войскѣ. Для привлеченія кельтовъ мятежники провозгласили «*галльскую имперію*» (imperium Galliarum). Полководецъ Веспасіана Цереалъ разъединилъ кельтовъ и германцевъ и этимъ обезпечилъ себѣ побѣду.

Третья война эпохи Флавіевъ велась въ Британіи и закончилась только при младшемъ сынѣ Веспасіана Домиціанѣ, получившемъ власть послѣ короткаго господства Тита[1]). Завоеваніе Клавдія было непрочно и ограничивалось только южной частью острова. При Неронѣ бритты избили римскихъ переселенцевъ, и съ тѣхъ поръ борьба не прекращалась. Полководецъ Флавіевъ Агрикола добился, наконецъ, рѣшительныхъ успѣховъ, а главное, положилъ начало романизаціи[2]) острова. Домиціанъ однако не далъ ему довершить его полезное дѣло. Изъ ревности къ заслугамъ Агриколы онъ отозвалъ его изъ Британіи.

При Домиціанѣ возобновились жестокости и насилія, которыя привели къ уничтоженію дома Юліевъ и Клавдіевъ Онъ не былъ похожъ на отца, вѣрнаго служителя государства, и на брата, который говорилъ, что считаетъ потереннымъ день, когда не пришлось совершить добраго дѣла. Отъ Домиціана бѣжали, какъ отъ дикаго звѣря. Въ 96 г. онъ палъ отъ руки убійцы.

Нерва и Траянъ.

На мѣсто Домиціана былъ избранъ Нерва, старый сенаторъ, который при своемъ вступленіи далъ присягу не казнить сенаторовъ по произволу, безъ суда. Но онъ скоро почувствовалъ, что не въ состояніи будетъ справиться съ тяжелыми обязанностями императора, и усыновилъ самаго выдающагося изъ полководцевъ того времени

---

[1]) При послѣднемъ произошло изверженіе Везувія, отъ котораго погибли Помпея и Геркуланумъ.

[2]) Романизація — распространеніе въ покоренной странѣ римской культуры.

— Ульпія Траяна. Возвышеніе послѣдняго было замѣчательно въ томъ отношеніи, *что онъ былъ уроженецъ не Рима и даже не Италіи, а родился въ Испаніи, въ семьѣ римскихъ колонистовъ, поселенныхъ тамъ Сципіономъ Старшимъ*. Траянъ вполнѣ оправдалъ выборъ Нервы — онъ довелъ военное могущество имперіи до его крайнихъ предѣловъ и не менѣе успѣшно управлялъ внутренними дѣлами государства. Главнымъ его военнымъ подвигомъ было уничтоженіе царства даковъ, занимавшихъ теперешнюю Румынію, Бессарабію и Трансильванію. На колоннѣ, которая была воздвигнута въ Римѣ по случаю его тріумфа, изображены различные эпизоды этой войны. Императоръ не ограничился побѣдами: онъ заселилъ лѣвый берегъ Дуная колонистами изъ всѣхъ частей римскаго міра, *и его слѣдъ остался до сихъ поръ въ Европѣ въ видѣ румынскаго народа*, созданнаго въ это время и сохранившаго свой романскій характеръ, языкъ и имя, несмотря на всѣ перевороты исторіи. Изъ неутомимыхъ заботъ Траяна о населеніи имперіи особенно замѣчательна *организація благотворительности:* государство открывало кредитъ нуждающимся землевладѣльцамъ, а на проценты съ отданныхъ взаймы капиталовъ воспитывало тысячи бѣдныхъ дѣтей. Въ концѣ своего принципата Траянъ предпринялъ походъ для возстановленія римскаго могущества въ Азіи. Онъ завоевалъ Арменію, двинулся противъ парѳянъ и одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ; но ему все-таки не удалось покорить ихъ окончательно. Онъ принужденъ былъ отступить въ Малую Азію и во время отступленія умеръ (117 г.).

Адріанъ.

Преемникомъ его сирійскіе легіоны провозгласили также испанскаго римлянина Элія Адріана. Онъ не счелъ возможнымъ продолжать военныя предпріятія Траяна, помирился съ парѳянами и старался только о томъ, чтобы удержать прежнія границы. Зато онъ съ большимъ рве-

ніемъ занимался внутреннимъ управленіемъ. Подобно Траяну, онъ поддерживалъ отличныя отношенія съ сенатомъ и не допускалъ вліянія придворныхъ интригъ на дѣла. *Особенно много было сдѣлано для развитія чиновничьяго класса, зависѣвшаго прямо отъ императора* и мало-по-малу вытѣснявшаго старыя магистратуры: были установлены правила дѣлопроизводства, старшинство по службѣ, учреждены многочисленныя новыя должности. Адріанъ почти все время проводилъ въ путешествіяхъ, былъ и въ Египтѣ и на Дунаѣ, и въ Британіи, и въ Месопотаміи; это давало ему возможность повсюду провѣрять дѣятельность своей администраціи. Но императоромъ, кромѣ того, руководила ненасытная любознательность. *Онъ былъ проникнутъ идеей великаго культурнаго единства подчиненныхъ ему странъ*, которыя при всемъ разнообразіи климата и природы, при глубокихъ противорѣчіяхъ въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, при вѣковой борьбѣ историческихъ теченій всѣ соединились въ римской имперіи, подобно тому, какъ рѣки вливаются въ море.

Если въ Траянѣ вновь возсталъ строгій образъ древняго римлянина — полководца и законодателя, то Адріанъ былъ убѣжденнымъ космополитомъ, гражданиномъ міра: онъ, конечно, проводилъ начала римскаго права и управленія, но въ то же время увлекался глубокомысленными теоріями и словесной ловкостью грековъ, преклонялся передъ религіозными преданіями и суевѣріями Востока. Умъ Адріана напоминалъ тотъ садъ, который императоръ устроилъ себѣ въ окрестностяхъ Рима: въ причудливыхъ аллеяхъ были нагромождены сокровища искусства со всего міра, вырванныя изъ естественной обстановки и какъ бы удивленныя, что встрѣтились другъ съ другомъ.

Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій.

Вслѣдъ за Адріаномъ управлялись съ такимъ же рвеніемъ и съ большимъ благодушіемъ Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій. Послѣдній оставилъ по себѣ память, не только какъ императоръ: онъ былъ философъ стоической

школы[1]), которая выше всего цѣнила самообладаніе и служеніе разумно сознанному долгу. И Маркъ Аврелій былъ во всемъ вѣренъ своему философскому идеалу — *въ императорской власти онъ видѣлъ не удовлетвореніе самолюбія, не средство для осуществленія личныхъ желаній, а тяжелую и отвѣтственную обязанность*. Онъ сравнивалъ себя съ солдатомъ, который поставленъ въ безсмѣнный караулъ — его освободитъ только смерть. Не одинъ разъ ему приходилось пользоваться принудительными мѣрами, но его мечта была — руководить свободными и равноправными людьми, разумно подчиняющимися закону, а не принужденію. Этому идеалисту, человѣку слабаго здоровья и не любившему войны, досталась на долю постоянная борьба съ врагами внутренними и внѣшними. Сначала пришлось отражать парѳянъ, затѣмъ защищаться противъ новаго передвиженія германцевъ, въ промежуткѣ подавлять возстаніе сирійскаго войска. Маркъ Аврелій справился со всѣми этими задачами, но здоровье его было подорвано постояннымъ напряженіемъ. Онъ умеръ въ дѣлѣ — во время похода противъ напиравшихъ на дунайскую границу маркомановъ (180).

Возвышеніе Северовъ.

Его смертью заканчивается лучшая эпоха римской имперіи. Восемьдесятъ лѣтъ управляли искусные и доблестные государи. Сынъ Марка Аврелія Коммодъ опять впалъ въ распущенность и жестокость, которыя отличали Калигулу, Нерона, Домиціана.

Особенно пострадалъ при немъ сенатъ, съ которымъ такъ согласно жили предшественники Коммода. Императоръ по-своему стремился къ славѣ — онъ считалъ себя новымъ Геркулесомъ и принималъ участіе въ состязаніяхъ цирка, какъ простой гладіаторъ. Послѣ короткаго правленія онъ палъ жертвой придворнаго заговора, но положеніе государства отъ этого не улучшилось. Правильный

[1]) До насъ дошли его «Разговоры съ самимъ собою» (*Εἰς ἑαυτόν*); они были написаны въ лагерѣ во время войны съ германцами.

переходъ власти былъ нарушенъ, и возстановленіе ея вызвало новыя усобицы. Заговорщики выставили заслуженнаго полководца Пертинакса, но онъ показался преторіанской гвардіи слишкомъ строгимъ. Солдаты убили его и продали императорское достоинство богачу Дидію Юліану. Этотъ позорный торгъ возмутилъ даже римскую чернь. Не подчинились ему и пограничные легіоны.

Дунайская армія въ 193 г. выставила Септимія Севера, который и утвердился императоромъ, но только послѣ кровопролитныхъ войнъ противъ кандидатовъ сирійскихъ и британскихъ войскъ. Новый государь происходилъ изъ африканской колоніи римлянъ, какъ Траянъ и Адріанъ изъ испанской. Онъ не могъ соперничать съ государями II вѣка въ образованности или государственной мудрости, но все-таки много сдѣлалъ для поддержанія порядка и охраны имперіи. Онъ самъ руководилъ тяжелыми походами противъ парѳянъ и бриттовъ. Во время послѣдняго онъ и умеръ. *Септимій Северъ уничтожилъ преторіанскую гвардію*, навербованную изъ уроженцевъ Рима и Италіи, и замѣнилъ ее отрядомъ, составленнымъ изъ всѣхъ легіоновъ. Все войско вообще сохраняло римскій строй и латинскій языкъ, но пополнялось не изъ римлянъ, а изъ болѣе или менѣе романизированныхъ провинціаловъ. Пропасть, отдѣлявшая первоначально гражданина побѣдоноснаго города отъ побѣжденныхъ, все болѣе заравнивалась. Распространялась римская культура, распространялось и гражданство, а при сынѣ Септимія Севера Каракаллѣ исчезла послѣдняя преграда между римлянами и подчинившимися римскимъ учрежденіямъ провинціалами: *указомъ императора римское гражданство было даровано всѣмъ свободнымъ жителямъ имперіи, принадлежавшимъ къ какой-нибудь городской общинѣ*, между прочимъ — и сельскимъ обывателямъ, приписаннымъ къ городамъ. Исключались только варвары, жившіе племенами и не принявшіе римскаго городского порядка.

Этотъ указъ составляетъ великую заслугу Каракаллы. Вообще же онъ дѣйствовалъ согласно совѣту, который отецъ далъ на смертномъ одрѣ ему и брату: «*Одаряйте солдатъ, остальныхъ можете презирать*». Отъ брата Каракалла избавилъ себя убійствомъ, подданныхъ щадилъ не болѣе Домиціана и Коммода, но за солдатами ухаживалъ и ради войска до крайности увеличилъ подати. Умиротворивъ кое-какъ германскія племена, онъ все вниманіе обратилъ на востокъ. Замышлялъ онъ походъ въ Индію и даже въ Китай и для этого предлагалъ парѳянамъ союзъ. Но тѣ не привыкли дѣйствовать заодно съ Римомъ и отвѣчали нападеніемъ. Каракалла не безъ успѣха боролся съ ними, но оказалось, что его поблажки войскамъ ослабили дисциплину: императора зарѣзалъ офицеръ, которому онъ отказалъ въ повышеніи. На нѣсколько мѣсяцевъ власть перешла къ префекту преторія, юристу Макрину. Но онъ не нравился арміи и не умѣлъ руководить ею. Въ войнѣ съ парѳянами начались неудачи, и солдаты съ восторгомъ примкнули къ племяннику Каракаллы со стороны матери, Геліогабалу. Возвышеніе послѣдняго было любопытно тѣмъ, что *новый императоръ не былъ ни полководцемъ, ни знатокомъ права, ни вліятельнымъ римляниномъ:* это былъ юноша, сиріецъ родомъ и первосвященникъ храма Солнца въ Эмесѣ. *Кромѣ родства съ Каракаллой, его выдвигало именно жреческое достоинство.* Восточные культы получили въ это время чрезвычайное распространеніе въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Римское и греческое многобожіе потеряло свою силу: *населеніе искало болѣе глубокихъ религіозныхъ идей и обращалось на востокъ* къ египетской Изидѣ, къ персидскому Митрѣ, къ сирійскому Ваалу. Но появленіе Геліогабала въ Римѣ въ качествѣ наслѣдника Цезаря и Августа было все-таки странно и привело къ великимъ несообразностямъ. Онъ привезъ съ собою священный камень эмесскаго святилища, упавшій, по преданію, съ неба, заявилъ желаніе жениться

на весталкѣ[1]), окружилъ себя женщинами и восточными прислужниками, не обнаруживалъ ни малѣйшей охоты заниматься дѣлами и проводилъ время въ пирахъ. Всѣмъ этимъ Геліогабалъ скоро уничтожилъ расположеніе подданныхъ — его убили, и его мѣсто занялъ двоюродный братъ Александръ Северъ, отличавшійся совершенно противоположными качествами. Это былъ мягкій, добросовѣстный и благородный труженикъ, который, насколько возможно было, возстановилъ значеніе сената и, кромѣ того, образовалъ ближайшій государственный совѣтъ при себѣ. Его сирійское происхожденіе сказывалось только въ томъ, что онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ азіатскимъ вѣрованіямъ, и, между прочимъ, съ полной терпимостью смотрѣлъ на христіанъ. Христіанское ученіе онъ понималъ однако очень мало и полагалъ, что Христа можно включить въ число языческихъ боговъ. Для арміи Александръ былъ слишкомъ кротокъ и нерѣшителенъ. При немъ совершился переворотъ, который требовалъ напряженія именно военной силы: персидское населеніе свергло парѳянскую династію, которая была проникнута греческимъ духомъ. *Персидскій домъ Сассанидовъ, напротивъ, возстановилъ преданія враждебныхъ грекамъ Ахеменидовъ и угрожалъ погибелью эллинистической культурѣ и римскому правленію въ Азіи.* Александръ Северъ предпринялъ противъ новаго персидскаго царства большой походъ. Но эти восточныя экспедиціи вообще плохо удавались римлянамъ; и на этотъ разъ успѣхи были очень недостаточны, и императоръ принималъ мѣры, чтобы стянуть къ Евфрату новыя войска. Во время этихъ приготовленій онъ былъ убитъ своими солдатами (235 г.).

Смуты III вѣка.

Много усобицъ выдержало римское государство до времени Александра Севера; много разъ прерывалась за-

[1]) Жрицы богини очага — Весты, дѣвушки, изъ лучшихъ римскихъ семействъ.

конная передача власти, но прежде всегда удавалось возстановить правительство послѣ довольно короткихъ перерывовъ. Умерщвленіе Александра было началомъ продолжительныхъ безпорядковъ, угрожавшихъ государству гибелью. Дѣло въ томъ, что, какъ показывали событія при Северахъ, *обаяніе Рима было подорвано. Романизація распространилась широко, но поверхностно. Идея единства ослабѣла, а провинціальныя особенности и стремленія выдвинулись впередъ.* Каждая провинція и каждая провинціальная армія провозглашали своего императора. Общимъ послѣдствіемъ была ужасная смута, во время которой враги — персы, готы, аллеманы — врывались въ имперію, побивали римскія войска, грабили внутреннія провинціи. Среди многочисленныхъ «императоровъ», смѣнявшихся, враждовавшихъ другъ съ другомъ и погибавшихъ отъ руки солдатъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, были настоящіе варвары, напримѣръ, германецъ Максиминъ, арабъ Филиппъ, пальмирскій царь Оденатъ. Въ 260 г. случилось неслыханное происшествіе: Сассанидъ Шапуръ разбилъ большое римское войско и взялъ въ плѣнъ императора Валеріана. Послѣ этого имперія совершенно распалась, и почти каждая провинція дѣйствовала на свой страхъ, не обращая вниманія на сосѣднія области. Эту смутную эпоху назвали временемъ тридцати тирановъ по многочисленности такъ называемыхъ императоровъ, которые появились во всѣхъ мѣстахъ вокругъ Средиземнаго моря. Еще разъ однако восторжествовала идея единства: римскій міръ сдѣлалъ великое усиліе, чтобы отстоять свое существованіе. Императору Клавдію удалось нанести пораженіе готамъ, разорявшимъ Балканскій полуостровъ и Малую Азію. Великій полководецъ Авреліанъ *возстановилъ единую имперію* послѣ ряда побѣдъ надъ варварами и соперниками (270 г.). Онъ отвелъ римскіе гарнизоны изъ Дакіи за Дунай, чтобы облегчить оборону границы, но далъ снова почувствовать германцамъ всю силу римскаго оружія, очистилъ имперію отъ само-

званцевъ и началъ дѣйствія противъ восточныхъ непріятелей покореніемъ Пальмиры, лежавшей въ пустынѣ между Сиріей и Месопотаміей. Въ виду вторженій и усобицъ онъ обнесъ Римъ стѣною, которая могла выдержать долгую осаду. Но своеволіе солдатъ не пощадило даже этого образцоваго полководца — его убили во время приготовленій къ походу на персовъ (275 г.). Послѣ нѣкоторыхъ замѣшательствъ императоромъ сдѣлался Пробъ, который оставилъ внутреннее управленіе въ рукахъ сената, а самъ ограничился начальствомъ надъ войсками. Онъ первый сталъ примѣнять на границахъ мѣру, имѣвшую большое вліяніе на дальнѣйшую судьбу имперіи — именно *началъ селить германцевъ цѣлыми племенами на римской территоріи*, обязывая ихъ защищать пограничные округа отъ нашествія другихъ варваровъ. Мѣра была рискованная, но необходимая, потому что силъ имперіи не хватало для борьбы съ напиравшими все сильнѣе непріятелями. Такимъ образомъ, власть Рима еще расширилась и охватила часть германцевъ; но въ то же время *римская культура опускалась все ниже, римское гражданство и войско все болѣе проникались чуждыми элементами.* Въ арміи это выразилось ясно въ измѣненіи ея состава: сначала получили преобладаніе провинціалы, а затѣмъ императоры стали призывать въ ея ряды варваровъ.

Потребность въ реформѣ.

Повсюду чувствовалась потребность въ обширной реформѣ. Отдѣльные люди, даже такіе, какъ Авреліанъ, не могли достигнуть прочнаго улучшенія. Всего яснѣе была необходимость *укрѣпить правительственную власть.* Изъ смутъ республики она вышла въ формѣ могущественнаго, но шаткаго единовластія. Идея принципата, представительства народа однимъ лицомъ — императоромъ, — на практикѣ привела къ тому, что солдаты играли высшею властію. Но были и другія затрудненія, менѣе замѣтныя, но не менѣе опасныя. Еще въ хорошее время имперіи *сталъ замѣчаться среди образованныхъ людей упадокъ политическаго духа*, какая-то усталость и отвращеніе къ

государственной жизни. Для того, чтобы получить годныхъ солдатъ, приходилось обращаться уже не къ исконному населенію Италіи и Греціи, а къ полудикимъ племенамъ. Интересъ и энергія, съ которыми граждане принимали участіе въ дѣлахъ своего города, исчезали; правительство принуждено было во все вмѣшиваться, всѣмъ руководить, всякому приказывать. Служители правительства, многочисленные чиновники и юристы, занимались своимъ дѣломъ со рвеніемъ и знаніемъ, но *все чаще становились жалобы, что они отчуждаются отъ населенія и его жизни, притѣсняютъ его и злоупотребляютъ властью.* Быстрый подъемъ благосостоянія, наступившій вслѣдствіе замиренія Средиземнаго моря, пріостановился, когда начались смуты и почувствовалось возраставшее давленіе варваровъ. Древній міръ переживалъ *хозяйственный переворотъ: ввозъ рабовъ прекратился* вмѣстѣ съ завоеваніями, рабское населеніе въ имперіи вымирало или переходило въ число вольноотпущенниковъ. Само правительство стало иначе смотрѣть на рабовъ, и Адріанъ сдѣлалъ первую попытку охранить ихъ отъ произвола господина: онъ запретилъ убивать ихъ безъ суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ крупные помѣщики принуждены были переходить отъ обработки полей отрядами рабовъ къ сдачѣ участковъ въ мелкую аренду[1]); *оброчный крестьянинъ становился на мѣсто раба.*

Христіанство. Гоненія.

Въ духовномъ отношеніи происходило измѣненіе не менѣе глубокое. Наивная вѣра въ мѣстныхъ боговъ, покровителей римскаго очага, римской вѣрности и удачи, была подорвана. Сначала люди искали спасенія въ египетскихъ, вавилонскихъ, сирійскихъ культахъ, но удовлетвореніе они нашли только въ христіанствѣ.

Уже распространеніе кругозора съ Рима на міръ и знакомство съ многообразными проявленіями религіи у различныхъ племенъ поколебали римское язычество. Неотразимо являлась потребность въ болѣе широкомъ и безусловномъ поклоненіи божеству, и взоры всѣхъ обращались на востокъ, гдѣ богопочитаніе издавна имѣло захватывающій, величественный характеръ. Всѣхъ бо-

[1]) Наемъ земли.

говъ востока испытывали на западѣ — и сирійскую Великую Мать или египетскую Изиду, какъ вѣчно юную кормилицу-природу, которая переживаетъ смерть всѣхъ существъ и никогда не устанетъ производить на свѣтъ новыя существа, и семитскаго Ваала, грознаго повелителя вселенной, и иранскаго Митру, спутника Ормузда въ борьбѣ за правду. Наконецъ, возсіялъ труждающимся и обремененнымъ свѣтъ Христовъ, и новая религія безъ шума разлилась по міру, начиная отъ Іерусалима, черезъ еврейское «разсѣяніе» (*διασπορά*), эллинистическій востокъ и романизованный западъ и до самихъ варваровъ, осаждавшихъ имперію. *Христіанство окончательно разрушало древнее государство, потому что отнимало у него языческую основу — подрывало тождество между гражданской и религіозной общиной.*

Но римское правительство *должно было вооружиться противъ христіанъ, потому что они учили повиноваться властямъ, но Кесарево не считали Божіимъ.* А между тѣмъ поклоненіе государству, его представителю — императору и его офиціальнымъ покровителямъ — богамъ было въ Римѣ догматомъ гражданскаго и религіознаго общежитія. Съ точки зрѣнія убѣжденныхъ римскихъ патріотовъ, христіане, отвергавшіе такое поклоненіе, были враги Рима и, слѣдовательно, враги рода человѣческаго. Здѣсь кроется причина гоненій на христіанъ. Уже Неронъ мучилъ ихъ послѣ римскаго пожара. При Домиціанѣ началось систематическое преслѣдованіе. При Маркѣ Авреліи губернаторы и языческое населеніе погубили немало исповѣдниковъ, и самъ императоръ одобрилъ преслѣдованіе: онъ отстаивалъ языческій Римъ отъ всѣхъ нападеній — какъ отъ силы варваровъ, такъ и отъ проповѣди христіанъ. Александръ Северъ и Филиппъ Арабъ первые испробовали политику терпимости. Но при императорахъ, пытавшихся вывести государство изъ смутъ[1]), преслѣдованіе не разъ возобновлялось съ великой силой: христіанъ бросали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ въ циркѣ и подвергали другимъ казнямъ. Но всѣ эти нападенія не

[1]) Особенно при Деціи и Валеріанѣ.

могли уничтожить брошеннаго въ хлѣбородную почву зерна: рядомъ съ городами возникали подземныя убѣжища новой вѣры, *катакомбы*, въ которыхъ хоронили мучениковъ, совершали богослуженіе, собирались для поученія и молитвы. Рядомъ съ имперіей возникала церковь, которая не возбуждала мятежа и не учила сопротивленію, *но мало-по-малу отвлекала къ себѣ живыя силы общества*, давала ему вѣру и идеалы, между тѣмъ какъ за имперіей оставалось принужденіе и военная сила.

Глава IX.

Распаденіе Имперіи.

Діоклетіанъ.

Необходимыя для имперіи реформы были начаты однимъ изъ преемниковъ Проба — Діоклетіаномъ. Онъ былъ иллиріецъ родомъ и возвысился изъ самаго ничтожнаго положенія — изъ вольноотпущенныхъ. Въ 284 г. онъ сдѣлался императоромъ и тотчасъ принялъ мѣры къ укрѣпленію государственной власти. Для того, чтобы избѣжать вліянія солдатъ и сената, *онъ старался искоренить убѣжденіе, что имперія есть должность, магистратура*; *онъ стремился придать ей характеръ самодержавія* и поставить ее на недосягаемую высоту восточныхъ монархій. Онъ окружилъ себя азіатскимъ придворнымъ церемоніаломъ, сталъ носить вѣнецъ, требовалъ, чтобы передъ нимъ становились на колѣни. Сенатъ окончательно потерялъ свое значеніе. Но въ то же время Діоклетіанъ чувствовалъ, что одному человѣку, дѣйствительно, трудно поддержать эту громадную власть въ предѣлахъ всей имперіи; чтобы избѣжать розни между областями, усобицъ между арміями, возстаній главныхъ полководцевъ, *онъ отказался отъ единства власти и раздѣлилъ имперію между четырьмя правителями*, выбравъ себѣ трехъ товарищей изъ наиболѣе заслуженныхъ полководцевъ того

времени. Себѣ онъ взялъ провинцію къ востоку отъ Адріатическаго моря съ титуломъ Августа, а своему другу Максиміану передалъ западъ съ тѣмъ же самымъ титуломъ. На востокѣ Галерій съ названіемъ Цезаря получилъ подъ главенствомъ Діоклетіана управленіе Иллиріей, а затѣмъ Азіей; другой Цезарь — Констанцій Хлоръ получилъ на западѣ — Галлію, Британію и Испанію. Благодаря этому раздѣленію, каждый изъ правителей получилъ возможность энергично заняться своими ближайшими задачами, хотя всѣ четверо оказывали другъ другу помощь и уговаривались относительно общихъ постановленій. Этотъ довольно сложный порядокъ успѣшно дѣйствовалъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Удалось умиротворить имперію, справиться съ возстаніями въ Галліи, Египтѣ, Африканской провинціи, разбить аллемановъ, вновь завоевать Британію, наконецъ — нанести чувствительное пораженіе персамъ.

Труднѣе было исправить недостатки общественной жизни. *Діоклетіанъ, его товарищи и преемники не нашли иныхъ средствъ, кромѣ подчиненія всѣхъ строгому принужденію и какъ бы военной дисциплинѣ.* Подати въ виду неотложныхъ военныхъ потребностей были доведены до крайняго предѣла, и правительство постоянно слѣдило, чтобы всѣ имущества были обложены, чтобы не было утайки и уклоненій. Частная жизнь людей и ихъ занятія были поставлены подъ строгій контроль. Купцы торговали по приказанію и подъ надзоромъ чиновниковъ и не имѣли права закрыть торговлю или перемѣнить ее безъ особаго разрѣшенія; зажиточные домовладѣльцы и землевладѣльцы были прикрѣплены къ городамъ подъ именемъ *куріаловъ*, чтобы отбывать, какъ повинность, обязанности по городскому управленію и сбору податей; мелкіе арендаторы и рабы, занимавшіеся обработкой полей, были прикрѣплены къ участкамъ.

Владѣльцы имѣній были обезпечены рабочими, но, съ другой стороны, послѣдніе потеряли право измѣнять

хозяйство на своихъ земляхъ и пользоваться земледѣльческими рабами, какъ простыми орудіями. Такъ возникло сословіе *колоновъ*, крѣпостныхъ крестьянъ, которые платили оброки и производили барщинныя работы на помѣщиковъ, но пользовались неотъемлемо своими участками. Усиленіе надзора за обществомъ потребовало увеличенія числа чиновниковъ и расширенія ихъ власти. Кромѣ того, часть полицейскихъ обязанностей была передана крупнымъ помѣщикамъ. Военное командованіе было при этомъ отдѣлено отъ гражданскаго управленія и суда. *Населеніе утратило интересъ и сочувствіе къ жизни государства и стало смотрѣть на него, какъ на враждебную силу, производящую поборы и вымогательства, хотя классъ рабовъ, несомнѣнно, выигралъ отъ правительственнаго вмѣшательства.*

Имперія и церковь.

Всего неудачнѣе была политика Діоклетіана относительно христіанъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на иновѣрцевъ, отказывавшихъ въ поклоненіи государственнымъ богамъ. Жрецы объясняли политическія неудачи и опасности присутствіемъ среди общества такихъ враговъ господствовавшей религіи, указывали особенно на то, что христіане не присоединялись къ почитанію генія императора (numen imperatoris). Діоклетіанъ и его соправители издали указъ, чтобы христіанскія церкви, которыхъ появилось уже немало, были разрушены, епископы и священники заточены, а всѣмъ подозрѣваемымъ въ христіанствѣ предложено принести жертву передъ алтарями боговъ. Въ случаѣ отказа всѣмъ грозила тюрьма и ссылка. При исполненіи указовъ гонители шли гораздо дальше и подвергали исповѣдниковъ пыткамъ и смертной казни; особенно усердствовалъ Галерій. Напротивъ, Констанцій Хлоръ уклонялся отъ строгаго исполненія указа. *Гоненіе Діоклетіана, какъ и предшествовавшія, имѣло единственнымъ послѣдствіемъ очищеніе христіанской общины отъ негодныхъ примѣсей:* люди шаткаго убѣжденія и слабаго характера лицемѣрили и отставали; истинно вѣрующіе

вспоминали страданія Учителя и тѣснѣе смыкались вокругъ крестнаго символа, противъ котораго обращалась ярость языческаго міра. Духовное блаженство исповѣдниковъ среди поруганія и мученія привлекало лучшихъ людей изъ язычниковъ, которые на своей сторонѣ видѣли власть, почетъ, удовольствія — все, кромѣ внутренняго удовлетворенія. Вступая въ борьбу съ непобѣдимой силой христіанскаго идеала, имперія только подкапывала сама себя. *Для того, чтобы ея реформы привели къ какимъ-нибудь послѣдствіямъ, необходимо было примириться съ христіанствомъ и опереться на него.* Это было сдѣлано сыномъ Констанція Хлора Константиномъ, который своимъ подвигомъ заслужилъ названіе Великаго и оказалъ на судьбу міра не меньшее вліяніе, чѣмъ Александръ и Цезарь.

Константинъ Великій.

Діоклетіанъ отрекся отъ имперіи (305 г.), потому что, несмотря на блестящіе внѣшніе успѣхи, чувствовалъ себя усталымъ и неудовлетвореннымъ. Вмѣстѣ съ нимъ отрекся Максиміанъ.

Констанцій Хлоръ вскорѣ умеръ. Правителями остались Галерій и Лициній на востокѣ, сынъ Максиміана Максенцій и сынъ Констанція Константинъ на западѣ. Старикъ Максиміанъ, правда, пытался вновь захватить власть, но потерпѣлъ неудачу и въ Римѣ, и въ Галліи. Точно такъ же неудачно было нападеніе на Римъ Галерія, который хотѣлъ распространить свою власть на западѣ. Вскорѣ послѣ отступленія изъ Италіи онъ умеръ. Но и между оставшимися правителями не было согласія, и неудобство устройства, введеннаго Діоклетіаномъ, сказывалось ясно. Согласіе между четырьмя государями удавалось установить только въ видѣ исключенія, обыкновенно же каждый преслѣдовалъ только свои интересы и стремился подчинить товарища.

Между Константиномъ и остальными императорами возгорѣлась война, въ которой *онъ воспользовался противъ нихъ совершенно новымъ оружіемъ — христіанствомъ.* До сихъ поръ христіане, хотя и представляли великую силу

въ государствѣ, но не вмѣшивались въ политику и не пытались улучшить свое положеніе заговорами или междоусобной войной. Константинъ отъ отца и матери унаслѣдовалъ сочувствіе къ христіанскому ученію. Но онъ первый изъ императоровъ имѣлъ смѣлость открыто разорвать съ язычествомъ и разрѣшить воинамъ-христіанамъ изобразить на своихъ щитахъ первыя буквы имени Христова; наконецъ, онъ самъ выставилъ крестъ на своемъ знамени (labarum). Это былъ шагъ рѣшительный, повлекшій за собой необыкновенно важныя послѣдствія. Армія Константина сдѣлалась средоточіемъ новаго ученія, и ея военная сила возрасла отъ присутствія въ ней религіознаго одушевленія.

Война кончилась взятіемъ Рима, и современники видѣли въ этомъ успѣхѣ побѣду Христа надъ Юпитеромъ Капитолійскимъ. Въ 312 г. Константинъ и Лициній вмѣстѣ издали *миланскій эдиктъ*[1]), которымъ всякому въ имперіи разрѣшалось слѣдовать своему религіозному убѣжденію. Съ христіанъ снимались всѣ принужденія и кары, которымъ они подвергались до тѣхъ поръ. Христіанство еще не было провозглашено государственной религіей, но по крайней мѣрѣ было уравнено въ правахъ съ язычествомъ. Противъ этого переворота возсталъ продолжатель политики Галерія, цезарь Азіи, Максиминъ Даза. Сражавшіяся противъ него войска Лициніа молились передъ битвой единому Богу, правителю міра. Въ этой молитвѣ могли соединиться христіане и просвѣщенные язычники, которые утратили вѣру въ человѣкообразныхъ боговъ Олимпа и Капитолія. Къ послѣднимъ принадлежалъ и побѣдитель Максимина Лициній. Онъ остался государемъ востока, между тѣмъ какъ Константинъ сдѣлался государемъ запада. Они пытались установить между собою согласіе, и для этого Лициній женился на сестрѣ Константина. Но разница между ними была слишкомъ велика: *одинъ все болѣе склонялся къ исключительному предпочтенію христіанства, другой оставался на точкѣ зрѣнія нейтральности*[2]) *и равнодушія.*

[1]) Указъ.

[2]) Нейтральнымъ называется тотъ, кто не примыкаетъ ни къ той, ни къ другой изъ спорящихъ сторонъ.

Борьбу между Константиномъ и восточнымъ императоромъ Лициніемъ рѣшилъ мечъ: побѣда осталась за Константиномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было возстановлено отмѣненное Діоклетіаномъ единовластіе. Константинъ былъ какъ бы созданъ для него. Простой, обходительный и милостивый, какъ человѣкъ, онъ былъ неумолимъ въ дѣлахъ, касавшихся его государственнаго достоинства. Не только тестя Максиміана или брата жены Максенція онъ казнилъ, потому что этого требовала политика, но даже сына Криспа велѣлъ убить за попытку захватить власть. Рѣшенія свои Константинъ подготовлялъ издалека и приводилъ въ исполненіе, не смущаясь противорѣчіями. Исторія показала, что онъ обладалъ глубокимъ пониманіемъ міровыхъ отношеній. Послѣ побѣды надъ Лициніемъ онъ не вернулся на западъ, хотя тамъ собралъ силы для своихъ успѣховъ; онъ сознавалъ необходимость по двумъ причинамъ удалиться отъ Рима: *въ Римѣ были слишкомъ сильны преданія республики и принципата*, чтобы утвердить въ немъ, какъ слѣдуетъ, новую самодержавную имперію. Поэтому уже Діоклетіанъ ушелъ изъ Рима и жилъ главнымъ образомъ въ Сирміумѣ (въ Иллиріи) и въ Никомидіи (въ Малой Азіи). Для Константина присоединялось еще второе соображеніе. *Онъ слишкомъ рѣзко разорвалъ съ Капитолійскими богами, чтобы чувствовать себя хорошо вблизи Капитолія.* Своей столицей онъ сдѣлалъ Византію, которая вслѣдствіе господства надъ Босфоромъ давно уже считалась важнымъ городомъ. *Въ Византіи Константинъ находился въ соприкосновеніи съ греческой образованностью, съ богатымъ азіатскимъ міромъ, съ Иллиріей и Ѳракіей, которыя поставляли имперіи лучшихъ солдатъ.* Для наблюденія за движеніями варваровъ въ сѣверной Европѣ пунктъ этотъ также казался выбраннымъ удачно, и Константинъ лично нанесъ оттуда страшныя пораженія готамъ и сарматамъ. Въ 330 г. была торжественно освящена новая столица Константинополь.

Въ гражданскомъ управленіи Константинъ продолжалъ политику Діоклетіана, но вслѣдствіе перехода его на сторону христіанъ предстояла важная задача устроить отношенія государства къ церкви. *Константинъ не могъ думать объ искорененіи язычества, но онъ открыто отдавалъ предпочтеніе христіанамъ* въ назначеніи на должности и запрещалъ чиновникамъ изъ язычниковъ совершать жертвы богамъ отъ лица государства. Культы, съ которыми были связаны оргіи и распутство, были запрещены, и посвященные имъ храмы закрыты. Конфискованныя у христіанъ имѣнія были возвращены, и государство стало заботиться о построеніи и украшеніи церквей. Нечего и говорить, что іерархія[1]) епископовъ и священниковъ, установившіеся обычаи ихъ избранія, ихъ власть въ церковныхъ дѣлахъ были признаны государствомъ. *Вслѣдствіе этого единство церкви получило внѣшнее утвержденіе.* Имперія не относилась безучастно и къ спорамъ, возникавшимъ въ самой церкви. *Константинъ призналъ единую могущественную корпорацію и старался о поддержаніи въ ней согласія.* Онъ не вмѣшивался въ подробности богословскихъ споровъ, но этой объединительной политикой сильно повліялъ на установленіе вѣроученія. Въ трудныхъ случаяхъ онъ собиралъ епископовъ и учителей церкви на соборы. Такимъ образомъ, въ 325 г. былъ созванъ первый вселенскій соборъ въ Никеѣ, осудившій ересь Арія[2]). Императоръ самъ открылъ его рѣчью и всячески убѣждалъ собравшихся сговориться и установить обязательное для всей церкви рѣшеніе. Какъ покровитель церкви и блюститель ея единства, Константинъ любилъ называть себя общимъ епископомъ. Противъ осужденныхъ церковью еретиковъ онъ пускалъ въ ходъ свѣтскую силу: конфисковалъ ихъ имущество, отправлялъ ихъ въ ссылку.

---

[1]) Порядокъ должностей.

[2]) Ересь эта обращалась противъ догмата Троичности, такъ какъ Арій отрицалъ единосущность Іисуса Христа Отцу.

Въ 337 г. Константинъ умеръ, оставивъ трехъ сыновей, которые управляли имперіей не безъ раздоровъ. Средній, Констанцій, пережилъ двухъ другихъ. Онъ еще ревностнѣе, чѣмъ отецъ, дѣйствовалъ противъ язычниковъ, но зато *церковь много потерпѣла отъ его вмѣшательства въ религіозные споры*. Онъ принялъ сторону Арія, жестоко преслѣдовалъ православныхъ и въ особенности главнаго защитника никейскаго символа, святого Аѳанасія Александрійскаго. Послѣ него вступилъ на престолъ его двоюродный братъ Юліанъ, при которомъ церкви пришлось выдержать еще болѣе тяжкое испытаніе. Юліанъ выдвинулся еще при Констанціи побѣдами надъ вторгавшимися въ Галлію аллеманами. Онъ былъ патріотъ и образованный человѣкъ, по симпатіямъ болѣе грекъ, чѣмъ римлянинъ. Постоянныя занятія философіей и риторикой (ученіемъ о краснорѣчіи) внушили ему глубокое уваженіе къ древней культурѣ. На христіанство онъ смотрѣлъ, какъ на чуждую силу, преобладаніе которой вело древній міръ къ погибели. Во время своего короткаго царствованія (всего $1^1/_2$ года) Юліанъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разрушить дѣло Константина: онъ возвратилъ язычеству его офиціальное значеніе, возстановилъ храмы боговъ, старался вытѣснить христіанъ изъ должностей и преподаванія.

Но Юліанъ сознавалъ, что нельзя просто вернуться безъ измѣненій къ порядку діоклетіановской эпохи; вліяніе христіанства сказалось даже въ дѣйствіяхъ этого противника новой религіи. *Оно выразилось попыткой примѣнить къ язычеству рядъ требованій, который прежде къ нему не предъявлялись*. Въ противоположность христіанскому богословію, была выдвинута *догматика язычества*, составленная при помощи философіи такъ называемыхъ неоплатониковъ. Въ этой философіи творцомъ міра являлся единый высшій богъ, а всѣ остальныя божества представлялись отдѣлившимися отъ него и зависимыми духами; въ виду строгихъ нравственныхъ требованій христіанства выработано было *языческое нравственное*

ученіе, также требовавшее побѣды надъ чувственностью. Наконецъ, Юліанъ сдѣлалъ попытку устроить *іерархію жрецовъ*, распредѣлить ихъ по областямъ, подчинить другъ другу по образцу епископовъ и священниковъ. Но было во всякомъ случаѣ уже поздно для такихъ реформъ, не говоря о томъ, что въ нихъ чувствовалась искусственность, устройство по заказу.

Валентиніанъ и Валентъ.

Юліанъ погибъ на берегахъ Тигра въ неудачномъ походѣ противъ персовъ (363), и вся его политика возстановленія язычества потерпѣла крушеніе. Съ Юліаномъ прекратилась династія Констанція Хлора. Войска выбрали Валентиніана I. Первымъ дѣломъ новаго императора было назначить себѣ товарища по управленію. Онъ остановился на своемъ братѣ Валентѣ и передалъ ему восточныя области. Такимъ образомъ, идея раздѣленія имперіи была вновь осуществлена, и на этотъ разъ въ такой формѣ, которая отвѣчала основнымъ свойствамъ двухъ половинъ имперіи: *кругъ областей, расположенныхъ около Средиземнаго моря и объединенныхъ римской имперіей, естественно распадался на двѣ половины: западъ былъ романизованъ* — въ немъ преобладали латинскій языкъ и культура, пошедшая отъ Рима; *востокъ оставался эллинистическимъ*. Хотя онъ былъ подчиненъ римскому управленію, но переродившіеся греческій языкъ и образованность были въ немъ все-таки со времени Александра Македонскаго главною культурною силою. Раздѣленіе на Западную и Восточную имперію опиралось поэтому не на случайный капризъ, а на глубокое историческое различіе.

Гунны и готы.

Главное вниманіе императоровъ было обращено на борьбу съ варварами, которая со дня на день становилась тяжелѣе. На востокѣ главными врагами были готы. Валентъ защищалъ противъ нихъ дунайскую границу до 375 г. Въ этомъ году онъ принужденъ былъ принять на

римскую сторону цѣлое племя такъ называемыхъ вестготовъ, которые были вытѣснены изъ мѣстъ своего поселенія великимъ передвиженіемъ народовъ. Тюркское племя гунновъ двигалось изъ Азіи по южно-русскимъ степямъ, осиливая всѣ встрѣчныя народности. Къ нему волею и неволею примкнули массы родственныхъ иранцамъ аланъ, сарматовъ, готовъ. Вестготы бѣжали передъ нашествіемъ и бросились къ римскимъ владѣніямъ. Валентъ принялъ ихъ, слѣдуя политикѣ, которую императоры примѣняли въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ со времени Проба, когда не только вербовали воинственныхъ варваровъ для арміи, но и селили ихъ вдоль границъ цѣлыми племенами. *На этотъ разъ допущеніе готовъ привело къ великому бѣдствію:* раздраженные несправедливостями римскихъ чиновниковъ, варвары возстали и при Адріанополѣ изрубили римское войско вмѣстѣ съ самимъ императоромъ (378 г.). Балканскій полуостровъ подвергся страшному разграбленію, но Константинополя готы не сумѣли взять, и прибывшій на выручку полководецъ Валентиніана Ѳеодосій разъединилъ и усмирилъ ихъ. Онъ сдѣлался восточнымъ императоромъ.

Ѳеодосій Великій.

Благодаря энергіи и ловкости Ѳеодосія, въ послѣднія десятилѣтія IV вѣка имперія успѣшно держалась противъ варваровъ — надо прибавить, что держалась при ихъ же собственной помощи, такъ какъ безъ вербованія франковъ, готовъ, вандаловъ на римскую службу обойтись было нельзя.

Ѳеодосій преслѣдовалъ язычниковъ[1]) и еретиковъ, сталъ рѣшительно на сторону никейскаго символа и

[1]) Язычество было особенно сильно въ Римѣ. Но еще по приказанію соправителя Ѳеодосія Граціана статуя побѣды была вынесена изъ залы сенатскихъ засѣданій. Это глубоко огорчило язычниковъ: они видѣли въ этомъ предзнаменованіе погибели Рима и всячески добивались ея возвращенія. Самозванецъ Евгеній, дѣйствительно, велѣлъ поставить ее на старое мѣсто и возстановить языческіе культы, но они продержались всего 3 мѣсяца и были низвергнуты Ѳеодосіемъ.

всѣми мѣрами способствовалъ укрѣпленію православной іерархіи. На востокѣ и особенно въ Константинополѣ аріане имѣли преобладаніе. Ѳеодосій не скупился противъ нихъ на мѣры принужденія — заточеніе епископовъ, конфискація имущества, лишеніе гражданскихъ правъ играли видную роль. *Но паденіе ереси обусловливалось также духовной побѣдой православія.* Главнымъ поборникомъ его былъ миланскій епископъ Амвросій, который ставилъ выше всего значеніе церкви и при случаѣ неустрашимо отстаивалъ его даже отъ свѣтской власти. Самъ Ѳеодосій признавалъ его пастырскій авторитетъ. Это случилось послѣ страшной рѣзни въ Салоникахъ: народъ убилъ тамъ одного изъ полководцевъ императора; послѣдній собралъ населеніе въ церкви и велѣлъ солдатамъ рубить безъ суда и разбора. Послѣ этой кровавой расправы Амвросій отказалъ Ѳеодосію въ причащеніи, и императоръ покаялся въ своемъ преступленіи.

Общественная роль церкви.

Несмотря на реформы Діоклетіана и его преемниковъ, гражданскій строй имперіи становился все менѣе и менѣе удовлетворительнымъ. Чиновничество росло числомъ и могуществомъ, но все далѣе отдѣлялось отъ народа и въ своей обособленности, среди пораженій и смутъ, теряло идеальное пониманіе своего служенія, впадало въ узкій формализмъ, казнокрадство, взяточничество, утѣсненіе подданныхъ. Послѣднимъ государство представлялось какой-то страшной машиной для вымоганія крови и денегъ. Населеніе культурнаго міра отъ своего усовершенствованнаго государства начинало убѣгать къ варварамъ. Уже Валентиніанъ I и Валентъ учредили выборную должность *«защитниковъ»* (*defensores*), которые должны были охранять провинціаловъ отъ вымогательствъ императорскихъ чиновниковъ. Но недостаточно было создать должность на бумагѣ — надо было придать ей дѣйствительную силу.

Единственной силой, которая въ состояніи была обуздать притѣснителей, охранить слабыхъ, выступить съ нравственными требованіями и высокими идеалами про-

тивъ развращеннаго себялюбія, была церковь. И она въ самомъ широкомъ смыслѣ слова воспользовалась своимъ могуществомъ на общее благо: въ виду суровости и пристрастія судей она стала защищать отъ произвольнаго задержанія тѣхъ, кто бѣжалъ въ храмъ, а послѣ явки на судъ обращалась къ властямъ съ просьбами о помилованіи и снисхожденіи; благотворительность, помощь нищимъ, больнымъ, безпріютнымъ почти всецѣло перешла въ ея руки; относительно рабовъ и полусвободныхъ она послѣдовательно проводила взглядъ, что они такіе же люди, какъ другіе, и потому должны пользоваться охраной законовъ; въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ церквамъ, положеніе рабочаго люда было болѣе сносное и обезпеченное, чѣмъ на земляхъ частныхъ лицъ; наконецъ, епископы сдѣлались главными дѣятелями въ городскихъ общинахъ, потому что только они могли дѣйствительно оказывать нуждающимся покровительство. Рядомъ съ администраціей имперіи возникла такимъ образомъ, церковная администрація, *которая совсѣмъ не ограничивалась своими ближайшими обязанностями по дѣламъ духовенства, а распространяла свои дѣйствія на всѣ вопросы суда и управленія.* И эта церковная администрація находилась въ живой связи съ народомъ, входила въ его нужды и выражала его стремленія.

Паденіе Западной римской имперіи.

Ѳеодосій пережилъ обоихъ своихъ товарищей и въ послѣдніе два года жизни снова соединилъ подъ своей властью всю имперію. Но послѣ его смерти, *съ 395 г. раздѣленіе на восточную и западную половины было возстановлено.* Востокъ получилъ старшій сынъ Ѳеодосія Аркадій, западъ — младшій, Гонорій. Съ ихъ царствованія открывается рядъ нападеній варваровъ, которыя продолжаются въ теченіе всего V-го вѣка и оканчиваются уничтоженіемъ Западной имперіи. Наиболѣе знамениты вторженія вестготскаго вождя Алариха, который въ 410 г.

взялъ и разграбилъ Римъ, и короля вандаловъ Гензериха, который также разграбилъ «вѣчный городъ» въ 455 году. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ гунны подъ предводительствомъ Аттилы такъ опустошили Галлію и Итэлію, что прежнія нападенія германцевъ стали казаться ничтожными, а Аттила заслужилъ прозваніе «бича Божія». Въ 451 г. полководцу императора Валентиніана III Аэцію удалось разбить гунновъ на Каталаунскихъ поляхъ (теперь Шалонъ на Марнѣ). Но это не помѣшало Аттилѣ вторгнуться въ Италію и взять Аквилею, главный оплотъ римлянъ на сѣверо-востокѣ полуострова. Онъ пошелъ и на Римъ, но, по преданію, отказался отъ своего намѣренія вслѣдствіе увѣщаній римскаго епископа Льва Великаго. Восточная имперія меньше страдала отъ нашествій, хотя ей пришлось принять въ свои предѣлы племя остготовъ. *Зато западъ былъ совершенно разстроенъ:* титулъ императора еще сохранялся нѣкоторое время, но имъ распоряжались вожди германскихъ дружинъ, составлявшихъ лучшую часть такъ называемаго римскаго войска; едва замѣтнымъ событіемъ было сверженіе въ Равеннѣ одного изъ безвластныхъ императоровъ, Ромула Августула, предводителемъ геруловъ Одоакромъ. 476 г., когда этотъ германецъ принялъ титулъ короля Италіи, приходится считать годомъ, когда прекратила свое существованіе Западная римская имперія. Цѣлая половина имперіи еще держалась, но Италія и западъ, отъ которыхъ пошло римское могущество и съ которыми была связана романская культура, получили вслѣдствіе вторженія германцевъ совершенно новый видъ. Новое теченіе принадлежитъ уже средневѣковой исторіи. Заканчивая исторію древняго міра, слѣдуетъ отмѣтить, что *паденіе Западной римской имперіи обусловливалось столько же внутреннимъ вырожденіемъ, сколько напоромъ извнѣ.* Лучшія силы общества, правда, сохранились въ церкви, но она не могла спасти разлагавшагося государства и должна была думать о сохраненіи своей цѣлости и вліянія среди варваровъ. Менѣе

задѣтая нашествіемъ Восточная имперія устояла, но и тамъ, чтобы придать жизненность одряхлѣвшему государству, необходимы были глубокія измѣненія.

Глава X.

Римская Культура.

Римляне и греки.

Между двумя классическими народами, греками и римлянами, было глубокое различіе въ духовномъ отношеніи: *у римлянъ не было и слѣда изобрѣтательности, богатой фантазіи, которая отличала грековъ: они брали послѣдовательностью мысли, практичностью, выдержкой характера.* Военный духъ и пренебреженіе ко всему, что не имѣетъ прямой цѣли и пользы, нѣсколько сближали римлянъ съ суровыми, скупыми на слова дорянами, но земледѣльческія занятія и сильное развитіе семейнаго начала придавали римской жизни особый отпечатокъ патріархальной простоты и семейной замкнутости, котораго не имѣла казарменная обстановка Спарты. Къ грекамъ истый римлянинъ всегда относился съ нѣкоторымъ презрѣніемъ за ихъ подвижность, легкомысліе, коварство, болтливость; *но безъ грековъ онъ съ очень раннихъ поръ не могъ обойтись и въ своей образованности совершенно подпалъ ихъ вліянію.* Уже въ царскій періодъ и въ началѣ республики вліяніе это сказалось принятіемъ греческихъ культовъ и миѳовъ: сами римляне, какъ мы уже видѣли, придали своимъ богамъ отвлеченный характеръ и для оживленія ихъ принуждены были обратиться къ помощи греческихъ сосѣдей въ южной Италіи; въ храмѣ Цереры, напримѣръ, гдѣ держали свой архивъ и казну плебейскіе эдилы, богослуженіе совершали греческія жрицы. А живое культурное движеніе началось у римлянъ послѣ того, какъ была завоевана Великая Греція, и особенно послѣ македонскихъ войнъ и покоренія Балканскаго полуострова.

Греческая образованность у римлянъ.

Совершившееся въ это время сближеніе съ греками и азіатами имѣло двоякаго рода вліяніе на римлянъ. Вмѣстѣ съ указанными раньше условіями политической жизни *оно способствовало разложенію стараго строя*, крушенію наивной простоты въ образѣ жизни, непоколебимой набожности, безкорыстнаго патріотизма, нравственной сдержанности. Въ 186 г. сенатъ счелъ необходимымъ открыть строгое преслѣдованіе противъ вакханалій, занесенныхъ въ Римъ греками, потому что эти празднества сдѣлались необузданными, безобразными оргіями. Но ни эти полицейскія мѣры, ни старанія ревнителей старины, въ родѣ цензора Катона, не могли остановить начавшееся движеніе. Оставалось извлечь изъ него хорошіе плоды въ противовѣсъ дурнымъ, *а хорошей стороной его было распространеніе искусствъ и знаній.* Ради этого дорожили Греціей такіе люди, какъ Сципіоны Старшій и Младшій, Фламининъ, Эмилій Павелъ. Ранѣе всего пустила корни у римлянъ *комедія.* Плавтъ и Теренцій писали подъ вліяніемъ позднѣйшей аттической комедіи — ихъ пьесы интересны, какъ картины нравовъ и быта. Самыми живыми лицами въ нихъ являлись рабы съ ихъ подобострастіемъ, хитростью, вліяніемъ на господъ. Они имѣли международное значеніе — играли одинаково важную роль какъ въ греческомъ, такъ и въ римскомъ обществѣ. Въ послѣднемъ ихъ значеніе даже возросло, потому что они являлись воспитателями молодого поколѣнія, представителями умственной культуры среди грубой римской обстановки.

Исторіографія.

Другой видъ литературы, также зародившійся въ это время, — *исторія.* Хотя римляне охотнѣе совершали великія дѣла, чѣмъ разсказывали о нихъ, однако любовь къ славѣ и обиліе подвиговъ должны были рано или поздно выдвинуть историческое повѣствованіе. Сначала дѣло ограничивалось восхваленіемъ предковъ въ знатныхъ семьяхъ, перечисленіемъ ихъ должностей, походовъ, по-

бѣдъ. Кромѣ того, рано появились сухія погодныя записки о всякаго рода достопримѣчательныхъ дѣяніяхъ. Сближеніе съ греками вызвало первыя попытки связнаго историческаго разсказа: Фабій Пикторъ, цензоръ Катонъ оставили обширныя сочиненія такого рода. Нельзя умолчать въ данномъ случаѣ и о греческой работѣ Полибія, описавшаго эпоху пуническихъ войнъ, потому что она вызвана обратнымъ вліяніемъ Рима на Грецію. Полибій былъ близко знакомъ съ римскими порядками — онъ былъ уполномоченнымъ ахейскаго союза при римскихъ войскахъ во время второй македонской войны и участвовалъ послѣ нея въ устройствѣ греческихъ отношеній. Его замѣчательное сочиненіе представляетъ *первую попытку передать теченіе всеобщей исторіи въ противоположность исторіямъ національнымъ: побѣда Рима объединяетъ для него исторію Италіи, Греціи, Азіи и Африки — главныхъ частей образованнаго міра.*

Краснорѣчіе.

Страшная смута гражданскихъ войнъ естественно задержала культурное развитіе Рима. Греческая образованность проникала все глубже въ римское общество, но способные люди были слишкомъ поглощены борьбой, чтобы отдавать свое время литературѣ и произвести въ ней что-нибудь значительное. Единственная отрасль, которая сдѣлала въ это время крупные успѣхи, — это *краснорѣчіе*, которое рано достигло блестящихъ результатовъ; при этомъ оказало вліяніе и выдающееся значеніе въ жизни римлянъ политическихъ собраній и судебныхъ засѣданій. Гракхи, Лициній Крассъ Старшій, Гортензій, особенно Цицеронъ, достигли высоты, на которой они могли соперничать даже со знаменитыми греческими ораторами: природныя дарованія, тщательная подготовка, постоянная практика, интересъ и вкусъ окружающаго общества — все содѣйствовало выработкѣ замѣчательныхъ ораторовъ.

Культурное вліяніе имперіи.

Наибольшаго процвѣтанія достигла образованность во время имперіи, послѣ замиренія. Въ громадной исторической работѣ[1]) *Титъ Ливій поставилъ памятникъ славнымъ воспоминаніямъ республики.* Великіе военные под-

[1]) 142 книги, изъ которыхъ до насъ дошли 1—10 и 21—45.

вини, упорная борьба партій, черты гражданской доблести, простоты и строгости нравовъ, были переданы имъ съ патріотическимъ жаромъ и краснорѣчіемъ, полнымъ достоинства и блеска. Подобною же патріотическою цѣлью задавался Вергилій въ своей Энеидѣ. Онъ попытался создать для римлянъ такой же эпосъ, какой греки имѣли въ гомеровскихъ поэмахъ. Для описанія странствованія Энея послѣ разрушенія Трои послужила образцомъ Одиссея, для разсказа о битвахъ съ латинянами послѣ высадки Энея въ Италіи — Иліада. Этотъ искусственный, нарочно придуманный эпосъ не можетъ сравниться съ гомеровскимъ по непосредственности чувства, образности и наблюдательности. Но интересна общая точка зрѣнія Вергилія: главныя качества его героя — *набожность*, *уваженіе къ религіи и нравственности (pius Aeneas)*. Цѣль поэмы возбудить такія же чувства среди привыкшаго къ беззаконіямъ и распутству римскаго общества, а главное средство — указаніе на связь между религіознымъ преданіемъ и могуществомъ Рима: Эней уноситъ изъ Трои древнихъ боговъ своего дома, и передача этого богопочитанія его потомкамъ служитъ залогомъ всякаго успѣха въ жизни Рима.

Другой великій поэтъ эпохи Августа — Горацій рѣдко обращается къ такимъ серьезнымъ мотивамъ. Его оды, эподы, сатиры, стихотворныя посланія выражаютъ другую потребность времени. Онъ участвовалъ въ послѣдней гражданской войнѣ и притомъ на сторонѣ республиканцевъ, но съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ щитъ въ битвѣ при Филиппахъ, *онъ оставилъ и политическіе интересы*. Боязнь проскрипціи, страхъ передъ возможными новыми волненіями, привязанность къ сабинскому имѣньицу, которое подарилъ ему Меценатъ, преклоненіе передъ властью, которая обезпечиваетъ миръ и порядокъ, — вотъ къ чему сводятся политическія идеи Горація. Онъ радуется всѣмъ удовольствіямъ жизни, предается имъ съ разборчивостью и тонкимъ вкусомъ знатока, одинаково воспріимчиваго для духовныхъ, какъ и для чувственныхъ наслажденій. Мысли и заботы частной жизни у него на первомъ планѣ, такъ же какъ и у другихъ лирическихъ поэтовъ эпохи Августа.

Сатира.

Нельзя однако сказать, чтобы интересъ къ общественнымъ вопросамъ исчезъ изъ литературы имперіи. Пылкій

Катуллъ рѣзко высказывался противъ старшаго Цезаря. При Неронѣ Петроній осмѣялъ (въ Satyricon) провинціальное общество съ его разбогатѣвшими вольноотпущенными, паразитами[1]), кривлявшимися для забавы богачей, неуклюжими попытками перенять роскошь и изящество Рима. *Сатиры* Ювенала при Домиціанѣ захватываютъ гораздо шире. Съ негодованіемъ описываетъ онъ развратъ всего общества — невѣжество, суевѣріе, извращенные вкусы, всевозможные пороки. Его желчная сатира не даетъ пощады никому — она задѣваетъ даже императора и его дворъ, впрочемъ, уже послѣ смерти Домиціана.

Тацитъ.

Недовольство произволомъ императоровъ и нравственнымъ паденіемъ общества нашло себѣ наиболѣе талантливое выраженіе въ историческихъ работахъ Корнелія Тацита, писавшаго при Траянѣ, но испытавшаго всю тяжесть правленія Домиціана. До насъ дошло нѣсколько книгъ его Анналъ и Исторій, посвященныхъ времени Тиберія, послѣднимъ годамъ Клавдія, Нерону и смутамъ послѣ его смерти. Кромѣ того, остались разговоръ объ ораторскомъ искусствѣ, біографія тестя Тацита, Агриколы, и описаніе нравовъ и учрежденій германцевъ. Ни одно изъ этихъ сочиненій не отличается безпристрастіемъ. Тацитъ пишетъ съ сокрушеніемъ сердца и злобою: *въ немъ все еще живетъ независимый духъ знатнаго республиканца, хотя онъ признаетъ необходимость монархіи и невозможность республики.* Но онъ не въ состояніи примириться съ безумной свирѣпостью Нерона, лицемѣрной жестокостью Тиберія, малодушіемъ сената, своеволіемъ войска, распущенностью всего общества. Въ урокъ соотечественникамъ, онъ сопоставляетъ съ ихъ изнѣженностью и пороками грубую, непочатую и здоровую натуру германскихъ варваровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что картина Тацита страдаетъ преувеличеніями и односторонностями, что онъ слишкомъ сосредоточилъ свое вниманіе на жизни высшихъ классовъ въ Римѣ и пренебрегъ менѣе замѣтными провинціями. У него нѣтъ способности Ѳукидида показать въ частныхъ явленіяхъ вліяніе общихъ условій; его особенно интересуетъ изученіе характеровъ, страстей, нра-

[1]) Паразитъ — человѣкъ, который живетъ на чужой счетъ.

вовъ, и, какъ психологъ[1]), онъ едва ли имѣетъ равнаго между историческими писателями.

Пластическія искусства.

Не возвращаясь къ тѣмъ матеріальнымъ успѣхамъ, о которыхъ было сказано раньше, отмѣтимъ цѣлый рядъ крупныхъ заслугъ императорскаго періода. Римское господство содѣйствовало, во-первыхъ, распространенію эллинистической образованности на всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря. Если западъ былъ романизованъ по языку, если даже и на востокѣ утвердились римскія учрежденія, то *наука и искусство повсюду имѣли эллинистическій характеръ*. Какъ сами римляне учились въ этомъ отношеніи у грековъ, такъ стали учиться у нихъ испанцы, галлы, британцы, африканцы. Въ это время пластическія искусства на западѣ достигли высшаго процвѣтанія, при чемъ римлянамъ лучше удавалась архитектура, чѣмъ скульптура. Послѣдняя утратила идеальное содержаніе и красоту греческихъ образцовъ и стала обращаться *къ точному изображенію дѣйствительности* — къ портретной статуѣ и бытовымъ сценамъ (напр., рельефы на колоннѣ Траяна, на тріумфальной аркѣ Тита). Архитектура не выработала совершенно новаго стиля; она воспользовалась этрусскимъ обычаемъ возводить куполъ надъ зданіемъ и соединила его съ колонными постройками грековъ. Замѣчательный примѣръ этого соединенія представляетъ Пантеонъ, построенный Агриппой.

Большой запросъ на увеселенія привелъ къ построенію многочисленныхъ театровъ и цирковъ. И тѣ и другіе располагались подъ открытымъ небомъ амфитеатромъ возвышающихся другъ надъ другомъ скамеекъ со сценой въ серединѣ. Великій циркъ въ Римѣ (Circus maximus) былъ разсчитанъ на 260 000 зрителей. Амфитеатръ Флавіевъ получилъ за свою громадность названіе Колоссея,

[1]) Психологія — наука о душѣ.

и его развалины до сихъ поръ могутъ дать понятіе о размѣрахъ, прочности и великолѣпіи этихъ сооруженій. Надо прибавить, что памятники Рима и провинцій ясно свидѣтельствуютъ не только о процвѣтаніи I и II вѣковъ, но и объ упадкѣ образованности, начиная съ III вѣка: тріумфальныя арки Септимія Севера и Константина, напримѣръ, обнаруживаютъ своими украшеніями и рельефами все возрастающее одичаніе: подробности нагромождаются безъ внутренней связи, теряется способность вѣрно наблюдать и искусно изображать дѣйствительность.

Наука.

Въ наукѣ отпечатокъ эллинизма не менѣе замѣтенъ, нежели въ искусствѣ. Собираніе свѣдѣній, интересъ къ естественно-историческимъ знаніямъ продолжаются, хотя императорское время и не выставило такого великаго числа первоклассныхъ ученыхъ, какъ александрійская образованность II и III вѣковъ до Р. Х. Плиній Старшій собралъ при Неронѣ и Веспасіанѣ въ своей «Естественной исторіи» массу интересныхъ наблюденій по минералогіи, ботаникѣ, зоологіи, сельскому хозяйству, хотя его замѣтки и не сведены въ продуманное цѣлое. Галенъ сдѣлался основателемъ научной медицины, потому что первый поставилъ способъ лѣченія въ зависимость отъ физіологіи[1]) человѣка. Самое глубокое вліяніе имѣли работы александрійскаго ученаго Клавдія Птоломея[2]), установившаго основы ученія о планетахъ и математическую географію, которой ученые держались болѣе, чѣмъ тысячу лѣтъ послѣ него. Онъ, между прочимъ, убѣдился, что поверхность земли не плоская, а круглая, и разрушилъ представленіе, что океанъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ населенный людьми материкъ.

Право.

Въ одномъ направленіи — въ области права — римляне проложили безусловно новый путь и совершили дѣло, которое оказываетъ рѣшительное вліяніе даже на наше

[1]) Физіологія — наука о жизни организмовъ.
[2]) Жилъ при Антонинѣ.

время. Греческія государства познакомились съ самыми разнообразными отношеніями между людьми и выработали для приведенія ихъ въ порядокъ очень замѣчательныя формы права. Но греки были слишкомъ разрознены и слишкомъ измѣнчивы, чтобы составить обширную и продуманную юридическую систему; притомъ занятіе правомъ попало у нихъ въ руки людей, не особенно уважаемыхъ въ обществѣ, — софистовъ и ораторовъ по ремеслу, которые старались только нажиться и выдвинуться этимъ дѣломъ. *Римскій народъ былъ какъ бы созданъ для разработки права.* Послѣдовательность и логичность мышленія отличаютъ его съ перваго появленія въ исторіи. Упорная сословная борьба пріучила самыхъ мелкихъ людей понимать правовыя опредѣленія и дорожить ими. Завоеваніе Италіи и провинцій сдѣлало римлянъ главными посредниками въ разрѣшеніи судебныхъ споровъ всего міра. Древнѣйшіе юридическіе обычаи стояли въ прямой связи съ религіей и сохранялись жрецами (pontifices). Въ магистратской службѣ судоговореніе играло такую же роль, какъ и военное командованіе, и смѣнялось съ нимъ. Наконецъ, отношенія патрона къ искавшимъ его покровительства кліентамъ, знатнаго римлянина къ обращавшимся за его помощью иностранцамъ и провинціаламъ — вызывали къ адвокатской дѣятельности людей, наиболѣе знатныхъ, заслуженныхъ и уважаемыхъ въ государствѣ.

Развитіе римскаго права.

Суды далеко не ограничивались примѣненіемъ утвержденныхъ народомъ законовъ или постановленій сената (senatus consulta), такъ какъ и тѣ и другія охватывали весьма незначительную часть случаевъ, по поводу которыхъ возникали споры. Во время республики *преторъ*, вступавшій въ должность, объявлялъ *указомъ (эдиктомъ)*, какихъ началъ онъ будетъ держаться при судоговореніи; а такъ какъ и указомъ нельзя было предусмотрѣть всего и притомъ магистратъ могъ быть лично человѣкомъ, мало свѣдующимъ въ правѣ, то онъ призывалъ себѣ въ помощь засѣдателей — хорошихъ юристовъ или обращался за

разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ извѣстнымъ авторитетамъ[1]) въ области права.

Чѣмъ болѣе осложнялись гражданскія отношенія и накоплялись законы, обычаи, указы, рѣшенія, отвѣты знаменитыхъ юристовъ (responsa prudentum), тѣмъ настоятельнѣе чувствовалась необходимость разобраться въ этой массѣ, выяснить основныя начала, поставить частность въ зависимость отъ этихъ началъ. Первымъ замѣчательнымъ представителемъ такой научной работы былъ первый плебей, достигшій должности верховнаго жреца, Тиберій Корунканій (pontifex maximus въ 252 г. до Р. Х.). *Онъ изложилъ юридическіе обычаи, блюстителями которыхъ были жрецы.* Болѣе обширенъ былъ кругозоръ Муція Сцеволы, погибшаго во время захвата Рима Маріемъ: онъ уже принялъ во вниманіе всѣ разнообразные источники права своего времени.

Послѣ учрежденія имперіи право стало развиваться еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ при республикѣ. Гордость имперіи состояла въ томъ, что она поддерживала миръ и порядокъ среди разноплеменнаго населенія культурнаго міра. Ростъ матеріальнаго благосостоянія, оживленіе торговли, разнообразный обмѣнъ услугъ, множество сдѣлокъ, обязательствъ — все это требовало усиленной дѣятельности юристовъ, которые умѣли бы тонко различать отношенія, опредѣлять и расчленять понятія, строить выводы, разграничивать права сторонъ, подводить жизненные случаи подъ общія начала закона и науки. Затѣмъ наступило то существенное измѣненіе сравнительно съ республикой, что имперія стала противодѣйствовать крайнему раздробленію права и проводить объединительную политику. Уже Августъ сдѣлалъ шагъ въ этомъ смыслѣ: онъ запретилъ обращаться за совѣтомъ къ любому юристу: *разрѣшеніе давать «отвѣты»* стало выдаваться изъ императорской канцеляріи извѣстному небольшому числу лицъ. По порученію Адріана, Сальвій Юліанъ замѣнилъ различные преторскіе указы однимъ такъ называемымъ постояннымъ эдиктомъ: въ него были включены существенныя положенія предшествовавшихъ эдиктовъ, и отброшено все лишнее и противорѣчивое. При Маркѣ Аврелiи Гай

[1]) Авторитетъ — вліяніе; въ переносномъ смыслѣ — человѣкъ, который пользуется уваженіемъ и вліяніемъ, какъ знатокъ какого-нибудь дѣла.

составилъ «*Институціи*», краткое руководство, излагавшее главныя начала права. Онъ при этомъ имѣлъ въ виду не положенія, составлявшія особенность римскаго народа, а тѣ общія правила, которыя казались вытекающими изъ общаго всѣмъ людямъ разума и чувства справедливости и потому были одинаково примѣнимы ко всѣмъ народамъ. Это разумное право называлось общенароднымъ (ius gentium). По мѣрѣ того какъ римское гражданство распространялось на всѣ подвластные имперіи народы, общенародное право все болѣе и болѣе становилось правомъ гражданскимъ (ius civile).

Великое значеніе юриспруденціи[1]), ея первенствующая роль въ имперіи выразилась, наконецъ, въ томъ, что *префектами преторія и, слѣдовательно, ближайшими помощниками императоровъ стали назначать знаменитыхъ юристовъ.* Такое положеніе занималъ при Септиміи Северѣ — Папиніанъ, при Каракаллѣ и Геліогабалѣ — Юлій Павелъ, при Александрѣ Северѣ — Ульпіанъ, всѣ три — выдающіяся свѣтила римскаго права, отвѣты которыхъ въ большомъ количествѣ сохранились въ собраніи отрывковъ изъ римскихъ юристовъ, извѣстномъ подъ именемъ Дигестъ Юстиніана.

Послѣ возстановленія имперіи, въ концѣ III вѣка, начинается новая эпоха въ исторіи римскаго права. Уже не отдѣльные ученые юристы опредѣляютъ право своими мнѣніями: *руководящая роль переходитъ прямо къ императору и его канцеляріи.* Большая часть законовъ, указовъ, постановленій IV и V вѣковъ, вѣроятно, составлены были не безъ участія хорошихъ знатоковъ права, но участіе это остается незамѣтнымъ. Діоклетіанъ, Константинъ, Ѳеодосій, Аркадій и Гонорій говорятъ отъ своего лица и даютъ не мнѣніе или ученіе, а приказанія. По юридическому интересу и талантливости эта работа поздней имперіи не можетъ сравниться съ дѣятельностью «классическихъ»[2]) юристовъ II и III вѣковъ. Но и этому періоду принадлежитъ неотъемлемая слава: постановленія императоровъ IV вѣка совершенно пересоздали сословное положеніе гражданъ и много содѣйствовали разрушенію рабства, этой позорной основы древней культуры.

---

[1]) Примѣненіе права учеными юристами.

[2]) Слово «классическій» часто употребляется почти въ смыслѣ русскаго «образцовый».

Римское гражданское право есть главный вкладъ римлянъ въ исторію человѣчества. Его значеніе лучше всего выясняется изъ того обстоятельства, *что ученіе юристовъ имперіи не умерло до сихъ поръ* и не только не умерло, а признается лучшей подготовкой для современнаго юриста и главнымъ основаніемъ дѣйствующихъ въ европейскихъ странахъ правовыхъ положеній. Для того, чтобы объяснить себѣ причины такой необыкновенной живучести, такого перенесенія въ XIX вѣкъ понятій II вѣка, мало указать на выдающуюся способность римлянъ къ юридическому мышленію и на богатство отношеній, которое представляла для юридической обработки имперія. Семнадцать столѣтій прошли не даромъ, и во всѣхъ отрасляхъ жизни произошелъ рядъ измѣненій, иногда очень глубокихъ; если тѣмъ не менѣе римское право сохранило жизненную силу, то оно обязано этимъ высокой точкѣ зрѣнія, которую проводили классическіе юристы: они старались создать общее всѣмъ народамъ право и для этого опирались не на случайныя постановленія римлянъ, аѳинянъ, сирійцевъ, *а на природу человѣка вообще, на то, что естественно, разумно и справедливо въ отношеніяхъ между людьми.* При этомъ національныя и сословныя осложненія, хотя и не уничтожались, но отступали на второй планъ; римлянинъ и грекъ, гражданинъ, вольноотпущенный и рабъ разсматривались прежде всего, какъ люди. Оттого и получилась возможность до извѣстной степени подставить на мѣсто этихъ давно отжившихъ подраздѣленій новыя общественныя группы и клички — французовъ и нѣмцевъ, полноправныхъ и неполноправныхъ — и все-таки сохранить главное — попытку построить естественное право людей на разумной природѣ человѣка.

Надо прибавить, что исходнымъ пунктомъ служили интересы и воля отдѣльнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи право классическихъ юристовъ сильно отличается какъ отъ взглядовъ временъ республики, такъ и отъ идей, получившихъ ходъ въ концѣ имперіи. Въ республиканскую эпоху человѣкъ разсматривался преимущественно, какъ гражданинъ; каждый представитель привилегированнаго меньшинства, такъ называемыхъ гражданъ, есть прежде всего часть высшаго цѣлаго — городской общины. Интересъ этой общины и связь ея частей принимались болѣе во вниманіе, чѣмъ интересъ и воля человѣка, взятаго въ

отдѣльности; и чѣмъ отдаленнѣе эпоха, которую мы беремъ, тѣмъ сильнѣе вліяніе города, рода, семьи. Съ другой стороны, въ IV и V вѣкахъ имперія сильно подчиняетъ интересъ и право отдѣльныхъ лицъ своей опекѣ, а рядомъ возникаетъ церковь, которая опять-таки ищетъ не только спасенія отдѣльныхъ лицъ, а крѣпкаго соединенія ихъ въ одно церковное цѣлое, которое есть тѣло Христово. Въ промежуткѣ стоитъ имперія первыхъ трехъ вѣковъ, которая, конечно, многаго требовала отъ своихъ подданныхъ, но все-таки разсматривала государство, какъ стоящую выше общества и, значитъ, внѣ общества охранительную силу, а самое общество, какъ рядъ постоянно возникающихъ и разлагающихся отношеній между отдѣльными лицами. Семья, родъ, корпорація, сословіе, городъ, религіозное сообщество — всѣ эти группы признавались, но только какъ временныя и обусловленныя государствомъ соединенія отдѣльныхъ лицъ. Значительное развитіе какого-либо изъ этихъ соединеній казалось столько же опасностью для всемогущаго государства, сколько посягательствомъ на свободу отдѣльной личности. Императоры оттого такъ и преслѣдовали христіанскую церковь, что она выступила изъ рамокъ общаго подчиненія и утверждалась на совершенно самостоятельномъ началѣ. Римское право классической эпохи проводитъ начало *индивидуализма* — раздробленія общества на слабо связанныя другъ съ другомъ отдѣльныя личности.

Этика.

Общія идеи, проникавшія римское право, выработались не только вслѣдствіе благопріятной имъ государственной обстановки и успѣховъ юридической науки: имъ сильно содѣйствовало движеніе философское, которое, какъ и вся духовная культура Рима, началось въ Греціи, а затѣмъ распространилось на западъ. Римляне были народъ преимущественно практическій. Поэтому ихъ менѣе, чѣмъ грековъ, интересовали отвлеченные вопросы. *Они въ философіи обращали особенное вниманіе на ту часть, которая имѣетъ непосредственное значеніе въ жизни, на такъ называемую этику, или ученіе о нравственности.*

Чѣмъ долженъ человѣкъ руководствоваться въ своемъ *поведеніи?* Что такое *счастье*, къ которому всѣ люди стремятся? Этими задачами преимущественно занимались философы временъ римской имперіи. Предлагалось, главнымъ образомъ, два разрѣшенія. Со временъ грека *Эпикура* нѣкоторые держались взгляда, что счастье можетъ быть достигнуто во многихъ — если не во всѣхъ — случаяхъ искуснымъ выборомъ удовольствій въ жизни и устраненіемъ непріятнаго. Въ стихотвореніяхъ Горація высказывается именно такой тонко образованный эпикуреецъ. Но, хотя среди высшаго римскаго общества много было людей, склонныхъ къ подобному пониманію жизни, характеръ народа подсказывалъ другое. Римъ возвысился не молодушнымъ исканіемъ удовольствій, а самоотверженнымъ исполненіемъ долга, готовностью каждаго гражданина претерпѣть всякія невзгоды и опасности ради общаго блага. И даже когда большинство гражданъ утратило свой нравственный законъ, лучшіе люди все-таки склонялись преимущественно къ *стоической философіи*, которая проводила глубокое различіе между счастьемъ и удовлетвореніемъ пожеланій: ни роскошь, ни всевозможныя удовольствія не даютъ спокойствія человѣку, ихъ пріятность быстро притупляется и оставляетъ горькій осадокъ; напротивъ, человѣкъ больной, бѣдный, лишенный всѣхъ внѣшнихъ наслажденій, можетъ быть счастливъ — счастливъ сознаніемъ, что живетъ по долгу и правдѣ; *равнодушіе къ внѣшнимъ благамъ, невозмутимое отношеніе къ случайностямъ жизни, исполненіе разумнаго долга стали заповѣдями стоицизма.* При такихъ взглядахъ внѣшнее могущество теряло свою цѣну. Учитель Нерона Сенека старается представить себѣ землю, какъ она должна показаться человѣку, который высоко поднялся бы надъ нею: большая часть покрыта водами, нѣкоторыя области лежатъ въ палящемъ зноѣ, другія покрыты льдомъ . . . Стоитъ ли постоянно воевать изъ-за земли? Какими ничтожными покажутся движущіеся по поверхности полки

со своими знаменами, конные отряды, переправляющіеся черезъ рѣки! Съ другой стороны, теряетъ значеніе разница между бѣднымъ и богатымъ, знатнымъ и рабомъ: самымъ вліятельнымъ изъ стоическихъ философовъ былъ простой рабъ Эпиктетъ. *Разумъ и служеніе долгу дѣлаютъ человѣка свободнымъ, а не наложенныя извнѣ отличія.* Что пользы, если человѣкъ самъ консулъ и происходитъ отъ консула? Онъ можетъ быть рабомъ своихъ страстей. И наоборотъ: никакое внѣшнее принужденіе не въ состояніи связать души, потому что душа человѣка божественна, и никакая власть не имѣетъ силы надъ божествомъ. У стоиковъ сказывается, такимъ образомъ, во всей силѣ направлявшая римское право идея, что въ основѣ отношеній между людьми должна лежать разумная природа человѣка. И у Эпиктета, и у Марка Аврелія замѣтна еще другая черта: гражданинъ обязанъ служить по мѣрѣ силъ государству, но власть, почетъ, успѣхъ не должны увлекать его. Надо все это считать второстепеннымъ, чтобы имѣть возможность спокойно отнестись къ пораженію, униженію, неудачѣ. Отъ всѣхъ случайностей жизни стоикъ уходитъ въ самого себя и старается достигнуть прежде всего невозмутимости своего личнаго духа.

Религіозное движеніе.

Тяжелы были такія требованія для большинства людей. *Оно нуждалось въ увѣренности, что жизнь міра, какъ цѣлаго, представляетъ стройный порядокъ и благословеніе свыше, что счастіе не есть простое отреченіе отъ всякихъ возбужденій — какъ радостныхъ, такъ и горестныхъ.* Подобную увѣренность могла дать только *религія.* И мы уже видѣли, какъ упорно искалъ римскій міръ религіи, какъ испробовали всевозможныя соединенія культовъ, оказавшихся безсильными въ отдѣльности, какъ перешли мало-по-малу отъ трезваго разсудочнаго западнаго бого-

почитанія къ могучимъ восточнымъ поклоненіямъ. Это движеніе сопровождалось переворотомъ въ философіи. Распространяется, особенно въ III вѣкѣ, такъ называемая *неоплатоническая школа* (ново-платоновская). Она представляла себѣ Бога, какъ великаго мірового духа, отъ котораго отдѣлился цѣлый рядъ второстепенныхъ духовъ. Человѣкъ можетъ приблизиться къ Богу праведной жизнью, чистотой нравственной и физической, исполненіемъ различныхъ обрядовъ. При этомъ самые праведные и мудрые люди еще до смерти выходятъ изъ подчиненія обычнымъ законамъ природы и становятся чудотворцами; такимъ чудотворцемъ считали Пиѳагора, а про одного изъ философовъ I вѣка Аполлонія Тіанскаго еще при его жизни сложился цѣлый рядъ сказаній — ему приписывали всевѣдѣніе, способность исцѣлять больныхъ, воскрешать мертвыхъ и т. п.

Аскетизмъ.

Принятіе христіанства дало, наконецъ, выходъ напряженнымъ религіознымъ потребностямъ человѣчества. И въ самомъ христіанствѣ, помимо еретическихъ ученій и борьбы съ ними, обозначились два главныхъ религіозно-нравственныхъ направленія. Еще во время гоненій на востокѣ образовалось монашество; отшельники уходили въ страшную пустыню Ѳиваиды, отрекались отъ міра, бѣжали людей, вступали въ ежечасную борьбу съ потребностями и искушеніями плотскаго существованія, чтобы этимъ «упражненіемъ» (аскесъ) достигнуть полнаго равнодушія къ внѣшнимъ страданіямъ и утѣхамъ и жить только для души — созерцаніемъ Божества, молитвою и покаяніемъ. Торжество христіанства при Константинѣ не уничтожило этого аскетическаго направленія. Жизнь была такъ полна волъ, общество было такъ испорчено и полно соблазна, природа человѣка оказывалась такой порочной и слабой, что *борьба противъ «міра, плоти и діавола»* не теряла смысла и продолжала привлекать

подвижниковъ. Монашество все развивалось и перешло съ востока также и на западъ. Вслѣдъ за отшельниками (эремитами — пустынниками) появились такъ называемые *киновиты*[1]), которые жили вмѣстѣ и подчинялись извѣстнымъ общимъ правиламъ.

Церковь.

Рядомъ съ аскетизмомъ, какъ средствомъ спасенія отдѣльныхъ людей, шло развитіе церкви, какъ совокупности вѣрующихъ. Всемірная исторія указываетъ на громадное вліяніе церковныхъ идеаловъ въ жизни человѣчества. Можно сказать, что съ перваго появленія христіанства въ мірѣ поставленъ былъ вопросъ о томъ, какъ измѣнится отъ этого судьба народовъ, какимъ образомъ церковь можетъ содѣйствовать проведенію справедливости и благоустройства на землѣ. Не было недостатка въ людяхъ, которые понимали это вмѣшательство очень непосредственно и грубо — ожидали, напримѣръ, что Христосъ воцарится, какъ государь земного міра, и введетъ въ немъ правду и счастіе. Но сама церковь не раздѣляла такой точки зрѣнія — она учила, что ея задача — духовное воспитаніе и руководство, а не свѣтское управленіе, хотя послѣднее все-таки должно находиться въ извѣстной зависимости отъ перваго.

Бл. Августинъ.

Самымъ замѣчательнымъ истолкователемъ церковныхъ взглядовъ былъ блаженный Августинъ, епископъ африканскаго города Гиппо, жившій въ первой половинѣ V вѣка. Онъ получилъ самое лучшее эллинистическое образованіе, какое только можно было дать въ ту эпоху, и нѣкоторое время блисталъ, какъ свѣтскій человѣкъ и искусный литераторъ. Но довольно рано онъ отбросилъ всѣ свѣтскія занятія, сдѣлался глав-

[1]) *Κοινὸς βίος* — общая жизнь.

нымъ поборникомъ православія на западѣ и всецѣло предался заботамъ о разъясненіи христіанскаго ученія и идеаловъ.

Его сочиненіе «О государствѣ Божіемъ» имѣетъ великое историческое значеніе. Оно положило основаніе тѣмъ воззрѣніямъ, которыми руководствовалось западное христіанство въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. По важности его можно поставить рядомъ съ ученіемъ о государствѣ Аристотеля съ тою разницею, что Аристотель даетъ преимущественно оцѣнку уже закончившагося греческаго развитія, Августинъ же устанавливаетъ идеи для будущаго. Оба автора сходны въ томъ отношеніи, что пишутъ среди развалинъ тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ. Августинъ былъ свидѣтелемъ страшныхъ вторженій варваровъ и постепеннаго крушенія римской имперіи на западѣ. Онъ ставитъ ее въ рядъ великихъ монархій исторіи — за ассирійской послѣдовала персидская, затѣмъ македонская, наконецъ — римская. Всѣ эти попытки объединить міръ были замѣчательны, но всѣ привели только къ минутнымъ успѣхамъ и окончательному паденію, потому что у строителей зданія не хватало краеугольнаго камня. Всѣ строили «государство діавола», возводимое борьбой, страстями, пороками людей. *Въ противоположность ему, воздвигается государство Божіе, основанное на таинственномъ Промыслѣ*, который вновь и вновь даетъ себѣ чувствовать среди беззаконій и насилій. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ люди получили указанія свыше для праведной жизни. Спаситель Своимъ пришествіемъ на землю положилъ начало истинной церкви, которая должна хранить и проводить Его завѣты въ человѣчествѣ. Пусть распадается слава Рима! Она украшала насильственное устроеніе діавола. *Какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ спастись безъ сообщенія ему благодати Божіей черезъ посредство церкви, такъ и общество людей можетъ сдѣлаться государствомъ Божіимъ только при помощи церкви.* Она обязана принять на себя воспитаніе отдѣльныхъ лю-

дей и высшее руководство всѣми людскими учрежденіями. Безпорядокъ и бѣдствія полезны, потому что они указываютъ, гдѣ надо искать спасенія.

Такимъ образомъ, намѣчались двѣ великія чёрты средневѣковаго пониманія міра: *осужденіе грѣховной природы человѣка и призваніе церкви для руководства гражданскими отношеніями.*

Оглавленіе.

Введеніе 3

Первый отдѣлъ. — Востокъ.

Гл. 1. Египетъ 7
Гл. 2. Вавилонія и Ассирія 13
Гл. 3. Мидія и Персія 18
Гл. 4. Финикія 22

Второй отдѣлъ. — Греція.

Гл. 1. Географическій очеркъ 26
Гл. 2. Древнѣйшая культура грековъ 30
Гл. 3. Спарта 40
Гл. 4. Аѳины 45
Гл. 5. Персидскія войны 53
Гл. 6. Аѳины въ V вѣкѣ 62
Гл. 7. Греческая образованность. Эпоха процвѣтанія 68
Гл. 8. Пелопоннесская война 74
Гл. 9. Преобладаніе Спарты и Ѳивъ 83
Гл. 10. Македонская монархія 87
Гл. 11. Греческая образованность. Эпоха упадка 98

Третій отдѣлъ. — Римъ.

Гл. 1. Географическій очеркъ Италіи 106
Гл. 2. Римская культура древнѣйшей эпохи 108
Гл. 3. Борьба патриціевъ съ плебеями 113
Гл. 4. Завоеваніе Италіи 124
Гл. 5. Завоеваніе Средиземнаго моря 130
Гл. 6. Эпоха гражданскихъ смутъ 145
Гл. 7. Паденіе республики 161
Гл. 8. Принципатъ 179
Гл. 9. Распаденіе имперіи 201
Гл. 10. Римская культура 214

Ал.-Чер. Краевая
ГОС. БИБЛИОТЕКА
им. К. Маркса
Ростов-Дон